

**Общество.
Коммуникация.
Образование**

Том 11, №1, 2020

ОБЩЕСТВО. КОММУНИКАЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор — *Чернявская В.Е.*, д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.

Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Бернер Э., д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Германия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Турция;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Россия;

Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Куссе Х., д-р филол. наук, профессор, Технический университет Дрездена, Германия;

Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Микиртумов И.Б., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Миронов В.В., д-р филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия;

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Свердлов М.Б., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Россия;

Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Шпицмюллер Ю., д-р филол. наук, профессор, Венский университет, Австрия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354), в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников, по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 — Исторические науки и археология, 09.00.00 — Философские науки, 13.00.00 — Педагогические науки.

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции: (812) 552-62-16.

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Society.
Communication.
Education**

Vol. 11, no. 1, 2020

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2020

SOCIETY. COMMUNICATION. EDUCATION

EDITORIAL BOARD

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation – editor-in-chief.

Nadezhda I. Almazova, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Sergey V. Kulik, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Kuße Holger, Dr.Sc. (philol.), prof., Technical University of Dresden, Germany;

Boris V. Markov, Dr.Sc. (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Ivan B. Mikirtumov, (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Vladimir V. Mironov, Dr.Sc. (philos.), prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation;

Sergey N. Pogodin, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Nina V. Popova, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Mikhail B. Sverdlov, Dr.Sc. (history), prof., St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Lyudmila P. Khalyapina, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Olga D. Shipunova, Dr.Sc. (philos.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Jürgen Spitzmüller, Dr.Sc. (philol.), prof., University of Vienna, Austria;

Aleksandra F. Yakovleva, Ph.D. (political), assoc. prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties: 07.00.00 — historical sciences and archeology, 09.00.00 — Philosophical sciences, 13.00.00 — Pedagogical sciences.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>). No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2020

Содержание

Философия

Пирожкова С.В. <i>Социальные ожидания: эпистемические основания и роль в обществе знаний.....</i>	7
Квашенко Н.Ю. <i>Влияние инфосферы на ценностные установки личности в цифровой культуре.....</i>	19
Varini H. <i>Sixth Force and Photonic Overman.....</i>	30

Прикладная лингвистика

Кушнина Л.В., Глаголев Я.Б. <i>Метапереводческая транспозиция имени собственного в пространстве художественного дискурса.....</i>	59
Кашмилова О.Н., Чернявская В.Е. <i>Академическая репутация: дискурсивный анализ современной Российской практики.....</i>	69

Теория и методика обучения и воспитания

Вишневецкая Н.В. <i>Социолингвистические параметры коммуникативной компетенции выпускника магистратуры.....</i>	81
Сүлейманова О.А., Водяницкая А.А. <i>Сетевые технологии в системе обучения learning by doing.....</i>	90

Образование. Культура

Поздеева Л.Г., Назарова Н.С. <i>Анализ готовности студентов политехнического университета к предпринимательской деятельности.....</i>	100
--	-----

Contents

Phylosophy

Pirozhkova S.V. <i>Social expectetions: epistemic basis and role in the knowledge society.....</i>	7
Kvashenko N.Yu. <i>The impact of the infosphere on the values of personality in a digital culture.....</i>	19
Varini H. <i>Sixth Force and Photonic Overman.....</i>	30

Applied Linguistics

Kushnina L.K., Glagolev Ya.B. <i>Metatranslation transposition of the proper name in the literary discourse space.....</i>	59
Kamshilova O.N., Chernyavskaya V.Ye. <i>Academic reputation: a discursive analysis of modern Russian practice.....</i>	69

Theory and Methods of Training and Education

Vishnevetskaya N.V. <i>Sociolinguistic Parameters of a Master's Communicative Competence.....</i>	81
Suleimanova O.A., Vodyanitskaya A.A. <i>Digital Engines in learning-by-doing Education Format.....</i>	90

Cultural Studies

Pozdeeva E.G., Nazarova N.S. <i>Analysis of readiness of students of the Polytechnical University to entrepreneurial activity.....</i>	100
---	-----

DOI: 10.18721/JHSS.11101

УДК: 165

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

С.В. Пирожкова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

В статье представлены результаты анализа теоретического содержания концепта «социальные ожидания» и его взаимосвязи с близкими теоретическими конструкциями. Охарактеризованы предпосылки формирования данного концепта, обусловленные развитием как социальной теории и ее теоретико-познавательных оснований, так и динамикой социальной практики, требующей новых форм осмысления и регулирования. Прояснено понятие «ожидание», раскрываются его эпистемологический и деятельностный смыслы, соотношение с понятиями «знание», «предвосхищение», «предвидение». Автором прослеживается преемственность проблематики, связанной с феноменом рефлексивности предсказаний, в том числе анализом рефлексивности публичных предсказаний, и проблематики, связанной с изучением индивидуальных и коллективных ожиданий в экономических и социологических исследованиях. Специфика концепта «социальные ожидания» заключается в акцентировании деятельностного характера ожиданий и их роли как порождающего фактора, а не только репрезентации социального процесса. Подобное смещение акцента отличает данное понятие от концептов рациональных и адаптивных ожиданий в экономике, делающих акцент прежде всего на эпистемическом понимании ожиданий. Показано, что понятие «социальные ожидания» в целом позволяет проводить исследовательскую работу, связанную с фиксацией и осмыслением особенностей современного общества, в частности, особенностей функционирования социального контура технологического развития.

Ключевые слова: социальные ожидания, знание, информация, горизонт ожиданий, адаптивные ожидания, рациональные ожидания, рефлексивность предсказаний

Ссылка при цитировании: Пирожкова С.В. Социальные ожидания: эпистемические основания и роль в обществе знаний // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, №1. С. 7-18. DOI: 10.18721/JHSS.11101

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

SOCIAL EXPECTATIONS: EPISTEMIC BASIS AND ROLE IN THE KNOWLEDGE SOCIETY

S.V. Pirozhkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

The article presents the results of the analysis of the theoretical content of the concept “social expectations” and its relationship with similar theoretical constructions. The article describes the prerequisites for the formation of this concept, due to the development of social theory and its theoretical and cognitive foundations on the one hand, and the dynamics of social practice, which requires new forms of understanding and regulation on the other hand. The concept of “expectation” is clarified, its epistemological and activity meanings are revealed, as well as its relation to such concepts as “knowledge”, “anticipation”, and “prevision”. The author traces the continuity of issues related to the phenomenon of reflexivity of predictions, in particular, the analysis of the reflexivity of public predictions, and issues related to the studies of individual and collective expectations in economic and sociological research. The specificity of the concept “social expectations” is to emphasize the activity

nature of expectations and their role as a generating factor, not just a representation of the social process. This shift in emphasis distinguishes this concept from the concepts of rational and adaptive expectations in economics, which focus primarily on the epistemic understanding of expectations. It is shown that the concept of social expectations allows carrying out exploration related to fixing and understanding the features of modern society, in particular, the features of the functioning of the social context of technological development.

Keywords: social expectations, knowledge, information, horizon of expectations, adaptive expectations, rational expectations, reflexivity of prediction

Citation: S.V. Pirozhkova, Social expectations: epistemic basis and role in the knowledge society, *Society. Communication. Education*, 11 (1) (2020) 7-18. DOI: 10.18721/JHSS.11101

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение: постановка проблемы

Индивидуальные и коллективные ожидания к настоящему времени стали предметом исследования целого ряда социогуманитарных дисциплин – от когнитивной психологии до экономики. Особенность такого исследовательского направления, как социальные исследования науки и технологий (Social Studies of Science, Technology and Society, STS), заключается в его междисциплинарном характере, предполагающем возможность получения системного представления о феномене ожиданий с учетом достижений разных наук. К этому безусловному достоинству прибавляется то, что объектная специфика изучаемых в такой комплексной оптике ожиданий относится к ключевым проблемам современного социогуманитарного знания – не просто взаимосвязанным, но теснейшим образом переплетающимся между собой процессам: 1) роста научного знания, 2) прогресса материальных (технологических) возможностей человека и создаваемой благодаря им искусственной среды, 3) эволюции социальных отношений. Поскольку речь идет об исследованиях, имеющих социологическую направленность (хотя и в самом широком понимании, учитывающим многообразие современных исследований социального – их предметного охвата и методологического инструментария), ожидания, изучаемые в рамках STS, – это прежде всего социальные ожидания. Задача настоящей статьи – прояснить специфику данного концепта, теоретические и прагматические предпосылки его формирования и его взаимосвязь с родственными теоретическими конструкциями, указать те аналитические задачи, которые он позволяет решать, в том числе показать его значение для работы с реалиями современной социально-экономической организации общества, отраженными в таких понятиях, как «биокапитализм», «когнитивный капитализм», «общество знаний», «экономика знаний» и др.

Методология

При решении поставленной задачи мы опирались на терминологический и концептуальный анализ, который разворачивали на материале как философско-методологических и эпистемологических работ, так и теоретических работ в таких областях, как экономика и социология. Наибольшее внимание было уделено обобщающим теоретическим работам по социологии ожиданий [1–3], обзорным и полемическим работам по экономическим теориям адаптивных и рациональных ожиданий [4–6], классическим работам по анализу феномена самосбывающихся/саморазрушающихся предсказаний [7–9]. При анализе также использовались наработки автора в области исследования теоретико-познавательных вопросов прогностической деятельности, эпистемологического значения антиципации, методологии социального и технологического прогнозирования.

Знание как объективный феномен и рефлексивность предсказаний

Для обыденного мышления продолжает оставаться само собой разумеющимся доминировавшее на протяжении столетий принципиальное разведение знания, принадлежащего субъекту, и

объекта, субъекту противостоящего. Объект – то, что существует в реальности за пределами моей головы. Знание – то, как отражается объект в моей голове, или отражение объекта в моем индивидуальном сознании и в сознаниях других людей как таковое. К. Поппер полагал, что подобное отражение может быть объективировано, перенесено из сферы психического в сферу мира 3 – особого уровня реальности, отличимого от двух других уровней – мира 1 (природы) и мира 2 (психики) – благодаря тому, что он объединяет результаты взаимодействия мира 1 и мира 2, а именно результаты познавательной деятельности.

Казалось бы, Поппер лишь усиливал идею отличия (онтологического) знания от объективной реальности, ведь они относились им к различным уровням действительности. Однако делая это, Поппер учитывал, что взаимодействуют между собой не только мир 1 и мир 2, но и каждый из них с миром 3. Опираясь на эту идею, можно сделать следующие выводы. Знания – не просто картинки, развешенные на стенах галереи человеческого сознания. Но они не сводятся и к хранилищам фолиантов за стенами библиотек. Знания, содержащиеся в этих фолиантах, влияют на человеческое сознание, а посредством этого на его действия, которые в свою очередь влияют на мир объектов. Таким образом, знания объективируются не просто в качестве мира 3 – мира библиотек и баз знаний, но в качестве знаний, овеществленных в человеческой деятельности и ее продуктах. Более того, мир, в котором живет современный человек, – это мир вторичных объектов, появившихся только благодаря знаниям. Знания, следовательно, – фактор преобразования и порождения объективного мира, феномен, имеющий объективное, а не только субъективное существование.

Разумеется, к объективному онтологическому статусу знания можно адресовать те же претензии концептуального плана, которые обращались против концепции мира 3. Попперовские заверения, что знания продолжают существовать и после исчезновения последнего человека, выглядят передергиванием. Знания должны быть включены в процессы производства, хранения, передачи, они требуют для своего существования мир 2, потому что без человеческого сознания книги – только бумага и типографическая краска, листы с символами и более ничего. Здесь стоит заметить, что миры Поппера организованы иерархически и вообще это не разные миры, не разные реальности, а именно разные уровни одной реальности. Перед нами своеобразная пирамида, в которой каждый следующий этаж онтологически зависит от предыдущего. Если уничтожить мир 1, то мир 2 и мир 3 тоже исчезнут, но и мир 3 перестанет существовать именно как мир 3, если исчезнет только мир 2. Таким образом, важность концепции Поппера не столько в признании автономности знания – которая действительно весьма условна, сколько в высвечивании того факта, что знание должно рассматриваться как составляющая объективной реальности, хотя этой составляющей оно становится только посредством реальности субъективной.

Объективный статус знаний эксплицируется Поппером при анализе более частной проблемы – того, что он называет эффектом Эдипа и что хорошо известно под именем «самосбывающихся высказываний о будущем», или «самоосуществляющихся пророчеств» [7], а также под именем «рефлексивных предсказаний» [8]. В этом контексте Поппер понимает объективность знания уже без оговорок в том же смысле, который мы получаем через уточнение и корректировку его концепции объективного знания (мира 3). Он указывает, что «предсказание является социальным событием, которое может взаимодействовать с другими социальными событиями, в том числе и с тем, которое оно предсказывает» [9, с. 58]. При этом он апеллирует не столько к специфике именно прогностических по своему содержанию суждений, сколько к общему эффекту «влияния информации на ситуацию, к которой эта информация относится» [9, с. 57]. Подобный ракурс позволяет считать самосбывающиеся высказывания о будущем частным случаем универсальной способности наших знаний влиять на окружающую реальность, а сама эта способность обусловлена тем фактом, что познающий субъект и познаваемый объект «принадлежат одному и тому же физическому миру действия и взаимодействия» [9, с. 58].

Анализируя эффект Эдипа, Поппер выходит на несколько проблем. Первая связана с включенностью знания в индивидуальную деятельность, что в случае сингулярных высказываний о будущем и приводит к эффектам самоосуществления или саморазрушения предсказываемого события. Поскольку, во-первых, предсказания всегда условны, во-вторых, по крайней мере, на некоторые условия человек способен повлиять и, в-третьих, человеческие интересы выходят за границы желания получать только истинные знания, включая истинные предсказания, сингулярные высказывания о будущем в реальном контексте индивидуальной жизнедеятельности становятся инструментом конструктивного взаимодействия с реальностью. Вторая проблема заключается в том, что если истинность таких высказываний зависит от условий, на которые мы влияем, то наша собственная деятельность должна подлежать предвидению. В противном случае наши предсказания будут относиться не к реальной ситуации, а к упрощенному развитию событий, исключающему действия информированных субъектов. Но если такое предвидение сравнительно просто реализовать в отношении самого субъекта предвидения (и то далеко не всегда, поскольку возможность предвидения связана с прозрачностью мотивации, рациональностью поведения и, наконец, контролируемостью действий), задача усложняется, когда помимо него на условия могут повлиять и другие субъекты. Она еще более усложняется, если высказывание о будущем превращается в социальный факт. Здесь становится очевидным различие частных и публичных предсказаний, обнаруживающее третью проблему – если одно и то же предсказание, будучи частным, скорее всего верифицируется, то обретая публичность, оно оказывается ложным и в конечном счете фальсифицируется (или наоборот: предсказание даже маловероятного события, будучи публично озвученным, верифицируется).

Саморазрушение преданных широкой огласке предсказаний стала значимой темой в экономических исследованиях в первой половине XX в., породив несколько стратегий решения вопроса о том, как сделать прогнозирование и планирование эффективными в условиях информированности граждан. Некоторые теоретики считали возможным при процедурах учета эффекта ответной реакции потребителей все-таки делать верные предсказания (О. Моргенштейн, Г. Модigliани), другие, как Ф. Хайек, полагали, что стратегия контроля над экономикой обречена на неудачу и потому следует довериться саморегулированию рынка. Последнее одновременно предоставляет определенные возможности для прогнозирования благодаря «рынкам предсказаний», на которых сами ожидания функционируют в соответствии с рыночными механизмами [10]. К середине XX в. эти дискуссии привели к формированию мощного направления исследований экономических ожиданий, в которых проблематика приобретения и использования знаний дополнилась анализом информации как важнейшего фактора экономической динамики.

Знания и ожидания

Почему изучение предсказаний и высказываний о будущем трансформируется в исследование ожиданий? В чем специфика данного концепта? Почему мы говорим об ожиданиях, а не знаниях о будущем?

С точки зрения уже упоминавшего К. Поппера, в общем и целом ожидания и знания – это одно и то же, поскольку все знания имеют форму ожиданий (то есть обладают упреждающим опытом потенциалом), а все ожидания, включая те, которые не имеют психического, но только биологическое воплощение (то есть различные виды адаптаций) – суть разновидности знания. Ожидания – фундаментальный для человеческого существа (и не только человеческого) феномен, обусловленный имеющимся у человека восприятием времени, которое в свою очередь опирается на такую особенность его существования, как темпоральность. Знания как продукт деятельности такого существа, включенный в последующую его деятельность, имеет форму предвосхищения.

Вместе с тем кажется, что знания, даже, если мы признаем, что они имеют форму предвосхищения (в силу своего универсального характера, относимости не только к актуально данному, но

и объектам возможного опыта) и возникают благодаря предвосхищениям (догадкам, гипотезам, эвристическим предсказаниям, следующим из новых теорий), все-таки не сводятся к предвосхищениям (тем же догадкам) и отличаются от них. Такая интуиция возникает потому, что предвосхищение трактуется как предзнание, как что-то предварительное, а следовательно, неполноценное. Предварительность указывает на отсутствие либо соответствующего опыта (эмпирических знаний), либо необходимых теоретических знаний — таких, которые относятся к теориям, эмпирически проверенным и подкрепленным. Отсюда понятно, что неполноценность заключается в отсутствии необходимого эмпирического содержания, в использовании эмпирических знаний о каких-то уже эмпирически освоенных объектах/ситуациях для представления объекта/ситуации, еще не включенного/включенной в актуальный опыт. В отличие от предсказаний, получаемых из эмпирически подкрепленных теорий или апробированных моделей, предвосхищение не обладает такими характеристиками, как обоснованность и достоверность. Чтобы приравнять предвосхищение к знанию, мы должны уточнять последнее понятие, в частности, предполагая, что знание может быть недостоверным и весьма проблематичным. Для Поппера так дело и обстоит: любое знание проблематично и погрешимо и может быть опровергнуто в любой момент. Однако если мы обращаемся к познавательной прагматике, то в ее рамках знания отличаются от предвосхищений, потому что в качестве знаний определяются те представления, относительно которых мы можем утверждать, что они в достаточной мере обоснованы — настолько, чтобы признавать их, если не истинными, то, по крайней мере, достоверными.

Итак, между знанием и предвосхищением имеется если не сущностное, то как минимум прагматическое различие. Но и понятие «ожидание» не тождественно понятию «предвосхищение». Предвосхищение характеризует только эпистемическую природу ожидания — получение знания о том, о чем нельзя получить достоверное знание, в том числе в силу факта несуществования объекта (как в случае будущего события). Понятие «ожидание» фокусирует внимание не на познании, а на жизнедеятельности субъекта. Ожидания — это такое предвосхищение, которое встроено в жизнедеятельность, обеспечивает ее структуру, направление, целостность. Поэтому ожидания — это предвидение как элемент практической деятельности и жизнедеятельности в целом. В этом смысле Поппер, заявляя, что все знания суть ожидания, утверждает не только то, что знания имеют опережающий опыт характер, но и то, что они включены в жизнедеятельность субъекта/агента познания.

Вводимое К. Поппером понятие «горизонт ожиданий» указывает на то, что в познавательной, а значит, и в любой иной деятельности (в силу ее зависимости от познания), актуальный опыт и актуальные действия определяются не только текущей ситуацией и ее восприятием, но через последнее — совокупностью предустановок, не менее актуальных условий определяющих поведение агента. Ожидания играют амбивалентную роль, позволяя знать больше того, что актуально представлено, но и затрудняя познание того, что плохо или совсем не укладывается в границы ожидаемого. Уже здесь явно обнаруживает себя конструктивный характер ожиданий, как в отношении продуктов познания, так и объективного будущего, поскольку определяя действия субъекта, ожидания, влияют и на динамику объективных процессов, в которых субъект участвует.

Итак, в отличие от знаний ожидания, во-первых, включают в себя не только эпистемические продукты, отвечающие обозначенным выше критериям, которые позволяют отличить знание от предзнания, но и такие продукты, которые следуют относить к предзнанию. Во-вторых, они являются не чисто познавательным, но деятельностным феноменом, элементом целостной жизнедеятельности. В-третьих, в качестве такого элемента ожидания имеют конструктивный характер, формируя действия и посредством них те объекты и предметные области, состояние которых в них предвосхищается.

Ожидания в экономической и социологической исследовательских перспективах

Специфика социальных ожиданий как теоретического конструкта и фиксируемой им реальности заключается, во-первых, в том, что речь идет об ожиданиях, которые могут быть противопостав-

лены индивидуальным, то есть таких, которые имеют коллективный, социально обусловленный и социально воплощенный характер. Поскольку индивид включен в социум, его индивидуальные ожидания являются в значительной степени социальными, то есть социально обусловленными, хотя бы отчасти разделяемыми с другими индивидами, а потому коллективными, и социально воплощенными в той мере, в какой он участвует в социальных процессах как актер, а не пассивный реципиент. Во-вторых, мы говорим о социальных ожиданиях как об объекте широкого ряда социологических исследований, что как минимум предполагает социальную природу и социальную воплощенность таких ожиданий. Наконец, в-третьих, спецификация «социальный» относится, как правило, к ожиданиям, предметом которых выступает нечто социальное – общество в целом, какие-то общественные институты и процессы или перспективный социальный функционал (который может быть связан с самыми разнообразными объектами). При этом когда речь идет о таких подсистемах, как экономика или политическая сфера, говорят об экономических и политических ожиданиях.

В отличие от мировоззрения или закрепленных в культурных нормах и традициях устоявшихся представлений ожидания – подвижная, постоянно трансформирующаяся система представлений, относящихся к будущему социальному опыту. Интерес к социальным ожиданиям, особенно в случае ожиданий от технологического развития, как можно судить по исследовательским работам [2, 3], продиктован не столько их эпистемологической спецификой и желанием ее изучения (как в случае «горизонта ожиданий»), сколько их созидательную ролью в отношении различных социальных процессов. Как отмечает Э. Грюнберг, анализируя дисциплинарные различия в исследовании рефлексивных предсказаний, если экономистов интересует прежде всего проблематика саморазрушающихся, то социологов – самосбывающихся публичных предсказаний [8]. То же различие описывает взаимоотношения экономического и социологического подходов к пониманию коллективных ожиданий. Для первого характерна эпистемологическая оптика рассмотрения: исследуя экономическое поведение как составляющую экономической динамики, ученый обнаруживает, что помимо знаний о происходящих процессах экономические агенты вынуждены опираться на ожидания, то есть правдоподобные предвосхищения динамики того или иного показателя. Опираясь на знания, экономический агент действует довольно предсказуемо, и чтобы его поведение оставалось предсказуемым, надо понимать, как он ориентируется в ситуации, когда будущее не схватывается в форме достоверных знаний. Такая ситуация – это ситуация неопределенности, степень которой агент снижает за счет использования имеющейся и приобретения новой информации. Он может работать с ней путем экстраполяции или путем обучения на ошибках, может действовать в соответствии с идеалом классической рациональности (то есть стремиться к получению всего доступного объема информации и к обладанию истинными представлениями о принципах функционирования экономической системы), а может руководствоваться принципом максимизации и оценивать, какие ресурсы допустимо тратить на получение информации (модели с ограниченной рациональностью) [6].

При этом концепция рациональных ожиданий, наиболее влиятельная макроэкономическая теория, исходит из того, что «агенты знают или способны построить “истинную”, по крайней мере, вероятную, модель экономики» [6, с. 208]. Как критически замечает экономист Б. Фридман, концепция опирается на допущение, согласно которому «экономический агент не только обладает знанием обо всех относящихся к делу текущих и прошлых наблюдениях, а также знанием будущих значений отдельных временных рядов, но обладает также тем дополнительным знанием, которое необходимо для того, чтобы трансформировать эту информацию в *действительно* (курсив Б. Фридмана. – С.П.) объективные условные ожидания относительно предсказываемых временных рядов» [4, р. 26–27]. Дальнейшие исследования демонстрируют, что это слишком сильное допущение. На практике существует целый ряд ограничений на возможность получения дополнительной информации и соответствующего повышения рациональности ожиданий. Одно

из самых явных связано с издержками, которыми оборачивается наращивание информационной базы. В многих ситуациях для экономического агента выгоднее рискнуть, чем продолжать сбор информации. Вследствие этого некоторые предвосхищения оказываются невозможным «подтянуть» до уровня хорошо обоснованных прогнозов. Это не означает, что решения остаются недообоснованными, но их обоснование не сводится к познавательной фундированности и неопределенность признается как неустраиваемая.

Неопределенность подкрепляется возрастающей ориентированностью экономики на инновационное развитие – формирование новых продуктов и новых рынков, новых средств производства и новых производственных отношений. Технические и технологические новации становятся основным фактором динамики экономических процессов, способным радикально трансформировать хозяйственную сферу трудно предсказуемым образом. Экономический интерес провоцирует рост интенсивности процессов разработки и внедрения новаций. В результате модели принятия решений экономическими агентами приходится подстраивать под реальность, в которой быстрое возникновение нового обесмысливает традиционные стратегии работы с неопределенностью. В частности, это обуславливает смещение акцента с прогнозных на проектные формы работы с будущим, когда провозглашается, что прогноз принципиально не устраняет неопределенность, но лишь позволяет в ней ориентироваться. Сама неопределенность мыслится не как абсолютный хаос, но как некоторым образом упорядоченное пространство возможностей. Прогноз уменьшает неопределенность только в той степени, в какой представляет эту упорядоченность различных вариантов, и дальнейшее снижение неопределенности уже связано не с накоплением информации, а с конструктивными действиями. Так ведущее значение получают все эпистемические продукты, которые вовлечены в эти действия, начиная от универсальных научных знаний и кончая ожиданиями и далеко не только рациональными. В силу особенностей современных коммуникаций – увеличения их объема, плотности, возможности подключения к ним практически любого члена общества – коллективные и социально воплощенные ожидания, вопросы их формирования и роли в различных общественных процессах получают не меньшее внимание исследователей, чем проблемы критики и совершенствования прогнозной методологии.

Технологическое развитие, общество знаний и информационное общество

Не только экономическая динамика определяется научно-техническим прогрессом, зависимость обоюдная, и развитие науки и технологий испытывает воздействие экономических процессов. Чем более интенсивными становятся процессы в обеих областях, тем явственнее эта зависимость, что приводит к возникновению концепций, пытающихся ее описать и объяснить (экономика знаний, когнитивный капитализм, биокапитализм). Если с точки зрения предпринимателей и экономистов, технологии – основной драйвер роста, то с точки зрения историков и философов науки, фундаментальные и прикладные исследования направляются запросами хозяйствующих субъектов – государственных и частных, готовых финансово вкладываться в сферу НИОКР. Отсюда интерес к ожиданиям не только в экономической науке, но и в комплексе исследований науки и техники в их взаимосвязи с обществом. Как пишут Л. Санз-Менендес и С. Кабэлло, «ожидания (или другие понятия, относящиеся к будущему) превратились в центральные темы в дискуссиях вокруг событий в области науки и технологии, а также инноваций. Главными источниками, вдохновившими эти новые социологические подходы, стали социальный конструктивизм и анализ социо-технических сетей» [11, с. 233]. То есть и здесь тон задают обозначенные выше перенос акцента с познавательной на созидательную деятельность и изучение тех коммуникативных процессов, которые делают возможным функционирование сферы НИОКР (как и любой другой подсистемы социального целого). Охарактеризуем подробнее, с чем именно позволяет работать понятие «социальные ожидания» в рамках STS.

Прежде всего оно отражает понимание того, что источником технологического развития выступают не только имеющиеся фундаментальные открытия и прикладные разработки, а также не только экономические, но и широкий спектр социальных интересов. Для появления нового технологического объекта необходимы 1) требуемые для изобретения знания-что и знания-как; 2) само изобретение и проект его реализации; 2) капитал, который будет вложен в: а) исследования, предшествующие изобретению, б) инженерно-конструкторские работы, в) производство; 3) социальная потребность, которую будет удовлетворять данное изобретение. Именно общественные потребности формируют условия для инвестирования, которое позволяет сделать возможные научно-конструкторские работы актуальными. Сами такие потребности, будучи выраженными в ожиданиях от технологического развития, тоже можно рассматривать в качестве символического капитала. Тому, кто собирается «раскрутить» инновационный продукт, приходится работать не только с ожиданиями инвесторов, но и с социальными ожиданиями, причем посредством далеко не одной рекламы.

Как отмечается во вступительной статье к тематическому выпуску журнала «Technology Analysis & Strategic Management», посвященному исследованию социальных ожиданий в контексте STS, научно-технический прогресс движется воображением. Поэтому дискурс будущего не только зависит от развития науки и технологий, но и сам определяет это развитие. Понятие социальных ожиданий указывает на тот факт, что воображение, движущее науку и технику, не локализуется исключительно в головах ученых и инженеров. Круг социальных акторов, задействованных в технологическом развитии, оказывается куда более широким, включающим промышленников и представителей исполнительной власти, политиков, законодателей, общественные организации, профессиональные и гражданские сообщества и т. д. Каждый такой актор погружен в локальную среду, отличающуюся от среды, в которой существует другой актор, поэтому они обладают разными ожиданиями. Как, впрочем, и в случае ожиданий как фактора экономического развития, речь идет не только о выделенной позиции некоторого субъекта, который опирается на собственные ожидания при принятии решений, но о пространстве различных ожиданий, которые, интерферируя, создают эффекты поддержки или неприятия каких-то новаций, возрастания или падения стоимости каких-то активов и товаров.

Из сказанного следует, что вектор развития задают не некоторые объективные общественные потребности, но изменчивые, трансформирующиеся и трансформируемые представления о возможностях науки и техники и о последствиях реализации этих возможностей. Генезис таких представлений – отдельная эпистемологическая проблема. Помимо прогнозной составляющей – заключений на основании имеющейся информации, они формируются за счет 1) свободного достраивания этой информации (достраивания, выходящего за рамки предвидения в область свободной игры воображения, результаты которой не подвергаются сознательной проверке и принимаются некритически), 2) ошибок в интерпретации имеющихся данных и, наконец, 3) целенаправленного манипулирования информацией.

Генезис социальных ожиданий от технологического развития может быть реконструирован через оппозицию феноменов знания и информации. До настоящего момента в данной статье понятия «знание» и «информация» не разводились и использовались, как может показаться, в качестве синонимов. Это не так, но для решаемых выше задач акцентирование различия знания и информации было излишним, поэтому отсутствие между ними полной синонимии не эксплицировалось, хотя и учитывалось. Далее такая экспликация, наоборот, позволит прояснить ряд аспектов порождения социальных ожиданий.

Если мы исходим из того, что современное общество – это общество, где акторы действуют, опираясь на обоснованные и систематизированные представления о различных объектах реальности, социальные ожидания можно мыслить как рациональные и по своим эпистемическим характеристикам близкие к прогнозам. Если же мы исходим из того, что общественные процес-

сы и действия людей определяются потоками в разной мере упорядоченной и в разной степени доступной для интерпретации информации, то возникающие в такой среде ожидания будут существенно различаться по своим познавательным качествам. Здесь также нужно учитывать контекстуальность понятий «знание» и «информация». То, что для одного выступает источником знаний (как для биохимика периодическое издание по биологической химии), то для другого оказывается источником данных, которые могут не сообщать никаких знаний вообще (как те же статьи из биохимического журнала для менеджера по персоналу). Даже если неспециалист и способен почерпнуть что-то из публикации по узкой профессиональной теме, то это будут знания сравнительно скудные по сравнению с теми, которые способен извлечь специалист.

Социальные ожидания от технологического развития формируются в условиях общественной системы, реализующей характеристики двух идеальных типов – общества знания и информационного общества. С одной стороны, знание в современном обществе – ценность и ресурс, с другой – циркулируя в информационных потоках, оно трансформируется в информацию, которая может превратиться в весьма разные знания, то есть быть по-разному проинтерпретирована и инкорпорирована в разные картины мира и деятельностные структуры. Что касается научных знаний, то обществу они доступны не только сами по себе, но и в форме знаний о знаниях (популяризация и адаптация), информационных сообщений о знаниях, интерпретации таких сообщений, весьма разнообразного рекламного контента и т. д. И если популяризация еще предполагает гарантию отсутствия существенных искажений, то иные информационные каналы (журналистика, социальные сети, маркетинговые источники и пр.) такой гарантии не дают. Как отмечает Дж. Гайс, основная цель рекламных компаний, обслуживающих нужды инновационной экономики, заключается в продвижении новаций, даже в ситуации, когда то, что предлагается, недостаточно обосновано с точки зрения научных стандартов [1]. Если речь идет о недообоснованности в плане финансовых и потребительских возможностей превращения некоторой идеи в инновацию, то она в таких случаях преодолевается конструктивно – за счет действия эффекта Эдипа. При этом в ситуации, когда специалист способен разобраться в неполной или искаженной картинке, неспециалист этого сделать не может. Отсюда и другая особенность маркетинговой информации – она всегда контекстуальна и субъектнонаправлена [12].

Разнообразие информации и воспринимающих ее субъектов и формирует социальные ожидания как феномен изменчивый не только во времени, но пространственно изменчивый [2], позволяя манифестировать различных акторов. Здесь важно, что неоднородность ожиданий обусловлена не только эпистемической неоднородностью субъектов, но и неоднородностью их интересов и ценностей. Ожидания ученого-фармаколога, управляющего фармакологической компанией, пациента, страдающего от болезни, для которой не существует эффективного лечения, чиновника, занимающегося вопросами здравоохранения, будут различаться не только в силу различия их знаний, но и тех выгод или рисков, которые обещает им возможный инновационный продукт. Между научным прогнозом и ожиданием как феноменом, встроенном в жизнедеятельность, остается зазор, ведущий к различным стратегиям работы с неопределенностью, оценкой рисков и выгод. Социальные ожидания от технологического развития не являются в полной мере рациональными, и речь идет не только об «эмоциональной окраске» [2, р. 292], но и об эмоциональных истоках, по крайней мере, ряда из них. Вместе с тем понятие «ожидания» позволяет рассматривать разнообразие интересов и ценностей как разнообразие деятельностных позиций и, следовательно, соответствующего опыта. Это обеспечивает возможность продолжать анализ с помощью эпистемологического инструментария.

Неоднородность ожиданий обусловлена и формой их существования. Под социальной воплощенностью ожиданий следует понимать не только массово разделяемые предустановки, но и различные формы выражения этих предустановок – тексты, аудио- и видеоматериалы, публичную риторику [12]. Такая представленность ожиданий позволяет использовать для их фиксации и мониторинга инструментарий, например, когнитивной семантики [13]. Отслеживание динамики ожиданий (их неоднородности во времени) становится (ввиду всего сказанного выше) неотъем-

лемой частью технологического прогнозирования, которое за более чем полувековую историю двигалось в русле включения социально-экономической проблематики (как локальных вопросов, так и самой широкой тематики) в свое исследовательское поле [14]. Отсюда и интерес к особенностям этой динамики – ее линейному или циклическому характеру, периодам завышенных ожиданий и сменяющим их периодам разочарования и т. д.

Заключение

Исследование социальных ожиданий в рамках STS отражает интерес к социальной, в том числе социально-экономической, а значит, и маркетинговой, составляющей технологического прогресса. Осмысление социального предвидения в эпистемологии и социальных науках за последнее столетие привело к тщательной проработке проблемы конститутивной функции такой формы предвосхищения будущего, а также к пониманию того, что ее невозможно ограничить рамками только научной прогнозной деятельности. Затем этот же вывод был экстраполирован и на область технологического развития. Хотя, казалось бы, в случае предвосхищения новых технологий и новой техники не обойтись без специальных знаний, тот факт, что решения принимаются не в лабораториях и инженерных бюро, обуславливает значение социально распределенного предвосхищения для формирования направлений технологического процесса и отдельных инноваций. Поскольку речь идет о необходимой востребованности инноваций и готовности к ним общества в целом, социальные ожидания имеют важнейшее конститутивное значение. Таким образом, сама социальная практика в условиях современного этапа развития сферы НИОКР и общественных отношений делает востребованным анализ социальных ожиданий, к которому эпистемология и социальная теория оказываются в целом готовы.

Предложенная выше оппозиция знания–информация позволяет выявить один из путей формирования социальных ожиданий от технологического развития. Она же, как представляется, позволит реализовать критический анализ возможных форм работы с социальными ожиданиями как фактором технологического развития. Представление социальных ожиданий от технологического развития в оптике анализа противоречий современного общества позволяет формулировать и конкретные меры, направленные на снижение связанных с такими ожиданиями негативных эффектов для научно-технологического и социально-экономического развития, и более эффективного использования их мотивационного и социально-организующего потенциала [15].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта №19-511-04003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Guice J.** Designing the future: the culture of new trends in science and technology // *Research Policy*. 1999. Vol. 28. P. 81-98.
2. **Friedman B.M.** Optimal expectations and the extreme information assumptions of “rational expectations’ macromodels” // *Journal of Monetary Economics*. 1979. No. 5. P. 23-41. P. 26-27.
3. **Borup M., Brown N., Konrad K., Lente van H.** The Sociology of Expectations in Science and Technology // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2006. Vol. 18. No. 3/4. P. 285-298. DOI: 10.1080/09537320600777002
4. *Contested Futures. A sociology of prospective techno-science* / Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. London, N.Y.: Routledge, 2016. XIV+277 p.
5. **Hoover K.P.** The rational expectations revolution: an assessment // *Cato Journal*. 1992. Vol. 12. No. 1. P. 81-96.
6. **Песаран М.Х.** Ожидания в экономической теории // *Панорама экономической мысли конца XX столетия* / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта; пер. с англ. под редакцией В.С. Автономова, С.А. Афонцева Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 192-218.
7. **Merton R.K.** The Self-Fulfilling Prophecy // *The Antioch Review*. 1948. Vol. 8. No. 2. P. 193-210.
8. **Grunberg E.** Predictability and Reflexivity // *American Journal of Economics & Sociology*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 475-488.

9. **Поппер К.Р.** Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. №8. С. 49-79; №9. С. 22-48; №10. С. 29-58.
10. **Sunstein C.** Deliberating Groups versus Prediction Markets (or Hayek's Challenge to Habermas) // Episteme. 2006. No. 3(3). P. 192-213. DOI:10.3366/epi.2006.3.3.192
11. **Sanz-Menendez L., Cabello C.** Expectations and Learning as Principles for Shaping the Future // Contested Futures. A sociology of prospective techno-science / Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. London, N.Y.: Routledge, 2016. P. 229-250.
12. **Deuten J.J., Rip A.** The Narrative Shaping of a Product Creation Process // Contested Futures. A sociology of prospective techno-science / Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. London, N.Y.: Routledge, 2016. P. 65-86.
13. **Sung J.J., Hopkins M.M.** Towards a Method for Evaluating Technological Expectations: Revealing Uncertainty in Gene Silencing Technology Discourse // Technology Analysis & Strategic Management 2006. Vol. 18. No. 3/4. P. 345-359. DOI: 1080/09537320600777119
14. The Handbook of Technology Foresight: Concepts and Practice // Ed. By Georghiou L., Cassingena Harper J., Keenan M., Miles I., Popper R. Edward Elgar Publishing, 2008. 456 p.
15. **Пирожкова С.В.** Социальные ожидания от технологического развития и эволюция управленческой деятельности // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов XII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» 17–18 октября 2019 г., Москва / Отв. ред. В.Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2019. С. 219-223.

Статья поступила в редакцию 05.02.2020 г.

REFERENCES

- [1] **J. Guice**, Designing the future: the culture of new trends in science and technology, Research Policy. 28 (1999) 81-98.
- [2] **B.M. Friedman**, Optimal expectations and the extreme information assumptions of “rational expectations” macromodels, Journal of Monetary Economics. 5 (1979) 23-41.
- [3] **M. Borup, N. Brown, K. Konrad, H. van Lente**, The Sociology of Expectations in Science and Technology, Technology Analysis & Strategic Management. 3/4 (18) (2006) 285-298. DOI: 10.1080/09537320600777002
- [4] Contested Futures. A sociology of prospective techno-science. Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. Routledge, London, N.Y., 2016.
- [5] **K.P. Hoover**, The rational expectations revolution: an assessment, Cato Journal. 1 (12) (1992) 81-96.
- [6] **M. Kh**, Pesaran Ozhdaniya v ekonomicheskoy teorii [Expectations in economic theory], Panorama ekonomicheskoy mysli kontsa XX stoletiya [Panorama of economic thought at the end of the XX century], ed. by D. Grineueya, M. Blini, I. Styuarta, vol. 2, Moscow, 2002, pp. 192-218.
- [7] **R.K. Merton**, The Self-Fulfilling Prophecy, The Antioch Review. 2 (8) (1948) 193-210.
- [8] **E. Grunberg**, Predictability and Reflexivity, American Journal of Economics & Sociology. 4 (45) (1986) 475-488.
- [9] **K.R. Popper**, Nishcheta istoritsizma [The Poverty of Historicism], Voprosy filosofii. 8 (1992) 49-79; 9 (1992) 22-48; 10 (1992) 29-58.
- [10] **C. Sunstein**, Deliberating Groups versus Prediction Markets (or Hayek's Challenge to Habermas), Episteme. 3 (3) (2006) 192-213. DOI:10.3366/epi.2006.3.3.192
- [11] **L. Sanz-Menendez, C. Cabello**, Expectations and Learning as Principles for Shaping the Future. In: Contested Futures. A sociology of prospective techno-science. Ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. Routledge, London, N.Y., 2016, pp. 229-250.
- [12] **J.J. Deuten, A. Rip**, The Narrative Shaping of a Product Creation Process. In: Contested Futures. A sociology of prospective techno-science, ed. by N. Brown, B. Rappert, A. Webster. Routledge, London, N.Y., 2016, pp. 65-86.
- [13] **J.J. Sung, M.M. Hopkins**, Towards a Method for Evaluating Technological Expectations: Revealing Uncertainty in Gene Silencing Technology Discourse, Technology Analysis & Strategic Management. 3/4 (18) (2006) 345-359. DOI: 1080/09537320600777119
- [14] The Handbook of Technology Foresight: Concepts and Practice. Ed. by L. Georghiou, J. Cassingena Harper, M. Keenan, I. Miles, R. Popper. Edward Elgar Publishing, 2008.

[15] **S.V. Pirozhkova**, Sotsialnyye ozhidaniya ot tekhnologicheskogo razvitiya i evolyutsiya upravlencheskoy deyatel'nosti [Social expectations from technological development and evolution of management], Refleksivnyye protsessy i upravleniye. Sbornik materialov XII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo mezhdistsiplinarnogo simpoziuma «Refleksivnyye protsessy i upravleniye» 17–18 oktyabrya 2019 g., Moskva [Reflection processes and management]. Ed. by V.Ye. Lepskiy. Moscow, 2019, pp. 219-223.

Received 05.02.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Пирожкова Софья Владиславовна

Pirozhkova Sophia V.

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020

DOI: 10.18721/JHSS.11102

УДК: 17.023.6

ВЛИЯНИЕ ИНФОСФЕРЫ НА ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Н.Ю. Квашенко

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Статья посвящена социально-философским аспектам формирования ценностной структуры личности в цифровую эпоху. Актуальность исследования обусловлена высокой степенью интереса к проблеме трансформации установок личности в связи с распространением цифровой медиасреды. Автор обращается к анализу представлений о ценностях в социуме, существующем в условиях информационной культуры, ставит задачу определения степени и способов влияния информационной сферы на ценностные установки личности. Исследование проводится на концептуальной базе социальной онтологии. Подчеркивается зависимость представлений о значимых духовно-нравственных доминантах от влияния множества социокультурных факторов. Специфика цифровой культуры связывается с насыщенным информационным полем, которое создает новые смыслы и приоритеты. Методологической основой анализа выступает топологический подход, выделяющий факторы тотального влияния информационного поля на сознание и ценностные установки индивида. Показана роль трансформации ценности времени и знания в условиях цифровой реальности как фактора самоопределения личности в социальном пространстве-времени. Рассматривается ценностный рост установки на свободу самопрезентации в цифровой сети. Подчеркивается неоднозначность и незавершенность моделей homo informaticus. Обобщаются данные социально-психологического исследования структуры базовых ценностей личности и преодоления интернет-зависимости в молодежной среде. Автор делает вывод о необходимости ограничения хаоса цифровой сети критериями безопасности и системой информационных фильтров.

Ключевые слова: информационное общество, цифровая реальность, ценности, культура, homo informaticus

Ссылка при цитировании: Квашенко Н.Ю. Влияние инфосферы на ценностные установки личности в цифровой культуре // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, №1. С. 19-29. DOI: 10.18721/JHSS.11102

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

THE IMPACT OF THE INFOSPHERE ON THE VALUES OF PERSONALITY IN A DIGITAL CULTURE

N.Yu. Kvashenko

Peter the Great St. Petersburg, Polytechnic University

The article is devoted to the socio-philosophical aspects of the formation of the value structure of the individual in the digital age. The relevance of the research is due to a high degree of interest in the problem of transformation of personal attitudes in connection with the spread of the digital media environment. The author turns to the analysis of ideas about values in the society existing in the conditions of information culture, sets the task of determining the degree and ways of influence of the information sphere on the value attitudes of the individual. The research is based on the conceptual framework of social ontology. The article emphasizes the dependence of ideas about significant spiritual and moral dominants on the influence of many socio-cultural factors. The specificity of digital culture is associated with a rich information field that creates new meanings and priorities. The methodological basis of the analysis is a topological approach that identifies the factors of total influence of the information field on the consciousness and value settings of an individual. The role of transformation of the value of

time and knowledge in digital reality as a factor of self-determination of an individual in social space time is shown. The article considers the value growth of the attitude to freedom of self-presentation in the digital network. The ambiguity and incompleteness of homo informaticus models is emphasized. The article summarizes the data of socio-psychological research of the structure of basic values of the individual and overcoming Internet addiction in the youth environment. The author concludes that it is necessary to limit the chaos of the digital network by security criteria and a system of information filters.

Keywords: information society, digital reality, values, culture, homo informaticus

Citation: N.Y. Kvashenko, The impact of the infosphere on the values of personality in a digital culture, Society. Communication. Education, 11 (1) (2020) 19-29. DOI: 10.18721/JHSS.11102

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

В современном обществе одним из основных условий жизни человека и его развития является информация. Человек, сформировавшись в естественных природных условиях, посредством накопления знаний и навыков, осознания себя и окружающей действительности, создал уникальную культурную среду, внутренние взаимосвязи которой неотделимы от его жизненного мира. Каждая без исключения сфера деятельности, поведения и взаимодействия людей, испытывает на себе информационное и семантическое влияние культуры [1, с. 17]. Базовые представления о ключевых понятиях, формирующих культуру человека, неизменно подвергаются анализу, попыткам систематизации, толкованиям в научной среде. Реалии современного социума нашли свое отражение в теориях информационного общества, которые разрабатывали в середине-конце XX в. Д. Белл [2], Э. Тоффлер [3], Й. Масуда [4]. В XXI в. во все сферы жизненного мира человека вошли цифровые технологии, связанные с интенсивным развитием виртуальной среды, провоцирующей изменения в духовно-нравственных установках личности. Понимание процесса формирования иерархии ценностей человека информационной культуры является на сегодняшний день одним из наиболее актуальных направлений исследований в междисциплинарной области и социальной философии.

Анализируя ценностные установки на разных этапах развития человеческой цивилизации, мы можем видеть, что базовые представления о значимости добра, свободы, красоты, признания и т. д. остаются неизменными, однако уровень их значимости может меняться в зависимости от того, какие категории обеспечивают общественное развитие на данном этапе.

Объясняя феномен существования базовых ценностей, можно использовать формулировку М.К. Мамардашвили, который утверждал, что «...если человечество хоть раз испытало нечто (например, честь), оно не может этого забыть, как орган, в котором оно рождается, в тех качествах, которые ему почему-то ценны. Если мы ценим честь, красоту, доблесть, любовь и так далее, то мы ощущаем нашу связь с некими органами, в которых это все рождается – рождается непрерывно – и существует нить преемственности» [5, с. 46].

Обзор литературы

Проблематику духовных ориентиров личности мыслители и ученые исследовали на различных этапах развития человеческой цивилизации. О значении в жизни человека таких понятий, как свобода, красота, добро, честность, задумывались Сократ, понимающий ценность как благо и пользу, Платон и его последователи, рассматривающие понятие ценности через представление о бытии человека.

В Средневековье системообразующей силой общества была религия. Главной ценностью был Бог как воплощение истины, а устремления человека должны были быть направлены к тому, чтобы совершенствовать дух и укрощать плоть.

Ученые эпохи Возрождения для личности, освободившейся от религиозного гнета, главной ценностью считали красоту, удовольствия и наслаждения. За человеком признавалось его духовно-нравственное несовершенство, но это не мешало ему испытывать радость земного существования.

В период Нового времени в качестве главных ценностных ориентиров западноевропейская философия выдвинула разум и волю. «Ведущими ценностями эпохи Просвещения были личностная свобода, свобода от религиозных предрассудков, образованность и законопослушность, во многом определившие последующее развитие ценностных ориентаций» [6, с. 72].

Представления о ценностях содержат в той или иной степени философские концепции разных исторических периодов, однако единая система взглядов на ценности появляется только к концу XIX в. Существенную роль в этом процессе сыграли концепции Кьеркегора, Шелера, Шопенгауэра, Ницше, Дильтея.

В русской философии ценностные ориентиры личности трактовались через призму религиозного контекста. Высшей ценностью и Абсолютом признается Бог, уделом же человека остается стремление к духовному совершенству (В.С. Соловьев, Н.О. Лосский, К.Н. Леонтьев). Уникальность русской философской мысли конца XIX – начала XX в. состояла в попытках соединения как рационального, так и теологического подхода к пониманию духовного опыта личности [7]. Русские мыслители этого периода, придерживаясь христианских ценностей, предлагают найти источник ценностных ориентиров в самой личности, провозглашая концепции свободы, которая в своей первостепенности превосходит Бога и индивидуализм. В концепции свободы Н.А. Бердяева человек есть творец.

На необходимость возрождения принципов гуманизма в индустриальном обществе в западной философии указывает Э. Фромм, подчеркивая, что человек XX столетия, «потеряв религиозную веру и связанные с нею гуманистические ценности, сконцентрировался на технических и материальных ценностях и потерял способность к глубоким эмоциональным переживаниям, к радости и печали, которые их сопровождают» [8, с. 10].

Всесторонний анализ понятия *ценность* в истории мировой научной мысли представлен в отечественной философии второй половины XX в. М.С. Каган рассматривал вопрос формирования ценностных представлений личности в связи с развитием философии культуры, понимая ценность в первую очередь как отношение, появляющееся в процессе духовной деятельности [9]. В.К. Шохин предложил концепцию, согласно которой ценность выступает категорией значимости глубоко индивидуального характера, содержание которой отлично от понятий о предпочтении и благе [10].

Гуревич П.С., отмечал, что в различных культурах признаются одни и те же ценности, однако их приоритетная градация является уникальной для каждого общества [11]. В социологической концепции В.А. Ядова [12] ценностные ориентиры личности сведены в единую систему. Теория иерархической структуры диспозиций личности раскрывает несоответствие между ценностными ориентирами и поведенческими реакциями индивида.

На каждом переломном этапе развития человеческой культуры, в периоды духовного кризиса и поиска смыслов и переоценки основ бытия, философы вновь возвращаются к проблеме ценностей в жизни личности. В современной науке аксиологическая проблематика освещает широкий спектр вопросов в попытках осознать влияние новых социально-экономических факторов на представления и ценностные ориентиры человека информационной культуры. Попытки найти новый подход к определению сути понятия «ценности» находят отражение в создании концепции, основанной на понятии «меры затрат» предполагает «определить дефиницию ценности через степень приложения человеческих усилий, то есть деятельным способом»¹.

¹Данилкова М.П. Концепция теории ценностей с позиций диалектической методологии : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук : специальность 09.00.11 <Соц. философия> / Данилкова Марина Петровна ; [Новосиб. гос. техн. ун-т]. – Новосибирск, 2008. – 20 с.

Отдельное внимание в научных исследованиях последних лет уделяется формированию ценностных ориентиров у молодого поколения, как категории, наиболее подверженной влиянию факторов информационного хаоса. В этом вопросе отмечается низкий уровень духовно-эстетического потенциала среди молодежи².

Отмечается, что эволюция общественных отношений в России будет возможна только в результате объединения как традиционных ценностей, так и ценностей свободы и самореализации. В таком случае первые обеспечивают стабильную устойчивость социокультурного развития, а вторые способствуют эффективному развитию³.

В целом, преобладает представление о том, что в системе ценностей современного российского общества наблюдается определенная деградация социокультурной сферы и обесценивание духовных ценностей. По мнению Б.М. Губмана, «в формировании ценностно-эталонных представлений важную роль играет феномен их принятия в границах того или иного общества. При этом новые ценностно-смысловые ориентиры имеют право на самоутверждение точно так же, как обладающие освящением традиции общепризнанные ценности. На первом плане выходит проблема механизма переоценки ценностей» [13].

Общие ценности, называемые также «базовыми», по-разному воспринимаются разными поколениями и социальными группами. При этом «объединяют их в культуре сквозные парадигмальные мотивы, смысловые линии национальной истории и культуры, стилистика данной культуры» [14].

Постановка проблемы и цели исследования

От осознания ценностных предпочтений современного общества зависит, будет ли характеризоваться цифровая цивилизация осознанным прогрессом в развитии человечества или будет приобретать все новые и новые признаки деградации. В условиях расширения информационно-коммуникативной среды современного общества внутренняя мотивация личности и ее жизненный успех, в существенной мере, определяется приоритетом базовых ценностей, определяющих целевые установки в мотивации и планировании поведения. Актуальность анализа внутренних регуляторов поведения, которые опираются на ценностную систему личности, связана с декларацией свободы мысли и действия в качестве приоритетного ориентира самоутверждения молодежи в современном обществе. Однако реализация принципа свободы мысли и действия вызывает внутренние психоэмоциональные напряжения, поскольку в процессах социальной адаптации молодой человек явно или не явно вынужден соотносить целевые установки с границами и традициями той или иной социальной сферы деятельности.

В данной статье ставится задача проанализировать, за счет каких факторов происходит восприятие смыслов, создаваемых в информационной сфере. В частности, предполагается выделить аспекты самоопределения личности, на которые оказывается наибольшее влияние инфосферы.

Материалы и методы

Методологической основой анализа специфики новых представлений о градации ценностных установок в обществе выступает принцип социальной онтологии, акцентирующий топологию информационно-коммуникативного и семантического пространства культуры в качестве необходимого условия физического и социального бытия человека. Исходная установка исследования — стремление выявить факторы социальной среды, определяющие ценностные приоритеты современного по-

²Барыкина Г.А. Эстетическая компонента культуры в системе духовных ценностей современной российской студенческой молодежи : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук : специальность 09.00.11 < Соц. философия > / Барыкина Галина Александровна ; [Башк. гос. ун-т]. – Уфа, 2006. – 20 с.

³Авдеев Е. А. Социокультурные факторы трансформации системы ценностей российского общества в условиях глобализации : автореферат дис. на соиск. уч. степ. кандидата философских наук : специальность 09.00.11 < Социальная философия > / Авдеев Евгений Александрович ; [Место защиты: Сев.-Кавказ. федер. ун-т]. – Ставрополь, 2018. – 29 с.

коления молодежи. В качестве конкретного эмпирического материала для обобщений привлекаются данные проведенного в 2019 г. исследования ценностных установок молодежи 15-17 лет [15].

Топологический подход в данном случае призван подчеркнуть системную связь информационного поля социума и смыслового горизонта индивидуального сознания в процессе формирования ценностных установок личности.

Понимание процесса формирования ценностных ориентиров у современного молодого поколения, выявление ценностных приоритетов в разных возрастных группах представляет собой актуальную задачу социальной адаптации и коммуникации. Сложившиеся убеждения в приоритете некоей конечной цели (смысла) индивидуального существования с личной или общественной точек зрения связывается с системой терминальных (базовых) ценностей, мотивирующей направление жизненных ориентиров на уровне подсознательных механизмов ментальности. С инструментальными ценностями связываются сложившиеся убеждения о предпочтительности образ мыслей и действий. Уровень выраженности терминальных ценностей личности соотносим с коммуникативным потенциалом, обеспечивающим естественную для человека саморегуляцию поведения в социальных сферах жизненного мира.

Философское осмысление цифровой культуры на основании общетеоретических методов анализа и синтеза позволит сделать более качественные выводы о механизме формирования ценностных представлений, принимаемых в социуме в результате тотального влияния инфосферы.

Содержание ключевого понятия *инфосфера* в широком смысле предполагает совокупность постоянно обновляющихся знаний, идей, представлений, реализуемых объектами коммуникативных процессов как в реальном, так и в виртуальном мире. В социальной практике термин *инфосфера* имеет широкое хождение. В прагматическом плане с инфосферой связывается «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений» [16].

Дискуссия

Существует множество определений понятия *ценность*, но в данном исследовании предлагается исходить из трактовки ценности как категории, выражающей значимость нематериальных явлений человеческого бытия. В этом случае в содержание понятия *ценности* вкладываются скрытые культурные коды и «фундаментальные нормативные установки, с которыми соотносятся конкретные типы поведения, типы отношений индивидуумов и социальных страт к социокультурным трансформациям в обществе» [17, с. 400]. Культурные коды образуют семантическую матрицу стереотипа восприятия мира, направляющего ориентации индивида в физическом и социокультурном пространстве. Этот невидимый каркас, задаваемый знаковой формой, обеспечивает трансляцию общественно значимых базовых ценностей, что необходимо для взаимопонимания людей, социального контроля их действий и мышления. Размывание семантических границ реального и виртуального, субъективного и объективного в виртуальной среде сопровождается трансформацией стереотипа восприятия мира и системы ценностей на уровне подсознания [18].

Традиционно процесс формирования первоначальных ценностных установок происходит в рамках коммуникации, воспитательного процесса внутри семьи. Однако в условиях цифровой культуры роль старшего поколения, от которого воспринимались главные жизненные принципы, ослабевает.

Одной из актуальных проблем современного общества является конфликт ценностных представлений между разными поколениями. Представители старшего поколения негативно воспринимают ценности новой культуры, поэтому часто оказываются в условиях социальной изоляции. «Субъективные ценности индивида теряют свою значимость и человек вынужден принять коллективные ценности как свои личные» [19, с. 148].

Постоянный информационный фон, наполненный различными смыслами, идеями, установками окружает современного человека с раннего возраста. Моральные установки, полученные ранее, могут с течением времени трансформироваться в результате восприятия новых смыслов, сформулированных в цифровой культуре общества. Последние исследования показывают, что значение культурной идентичности не теряется в условиях глобального цифрового мира, активное распространение интернет-технологий не приводит к «стандартизированному» поведению пользователей Интернета [20].

Более детально эти процессы описывают понятия атомизации и массовизации общества. В результате закономерного действия этих процессов происходит разрыв устойчивых социальных связей и отношений. При этом внутри общества происходит разделение на множество социальных групп, индивидуализация выходит на первое место, при этом каждый человек не чувствует связи с другими и ощущает себя одиноким. Принадлежность к группе ситуативна и не дает чувства защищенности [21, с. 195].

Специфика ценностных ориентаций в цифровой культуре

1. Повышение значимости установок на самопрезентацию в информационном пространстве

Позиционирование в виртуальной среде выступает одновременно фактором индивидуальной свободы и каналом информационного влияния на установки и мотивы. Создание собственного образа в web-пространстве становится частью человеческого бытия, позволяет идентифицировать его социальную принадлежность, оценивать, комментировать.

Самопрезентация в информационных средах реализуется в первую очередь посредством создания визуального образа. Для этого используются фото или любое графическое изображение пользователя – аватар, а также сторис (короткие видео-истории от пользователя). «То, что раньше было привилегией особых категорий людей творческих или специалистов, стало необходимо и доступно каждому» [22, с. 261].

Ценность образа в современной реальности отмечает Е.В. Петрова: «Виртуализация, замещение реальности образами, проникает во все сферы общественной жизни: в политику, экономику, науку, искусство. Секрет успешности какого бы то ни было субъекта, действия или явления обусловлен правильно созданным его образом, эффектной подачей, позволяющей привлечь внимание, запомнить» [23, с. 135].

Обеспечивая относительную анонимность пользователей, виртуальная среда допускает полное несоответствие созданного образа настоящей личности, причем для человека именно существование в виртуальности становится важнее, чем реальное [24, с. 114].

2. Ценность времени и знания

В цифровой культуре фактор времени приобретает важнейшее значение. Высокая скорость передачи данных, сужение пространственно-временных представлений обязывает человека развивать навыки мгновенного реагирования, способности к быстрому обучению.

В цифровом мире технологии трансформируют естественные границы восприятия человека, подспудно влияют на его зрение и слух [25, с. 58]. В связи с повышением ценности времени существенные изменения претерпевают когнитивные функции личности - главным образом, память, внимание, способность к концентрации. Если М. Маклюэн говорил о технических средствах как продолжении человеческого тела [26], то в цифровой культуре происходит перенесение когнитивных функций сознания в информационную среду за счет хранения больших объемов данных в web-сети. При этом снижается значение такой ценности, как знание. Гораздо важнее становится умение быстро находить нужные сведения.

3. Информационная природа личности

В сложной игре построения индивидуальности возможности социализации умножаются и модифицируются новыми информационными технологиями. И с точки зрения преимущества,

и с точки зрения синхронной адаптации к наличным условиям жизни личностное самоопределение достигается за счет форм обработки информации. Сознание и память человека представляют собой динамические состояния информации, но также это любой вид личного или социального повествования, отмечает Л. Флориди. Таким образом в современном изложении самости являются нарративами. Концепция *tabula rasa* Джона Локка, в которой индивид предстает в качестве сосуда, наполняемого культурой, заменяется нарративом, реальный субъект безликим агентом, наделенным информационными навыками для описания своего состояния, однако не способного объяснить свое единство [27].

Культура цифровой цивилизации во многом основана на культуре общества потребления, описанного философами конца XX в., и наследует его черты. В таком обществе «индивидуалистские или идеологические ценности уступают место общей относительности, восприимчивости и связи, озабоченной коммуникации» [28, с. 217].

Авторы ряда исследований подчеркивают амбивалентную природу *homo informaticus*: «с одной стороны, он выступает результатом и продуктом информационного развития социума, информационных технологий и глобальной информационной сферы, а с другой стороны, он актер, агент, субъект и творец нового типа социально-информационных отношений – отношений глобального информационного обмена и взаимодействия» [29, с. 47].

Анализируя существующие антропологические модели личности в информационном обществе и отмечая, что большинство из них содержат деструктивные характеристики, А.А. Моргунов делает предположение, что «мышление *homo informaticus* не может быть направлено лишь только на саморазрушение – его второй ипостасью является созидание». Эффективность созидательного действия должна достигаться за счет наличия таких доминирующих качеств, как мотивированность, целеустремленность, рациональность, прагматичность, методичность, сосредоточенность, последовательность и т. п. [30, с. 161].

4. Ценностные ориентации и поведение в условиях цифровой сети

Сравнительный анализ ценностных ориентаций возрастных групп молодежи и оценке их роли для формирования жизненной позиции в процессах адаптации к разным социальным сферам деятельности (профессиональной, образовательной, семейной) был проведен на базе эмпирического исследования 64 респондентов в возрасте 15-17 лет с использованием метода стандартизированных самоотчетов и психологического тестирования [31].

Результаты сравнительных социально-психологических исследований в возрастных группах молодежи показали, что ценностные ориентации, определяющие целевые установки играют ключевую роль для конструирования жизненных стратегий. Определение приоритетов терминальных ценностей в различных возрастных группах молодежи выявило значимость терминальных ценностей для планирования адаптивного поведения в социально-коммуникативных средах применительно к таким сферам деятельности как профессиональная, образовательная, семейная и общественно-политическая.

Формирование ценностных предпочтений личности находится в прямой взаимосвязи с явлениями социальной действительности. На основе анализа особенностей поведенческих реакций человека в информационном обществе, можно наблюдать особенности личности, выражающиеся, в том числе, и в формировании ценностных предпочтений, основой для которых являются явления цифровой реальности.

В частности, тотальное влияние виртуальной реальности проявляется в феномене киберзависимости, который провоцирует как позитивные, так и негативные поведенческие стратегии. Избыток информации, характерный для развивающегося информационного общества, и неспособность человека с ним справиться приводят к информационной перегрузке, которая создает дополнительные условия психоэмоционального напряжения в обучении и профессиональной деятельности. Формирование ресурсов адаптации к цифровой информационной сети становится

все более актуальной для современного молодого человека. Результаты проведенного в 2019 г. эмпирического исследования интернет-зависимости студентов показывают, что среди опрошенных респондентов 67% человек интернет-зависимы, а 40% юношей и девушек находятся в зоне риска. С усилением кибер-зависимости снижается способность самоконтроля, однако, в то же время включается защитный механизм снижения психоэмоционального напряжения, соотносимого с положительными копинг-стратегиями «замещение» и «психомышечная релаксация» [32].

Заключение

Изменения в общественной жизни влекут за собой изменения в системе ценностей. На основе анализа ценностных установок личности на разных этапах развития общества, мы можем видеть взаимосвязь между ценностями и ключевыми факторами развития социума.

Ценность *общения* изменяется в представлении личности за счет того, что коммуникативные функции человек реализует посредством информационных технологий. Это способствует снижению навыков реальной интеракции, осложняет процессы взаимодействия между членами общества вне виртуального пространства.

Ориентация ценностных приоритетов молодежи в различных сферах деятельности в существенной мере корректируется модными тенденциями, мемами и стереотипами массового сознания, которые транслируются в инфосфере. Расширение виртуальной коммуникативной среды современного общества усиливает тотальное влияние инфосферы на базовую систему ценностей в самоопределении личности. В условиях цифровой культуры, акцентирующей принцип свободы и равенства, как неотъемлемые свойства виртуальной коммуникации, формирование личности становится сложной проблемой индивидуального развития, сопряжённой с необходимостью гармонизации информационного хаоса.

Степень воздействия инфосферы на личность в цифровой культуре предельно высока, поэтому важной задачей представляет не только подробный анализ особенностей этого влияния, но и создание системы информационных фильтров, в основе которых будут положены критерии безопасности. Во избежание создания системы тотального контроля над потребляемым контентом, значимость, своевременность информации должна определяться только пользователем, а не навязываться извне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Степин В.С.** Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. Классика гуманитарной мысли; Вып. 3.
2. **Белл Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.
3. **Тоффлер Э.** Третья волна / Элвин Тоффлер; [пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др.]. Москва: АСТ, 2010.
4. **Масуда Й.** Информационное общество как постиндустриальное общество. М., 1997.
5. **Мамардашвили М.К.** Беседы и мышления. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018.
6. **Мазурицкая М.А.** Трансформация представления о ценностях в западноевропейской философской мысли от античности до нового времени / Мазурицкая М.А.; Вестник МГУКИ. №3 (29). 2009. С. 70-73.
7. **Философия и искусство Серебряного века в судьбе России: монография / под ред. М.И. Панфиловой, Е.А. Трофимовой.** СПб.: СПбГИЭУ, 2012.
8. **Фромм Э.** Революция надежды / Эрих Фромм; [пер. с англ. Т. Панфиловой]. Москва: АСТ, 2006.
9. **Каган М.С.** Философская теория ценности / С.-Петербург. гос. ун-т; Акад. гуманитар. наук. 204 с.
10. **Шохин В.К.** Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006.
11. **Гуревич П.С.** Кризис ценностных ориентаций / Гуревич П.С. // Личность. Культура. Общество. 2008. №5-6. С. 135-149.
12. **Ядов В.А.** Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979. 264 с.
13. **Губман Б.Л.** Современная философия культуры / Борис Губман. М.: РОССПЭН, 2005.

14. **Егоров В.К.** Философия русской культуры / В.К. Егоров; Рос. акад. наук гос. службы при Президенте Рос. Федерации. Москва: Изд-во РАГС, 2006.
15. **Berezovskaya I.P., Kedich S.I., Shipunova O.D., Gashkova E.M.** Youth Terminal Values In Modern Society's Communicative Field. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EрSBS), 2020, Vol. 80, Pages: 473-483 DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.02.55
16. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. №646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" // Гарант.ру URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (дата обращения 02.02.2020).
17. **Пшеничникова Л.Л.** Трансформация ценностно-смысловой сферы личности в условиях модернизированного общества. Мир науки, культуры, образования. №4 (47). 2014. С. 399-400.
18. **Shipunova O.D., Berezovskaya I.P., Kolomeyev I.V., Serkova V.A., Mureyko L.V.** Cultural code in controlling stereotypes of mass consciousness. European Research Studies Journal. 2017. Т. 20. №4В. С. 694-705.
19. **Гринева О.А.** Эпохальные ценности и ценностные ориентиры человека в современном мире / Гринева О.А. Каспийский регион: политика, экономика, культура. №4 (53) 2017. С. 146-151.
20. **Lichy J., Kachour M.** Understanding the Culture of Young Internet Users in a Rapidly Changing Society / Jessica Lichy, Maher Kachour; International Journal of Technology and Human Interaction. 2014. DOI: 10.4018/ijthi.2014100101
21. **Новиков А.С.** Атомизация общества и ее роль в становлении «общества масс» / Новиков А.С. Теория и история. СИБУП, №2 (16). 2009. С. 192-197.
22. **Быльева Д.С.** Аватар как индивидуальный выбор средства самоидентификации / Быльева Д.С. Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. №1 (191). С. 261-268.
23. **Петрова Е.В.** Новая информационная реальность и ее отражение в современной российской философии // Петрова Е.В. М. Власть, 2007. С. 128-137.
24. **Никитина Т.П.** Современный человек в мире без границ / Никитина Т.П.; Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. №3 (11). С. 114-119.
25. **Шипунова О.Д., Березовская И.П., Гашкова Е.М.** Условия формирования личности в контексте киберантропологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, №3. С. 57-64. DOI: 10.18721/JHSS.8306
26. **Маклюэн М.** Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М.Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
27. **Floridi L.** The Informational Nature of Personal Identity. Minds & Machines (2011) 21: 549. DOI:10.1007/s11023-011-9259-6
28. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
29. **Курбатов В.И., Папа О.М.** «Homo informaticus» – человек информационной эпохи: характерологические черты / Курбатов В.И., Папа О.М. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2017. С. 46-51.
30. **Моргунов А.А.** Homo informaticus как эвристическая модель / Моргунов А.А. Вестник Самарского государственного университета. № 1 (102). 2013. С. 157-163.
31. **Berezovskaya I.P., Kedich S.I., Shipunova O.D., Gashkova E.M.** Youth Terminal Values In Modern Society's Communicative Field. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EрSBS), 2020, Vol. 80, P. 473-483. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10000/10327/article_10000_10327_pdf_100.pdf. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.02.55
32. **Berezovskaya I.P., Shipunova O.D., Kedich S.I.** 2019. Internet Addiction and Youth Coping Strategies. In Proceedings of Communicative strategies of the information society (CSIS'19). October 25-26, 2019, Saint-Petersburg, Russia. ACM, New York, NY, USA, 6 pages. <https://DOI.org/10.1145/3373722.3373790>

Статья поступила в редакцию 04.02.2020 г.

REFERENCES

1. **V.S. Stepin**, Tsivilizatsiya i kultura [Civilization and Culture]. SPb.: SPbGUP, 2011. (Klassika of gumanitarnoy mysli [Классические гуманитарные мысли]; No. 3).
2. **D. Bell**, Gryadushcheye postindustrialnoye obshchestvo [The upcoming post-industrial society]. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya [Social Forecasting Experience]. M.: Academia, 2004.

3. **E. Toffler**, *Tretya volna [Third wave]*. Elvin Toffler; [trans. K.Yu. Burmistrova]. Moscow: AST, 2010.
4. **Y. Masuda**, *Informatsionnoye obshchestvo kak postindustrialnoye obshchestvo [The information society as a post-industrial society]*. M., 1997.
5. **M.K. Mamardashvili**, *Besedy i myshlenii [Conversations and Thinking]*. M.: Fond Meraba Mamardashvili, 2018.
6. **M.A. Mazuritskaya**, *Transformatsiya predstavleniya o tsennostyakh v zapadnoyevropeyskoy filosofskoy mysli ot antichnosti do novogo vremeni [The transformation of the concept of values in Western European philosophical thought from antiquity to modern times]*, *Vestnik MGUKI*. 3 (29) (2009) 70-73.
7. *Filosofiya i iskusstvo Serebryanogo veka v sudbe Rossii: monografiya [Silver Age Philosophy and Art in the Fate of Russia: Monograph]*. Ed. M.I. Panfilovoy, Ye.A. Trofimovoy. SPb.: SPbGIEU, 2012.
8. **E. Fromm**, *Revolutsiya nadezhdy [Revolution of hope]*. Erikh Fromm [trans. T. Panfilovoy]. Moscow: AST, 2006.
9. **M.S. Kagan**, *Filosofskaya teoriya tsennosti [Philosophical Theory of Value]*. St. Petersburg State University, Academy of Humanities.
10. **V.K. Shokhin**, *Filosofiya tsennostey i rannaya aksiologicheskaya mysl [Philosophy of Values and Early Axiological Thought]*. M.: Izd-vo RUDN, 2006.
11. **P.S. Gurevich**, *Krizis tsennostnykh oriyentatsiy [The crisis of value orientations]*. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo [Personality. Culture. Society]*. 5-6 (2008) 135-149.
12. **V.A. Yadov**, *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsialnogo povedeniya lichnosti [Self-regulation and prediction of social behavior of an individual]*. Ed. V.A. Yadova. L.: Nauka, 1979.
13. **B.L. Gubman**, *Sovremennaya filosofiya kultury [Modern philosophy of culture]*. M.: ROSSPEN, 2005.
14. **V.K. Yegorov**, *Filosofiya russkoy kultury [Philosophy of Russian Culture]*; Grew up. Acad. state sciences services under President Ros. Federation. Moscow: Izd-vo RAGS, 2006.
15. **I.P. Berezovskaya**, S.I. Kedich, O.D. Shipunova, E.M. Gashkova, *Youth Terminal Values In Modern Society's Communicative Field. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*. 80 (2020) 473-483. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.02.55
16. Ukaz Prezidenta RF ot 5 dekabrya 2016 g. №646 "Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646 "On approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation"]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (Accessed: 02.02.2020).
17. **L.L. Pshenichnikova**, *Transformatsiya tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti v usloviyakh modernizirovannogo obshchestva [The transformation of the value-semantic sphere of personality in a modernized society]*. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*. №4 (47) (2014) 399-400.
18. **O.D. Shipunova, I.P. Berezovskaya, I.V. Kolomeyzev, V.A. Serkova, L.V. Mureyko**, *Cultural code in controlling stereotypes of mass consciousness*. *European Research Studies Journal*. 20 (4B) (2017) 694-705.
19. **O.A. Grineva**, *Epochal Values and Valuable Human Personalities in the Contemporary World, Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura [Caspian region: politics, economics, culture]*. 4 (53) 2017 146-151.
20. **J. Lichy, M. Kachour**, *Understanding the Culture of Young Internet Users in a Rapidly Changing Society*, Jessica Lichy, Maher Kachour; *International Journal of Technology and Human Interaction*. 2014. DOI: 10.4018/ijthi.2014100101
21. **A.S. Novikov**, *Atomizatsiya obshchestva i yeye rol v stanovlenii «obshchestva mass» [The atomization of society and its role in the formation of the "society of the masses"]*. *Teoriya i istoriya [Theory and History]*. SIBUP. 2 (16) (2009) 192-197.
22. **D.S. Bylyeva**, *Avatar is the individual choice of identification of a personalit*, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 1 (191) (2014) 261-268.
23. **Ye.V. Petrova**, *Novaya informatsionnaya realnost i yeye otrazheniye v sovremennoy rossiyskoy filosofii [New informational reality and its reflection in modern Russian philosophy]*. *Vlast [Power]*. 2007. Pp. 128-137.
24. **T.P. Nikitina**, *Sovremennyy chelovek v mire bez granits [Modern man in a world without borders]*, *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]*. 3 (11) (2012) 114-119.
25. **O.D. Shipunova, I.P. Berezovskaya, Ye.M. Gashkova**, *Conditions of personality formation in the context of cyber-anthropology*, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 8 (3) (2017) 57-64. DOI: 10.18721/JHSS.8306

26. **M. Maklyuen**, Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka [Understanding Media: Human External Extensions], transl. V. Nikolayeva, M. Vavilova. M.; Zhukovskiy: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole», 2003.

27. **L. Floridi**, The Informational Nature of Personal Identity. Minds & Machines 21, 549 (2011). <https://DOI.org/10.1007/s11023-011-9259-6>

28. **Zh. Bodriyyar**, Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury [Consumer society. His myths and structures]. M.: Respublika; Kulturnaya revolyutsiya, 2006.

29. **V.I. Kurbatov, O.M. Papa**, «Homo informaticus» – chelovek informatsionnoy epokhi: kharakterologicheskiye cherty [“Homo informaticus” – a man of the information age: characterological traits]. Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences], 2017. Pp. 46-51.

30. **A.A. Morgunov**, Homo informaticus kak evristicheskaya model [Homo informaticus as a heuristic model], Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Samara State University], 1 (102) (2013) 157-163.

31. **I.P. Berezovskaya, S.I. Kedich, O.D. Shipunova, E.M. Gashkova**, Youth Terminal Values In Modern Society’s Communicative Field. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpsBS), 80 (2020) 473-483. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10000/10327/article_10000_10327_pdf_100.pdf. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.02.55

32. **I.P. Berezovskaya, O.D. Shipunova, S.I. Kedich**, 2019. Internet Addiction and Youth Coping Strategies. In Proceedings of Communicative strategies of the information society (CSIS’19). October 25-26, 2019, Saint-Petersburg, Russia. ACM, New York, NY, USA, 6 pages. <https://DOI.org/10.1145/3373722.3373790>

Received 04.02.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Квашенко Надежда Юрьевна
Kvashenko Nadezhda NY
E-mail: kvaschenko.n@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020

DOI: 10.18721/JHSS.11103

УДК: 101

SIXTH FORCE AND PHOTONIC OVERMAN

H. Varini

University of Trento, Italy

In contrast to the Nietzschean conception of *Übermensch* as signifying, hitherto, a supermanhood in moral terms alone, the principle of the latter lies in its being antithetical to the present human status, and in its thus proving altogether superior both ontologically and physically. With this premise the notions of Sixth Force and Photonic Frame are now associated. Set forth after a qualitative fashion, while the former is related to the thus far known elemental constituents of matter, as well as to forces and interactions between matter particles, and under this form deemed to intangibly account for all the chaos, indeterminacy and otherwise imperfection or limit found so peculiar to man, the latter refers to an ultimate trait in the actual Overman touching a most luminous and unparalleled corporeality. An original conception of geometry in photonic terms is also propounded. Illustrations meeting at length with a semiotic process and literary hints add to the suggestion.

Keywords: superhuman, ontology, anthropology, physics, geometry, semiotics, visual arts, epistemology, pre-galilean method, history of science, Friedrich Nietzsche

Citation: H. Varini, Sixth Force and Photonic Overman, *Society. Communication. Education*, 11 (1) (2020) 30-58. DOI: 10.18721/JHSS.11103

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

ШЕСТАЯ СИЛА И ФОТОННЫЙ СВЕРХЧЕЛОВЕК

Г. Варини

Трентский университет, Тренто, Италия

В отличие от ницшеанской концепции *Übermensch* как означающей до сих пор сверхчеловеческое только в моральных терминах, принцип последнего заключается в том, что он противоположен современному человеческому статусу и, таким образом, оказывается превосходящим как онтологически, так и физически. С этой предпосылкой теперь ассоциируются понятия Шестой Силы и Фотонного Кадра. Изложено качественно, в то время как первое связано с известными до сих пор элементарными составляющими материи, а также с силами и взаимодействиями между частицами материи, и в этой форме считается неосязаемым объяснением всего хаоса, неопределенности и иного несовершенства. или предел, найденный так свойственный человеку, последний относится к конечной черте в реальном Сверхчеловеке, касающейся наиболее яркой и беспримерной телесности. Предлагается оригинальная концепция геометрии в фотонных терминах. Иллюстрации, встречающиеся долго с семиотическим процессом и литературными намеками, добавляют к предложению.

Ключевые слова: сверхчеловек, онтология, антропология, физика, геометрия, семиотика, изобразительное искусство, эпистемология, пре-галилеевский метод, история науки, Фридрих Ницше

Ссылка при цитировании: Варини Г. Шестая сила и Фотонный Сверхчеловек // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2020. Т. 11, №1. С. 30-58. DOI: 10.18721/JHSS.11103

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Introduction: The Actual Overman

Whensoever somebody finds himself contemplating, as a distinct element within a suggestive scenery, the setting sun, and then, owing to the ghostly yet most concrete *action of time* unforgiving [1] darkness implacably falls, there is obviously nothing he can possibly do: the individual in question proves to be a mere spectator. Hereupon everything else to be conceived in akin terms, or otherwise directly experienced, very often quite dramatically, is to follow in mere consequence. This is a chief indication of his own ontological and existential status, a situation I endeavored to view as focusing on the category *powerlessness* in the first place. Yet *for the same reason*, a peculiarly dialectical one, there must exist, intangibly behind and beyond this same picture, and elsewhere within the abysmal vastness of the Real, a *counterpart of the former* altogether foreign to matters of like character, a reflecting half sharing with him the very trait we are accustomed to call human, and to whom the very essence of the term *power* lay utterly unfolded. Besides this introduction, herein presented by way of a minor one in a greater to follow, it seems to me appropriate to dwell upon the glossary I thought proper to add, through no mere dint of summary nor repetition, but rather as a means of further illustration, in my own *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche* [2] and endeavor for a moment to consider the utterance *Overman* as set forth after this fashion:

Interchangeable with dialectical overhuman, and nowise related to the *Übermensch*, nor to any other Nietzschean conceptions, this term defines the human being which is to singularly and exclusively embody an actual ontological context of power in living it *over and beyond* the limits of the human as hitherto known and considered with reference to a dialectically opposed existential status. Accordingly, the Overman dialectically overcomes human nature itself (as well as the *Übermensch*, of which is no English translation) as thus far regarded as being peculiar to man alone. Utterly over and beyond the latter, his character necessarily results in being formidably superior in terms of ontological comprehensiveness. Although, dialectically, this is the ultimate result of becoming as a continual increase of the Real, and hence of Power as a definition of the Real itself, alongside the ontic potentiating recurrence (*Return of Power*) as the culminating phase within the dialectic *Power-Stasis-Power*, yet, ontologically, it is refearable to his being simultaneous to Being, or the Real as Power, and derived from the latter in terms of commonality of nature. Ingenerable and incorruptible, as by necessity a presence antithetical to man in terms of Power-Powerlessness polarity, the Overman is, selectively, the specular counterpart for the predisposed individual respecting his own limited status, in which case assuming the character of *Over-identity*, *Identity of Power*, *Potentiated Antithesis*, etc. Touching a superhuman singularity, or a superhuman singular action, the conception is one with Becoming (as an increment of Power), through the medium of will or volition, and as reflected in Being (as Power) as a result of the ontological fusion to occur in the *Triad of Power*. Whereas the *Übermensch*, in its proving to be superior only morally, lies bound to the same limited status of man, the Overman both opposes and exceeds from whatever standpoint the latter, in his being one, in a superhuman form, with the term and category power itself, and with its relevant ontological primacy. In these terms the dialectical Overman is consistent with the notion of *personified Power*.

The status of the dialectical Overman is accordingly to be perceived, in no minor degree, as determined by an altogether different structure of matter and energy, which latter, inasmuch as man is to embody powerlessness, must prove altogether superior in kind [3]. This is owing to the argument touching an intrinsic spatiotemporal immensity vast beyond whatsoever imagination well admitting the possibility for the present limited human situation to return-to-itself selectively [4] and respecting an ultimate, or in other respects utterly enhanced form. As the matter in question has been already advanced in relation to the cosmological significance of the *Return of Power* event, a further connection may well be established with the notion of *recurring multiverse*, as we find it developed in the Ekpyrotic model [5] and as accordingly admitting different physical properties within different phases occurring between each Big Bang and each Big Crunch, these latter to

further prove in the end *one single central cosmic entity as to an unfathomable spherical immensity*, as it was for centuries the case, in the view of either an Aristotelian-Ptolemaic or Copernican cosmos. Over this main cosmological standpoint, alongside the power-powerlessness polarity found intrinsic to the human, the fiery phenomenology of the dialectic *Power-Stasis-Power* is meant to hold its own dominion [6]. Although an occurrence to be acknowledged at an epoch inconceivably remote in either future or past (entailing thus an abysmal interval of time of billions of years), yet the crucial advent of the antithetical Overman embodies far more than an eventuality, referring, also, to the anthropic principle [7] as lying in the ratio of whatever *weltanschauung* the mind is able to form. Now, hitherto, the conception of dialectical superhuman has been developed touching the following chief criteria:

1. The category *power* (Greek δύναμις, Latin *Potentia*, German *Macht*) is ontologically primary, with *powerlessness* as its necessary self-negation [8];
2. Its essence is dialectical in character [9];
3. An antithesis between *power* and *powerlessness* inheres within the human;
4. There does exist a human nature infinitely superior to the hitherto known;
5. This nature is antithetical to man, as exceeding a status of impotence exemplified in the latter;
6. It can only be perceived in superhuman terms [10];
7. It overshadows any thus far known perspective;
8. The cosmos, in its cyclic evolution as an *inflationary multiverse*, entailing thus different epochs with different physical properties, is vast enough to permit its presence [11];
9. It has existed in a most remote past and shall exist again in a most remote future [12];
10. It embodies the essence of the human as one with the nature of *Being* (Greek τὸ ὄν, τὸ εἶναι, Latin *Esse*, German *Sein*) or the Real as power (for the nonhuman reflects the human, and the converse);
11. It has been thus far indistinctly (and non-philosophically) perceived under the form of myth, more especially in Polytheism [13];
12. *It must be solely theorized*, for its actual appearing would be devastating for the whole of our certainties [14];
13. An adequacy for man is selectively possible, owing to the human being one, and to the relevant presence of a counterpart;
14. The double alone, through the very medium of reflection or specularity, and as referring to the cosmological-dialectical *Return of Power* event, is to embody the paramount significance of *immortality*, in an exceeding (i.e. superhuman) and necessarily selective form [15];

15. The metaphysical lies ineradicable within the physical, and inevitably completes it [16].

Holding firmly in view these premises, a further argument shall be now propounded, relative to the ghostly, yet most concretely or otherwise most dramatically manifested (as to the intrinsic presence of chaos, uncertainty, and want of determinism, to be further fathomed) [17] presence of *an agency in guise of disturbing element intrinsic to physicality as referable to the present human status*, to be intuitively looked upon in terms of *unified fundamental force*.

Methods: Theory of a Sixth Force

I would be carried too far away from my immediate design, and indeed theme, were I to illustrate in a quantitative-mathematical fashion, that is to say, by way of equations, algebraic signs, constants etc., a point which remains philosophical in character, and which, in the first place, lies not in the slightest need of any empirical verification, nor *shall possibly be even ever verified* respecting its own elusive nature, as it shall be presently attempted at unfolding. I need not go into any technical or specific detail accordingly, and in the light of the usual range of inquiry adopted thus far. What stands as herein chief is the underlying *metaphysical-physical idea and its novelty*, in itself and in its own illustration, its eventuality, its plausibility, in a word, *the originality of a possible perspective in logical picture of coherent facts*, to be perceived as chiefly ontological and anthropological in kind. Now, as aforesaid, the recurring presence of a situation of actual human power, as antithetical to the one of powerlessness, lies in the direct ratio of the same self-referential phenomenology of the universe, and in full accordance with the *anthropic principle* to grant this very presence [18]. This alternation results in relentlessly changing the game, and in thus cyclically structuring, within a most dynamic scenario not altogether distant from the direct agency of a most fiery Heraclitean becoming, the character of the material or the immanent as a whole [19]. The matter and energy as associated with the latter are to be in turn viewed as being over time subject to a *substantial, ultimate alteration*, in reference to a most variable quantity of actual ontological power to be beyond doubt admitted respecting a cosmic receptacle under the form of primary, unfathomable vastness [20]. And in turn again, this quantity can be referred to a drastic mutability (drastic, as antithetically regarded) of the same physical laws, in relation, also, to Ernest Nagel assumptions [21]. In strictly dialectical terms, this focuses again upon the passage from *Stasis* to *Power* within the *Power-Stasis-Power* dialectical-cosmic process, and, more especially, upon the ultimate *Return of Power* event to which the nature of the physical is to sooner or later lead by in this manner signifying, or rather fully embodying its own most fiery and self-referential crowning moment [22]. And as to the latter point in particular, if we are wont to conceive the Real (or *Being itself*, in deeper metaphysical terms) as proving at length one, owing to its imposing quantity of energy and overwhelming vastness, with the category *power* itself, that is, with the supreme and most basic amid criteria [23], there can be no manner of doubt that all this is to lead to an ultimate blaze, inconceivably intense, elevating, and *most positive indeed* if looked upon in terms of a necessary selective ontological purification [24], in which any hitherto achieved certainty, or in other respects experienced event, of the most primary historical note even, would be left burning, or be utterly erased, in the justifiable form of a bygone banality merely ascribable to a minor human situation, and to its less than infinitesimal spatiotemporal perspective. Now, to return to the main suggestion, it is a generally received notion that atoms made up all ordinary matter as consistent with a periodic table relative to their mass and chemical character [25]. These are in turn composed, as to their *nuclei*, of smaller entities known as protons, neutrons and electrons. Whereas the latter prove to be indivisible, protons and neutrons can be split into quarks, which, together with electrons, are regarded as being the basic constituents of matter, to be detected in unstable particles termed *mesons*. Through collision amid these particles, indivisible and unstable ones akin to electrons are commonly produced. These are classified as muons and taus, as well as neutrinos, the latter deemed to be ultra-light and electrically neutral. Upon the whole, and as to the present status of research, all ordinary matter, whether found in nature or produced in laboratory, can be summed up in relation to the following scheme (fig. 1):

STANDARD MODEL OF ELEMENTARY PARTICLES

Q U A R K S	UP mass $2,3 \text{ MeV}/c^2$ charge $\frac{2}{3}$ spin $\frac{1}{2}$ u	CHARM mass $1,275 \text{ GeV}/c^2$ charge $\frac{2}{3}$ spin $\frac{1}{2}$ c	TOP mass $173,07 \text{ GeV}/c^2$ charge $\frac{2}{3}$ spin $\frac{1}{2}$ t	GLUON 0 0 1 g	HIGGS BOSON mass $126 \text{ GeV}/c^2$ 0 0 H
	DOWN mass $4,8 \text{ MeV}/c^2$ charge $-\frac{1}{3}$ spin $\frac{1}{2}$ d	STRANGE mass $95 \text{ MeV}/c^2$ charge $-\frac{1}{3}$ spin $\frac{1}{2}$ s	BOTTOM mass $4,18 \text{ GeV}/c^2$ charge $-\frac{1}{3}$ spin $\frac{1}{2}$ b	PHOTON 0 0 1 γ	G A U G E B O S O N S
	ELECTRON mass $0,511 \text{ MeV}/c^2$ charge -1 spin $\frac{1}{2}$ e	MUON mass $105,7 \text{ MeV}/c^2$ charge -1 spin $\frac{1}{2}$ μ	TAU mass $1,777 \text{ GeV}/c^2$ charge -1 spin $\frac{1}{2}$ τ	Z BOSON mass $91,2 \text{ GeV}/c^2$ 0 1 Z	
ELECTRON NEUTRINO mass $<2,2 \text{ eV}/c^2$ 0 spin $\frac{1}{2}$ ν_e	MUON NEUTRINO mass $<0,17 \text{ MeV}/c^2$ 0 spin $\frac{1}{2}$ ν_μ	TAU NEUTRINO mass $<15,5 \text{ MeV}/c^2$ 0 spin $\frac{1}{2}$ ν_τ	W BOSON mass $80,4 \text{ GeV}/c^2$ ± 1 1 W		

Fig. 1. Species of elementary particles

Rather synthetic, and indeed temporary as to an ongoing survey, this categorization is intended to fathom the innermost character of the physical (Kant would be accustomed to call it, still in the leading perspective of the *subject*, a perfect intermixture between an *a priori* and an *a posteriori* argument, with a primary importance assigned to the former) [26], in its further meeting with the assumption, now more especially at issue, relative to the presence of four fundamental forces and interactions to follow in somewhat theoretical consequence. These are thus far viewed under the category electromagnetism, gravity [27], strong force and weak force. With each a so-called *force carrier* is associated: the photon, to be further discussed, the graviton, the W and Z boson respectively. As for the remaining *Higgs particle*, this latter results viable touching a scenario conceived with an akin appellation: the *Higgs field*, as in turn having supposedly a direct bearing on the nature of the cosmos, hence on the conception we may form of dimensionality itself [28]. Whereas electromagnetism and gravity are evidently part of common experience, even though in a phenomenal or in other respects indirect form [29], the strong and weak forces can be met with, indeed somewhat unnaturally [30], by way of experimentation alone, and this at a subatomic level exclusively. In essence, all these standpoints (for such they are, even if empirically confirmed) [31] blend into the ones consistent with the phenomenology of the *quantum world*, as thus embodying the very ultimate mode of behaviour of both matter and energy (which, according to the Einsteinian equivalence $E = mc^2$, to be further discussed, prove to be *de facto* two faces of the same medal) [32]. This behaviour results in being rather, if not altogether, at variance with what we may be generally accustomed in perceiving, possibly in a luminous Pythagorean turn of mind [33], as intrinsic order and rationality, and even as symmetry and beauty, to be further illustrated, in thus proving otherwise *nondeterministic, unpredictable, and in a measure even bizarre respecting two leading criteria*. The first is bound to the limiting character just mentioned, as related to energy, velocity and position of an object under actual observation, and more especially to the relevant effects of the known *Heisenberg's Uncertainty Principle*, and of the so called *quantum fluctuations* as therein occasioned [34]. The second is otherwise to be traced in the dual nature of force fields and matter particles, as both exhibiting a wavelike and particle-like character touching "indivisible packets of energy," [35] as they are so termed. Upon the whole, and in a Wittgensteinian perspective, it appears to me *self-evident* that, even though so essentially considered, this picture stands not altogether enough, nor ultimately or metaphysically sufficient as to an ultimate account for the chaos and the limitedness to be found so intrinsic to matter, and as having so

dramatic an impact upon the present human status in reference to the physical entity to which it is bound (as found most evident in general decay and in death, the former with its unavoidable marks forerunning the latter in one single fate). Neither can it be acknowledged to, more specifically, add weight to *the quantum principle argument* as a result of which our empirical world proves so consistent with an ultimate, non-Spinozian randomness and indeterminacy, and in the end so doomed to both. With a view to avoid a too specific, possibly tedious, and at length incomprehensible tone, and in the light of the significance of *Ockham's razor*, I chose again not to be thus particular, and limit the proposal at issue, by a species of sudden intuition, to the most concrete, yet ghostly *as to its own intrinsically elusive character*, point to follow. Altogether, there may be perhaps little question in assuming that a further fundamental element, *at once physical and meta-physical* [36], may well be determined, or at least postulated, in accordance with the aforementioned state of affairs. Rather than in a mathematical-quantitative perspective, this element is to be perceived in a *comprehensively qualitative one*, and to transcend, as it is the custom in ultimate Philosophy, the *mere physical* accordingly, in favor of a meaning of an extreme ontological (and existential, as to the present human status) gravity. After this corollary another may, possibly in mere consequence, follow. That is, whereas the chaotic, or otherwise distinctly imperfect character of materiality (or, more properly, touching my own dialectical-cosmic proposal, of the relevant human *Phase of Stasis*, as physically considered) [37], of which countless of instances can be presently found, has been, as a subtle premonition, unveiled by the Greek genius millennia before Heisenberg in the terms of *ἀλόγως και ἀμέτρως*, in other words, as altogether *wanting in reason and measure* [38], this same character is to remain invisible in the first place, or in other respects undetectable inasmuch as one with, or at least as akin to *the definition we may possess of disorder itself*. Upon such a premise, and touching a standpoint still prevalingly metaphysical, the sole possible manner to be on intimate terms with the a physical (and ontological, in the end) scenario of like character lies in an attempt at sharing *the same categorization* [39], as now in particular referred to the aforesaid conceptions of *force, particle and carrier*. Hereupon, somehow by way of immediate deduction, the following picture may ensue: *another unheard of entity conceivable under the category force is to physically exist as a possibly chief vehicle of chaos and indeterminacy, hidden, most ghostly, as it were, and most ontologically elusive, and yet most necessary in reference to the considerable level of disorder and imperfection so dramatically experienced within the present human status*, and, even more conclusively, in reference to the natural opposition of this status to the supreme and unparalleled one of the actual Overman, which is to in turn to embody, by plain dialectical necessity, a *very presence in terms of a most tangible, or otherwise most corporeal perfection itself* [40]. As this latter trait shall be presently matter for further consideration in qualitative, rather than quantitative terms, it is nevertheless worth observing that respecting this chaos, instability, precarity, and what may be in the end conceived as an *ultimate ontological feebleness within physicality as to its present status*, hence within the existence of man itself as dependent upon it, the *intangibility of the phenomenal as peculiar to the nature* stands utterly beyond and indeed foreign to. That is, although a lightning piercing the night sky proves to be, physically, still a mere electrical discharge, yet as to the peculiar modality of its own appearance, that is, *as a sudden givenness of light and force utterly unreachable within an equally unreachable heavenly background of a prevailing darkness*, it remains altogether intact, and as potent and unearthly as first perceived, in awe and silent wonder, by the astonished eye of the prehistoric man [41]. For no artificial detection or quantification, nor satellite or whatever material means shall even minimally be able to penetrate into its most fiery essence and millennial significance as one with a most vivid intangibility. And it shall evidently forever be so, both epistemologically and symbolically, possibly even more as to the latter mode: *the axe of Teshub and the mallet of Thor are still there* [42]. Now it is suggested that this same vigor so ultimately penetrating the very arteries of fire of the thunderbolt, can be found, in an altogether similar manner, *stealthily inhering* intact within the limited material world of man, hence within his thus ensuing imperfect and indeed faulty frame of body [43] (the latter falling even a prey to the mortal blow of a final, total dissolution), under the sole form admissible as to the theme in question: *that of a force or agency as a force carrier particle alongside the hitherto known*. Accordingly, amid those already accustomed in

employing, that is, the aforementioned photon (with another criterion, as to this latter, to be put forward in the next chapter), graviton, W and Z boson, together with the *Higgs particle* (which, it should always be remembered, signify no conclusive view at all respecting the ongoing nature of research), it can be positively asserted that there may dwell, firmly at the very heart of this fundamental disorder, asymmetry, and in the end plain negativity, empirical horror and widely experienced woe, *a sixth*. As each of the aforesaid forces lies associated with a peculiar categorization under the form of setting, including the *Higgs particle* [44], an argument similar in kind, still to be in the main qualitatively interpreted [45], must evidently meet with the proposal at issue. This lies referable to a fitting scenario, or rather, by employing a similar conceptualization, a *field of chaos*, itself altogether imperceptible, or otherwise most elusive respecting, even, the most sophisticated yet to be employed mode of scrutiny. In an attempt at *merging an empirical effect with the intangibility of an idea*, which in the most successful instances we know to possess even greater consequences for the life of man (the instance of Hegelian dialectic would suffice as to the history of continental Europe in the twentieth century), the question of imperceptibility is owing to *the essence of chaos being itself of course in principle invisible*, and the particle message acting within the field as one with the latter accordingly. We may thus draw upon the following conclusion: there does exist a principal hidden vehicle of chaos and complexity inhering within an equally hidden principal chaotic and complex radius of action (for, if otherwise, the latter would experience no disorder whatever *in relation to the tangible yet still ghostly agency of the former*), both the entities being in the end more or less referable to current scientific criteria. This accounts for the chain of causes resulting in the limited, that is, ontologically powerless character of man (as again antithetical to the person of the actual Overman, as non-Nietzschean or beyond-Nietzschean *Personified Power*, more especially [46]), and possibly, even in what in moral terms we are accustomed to recognize as evil itself (for, in an immanent perspective, and as already endeavoured to suggest, *everything in principle originates from the physical*, as most distinctly found in any disease, or earthquake, or other material disaster of like character). Whether it shall be or not detected through an experimental modality or by an actual method, and defined, or rather termed and categorized accordingly, signifies again no main objective at all. For, although the proposal remains knowingly theoretical rather than merely hypothetical, yet, touching its own ontological character, it is meant to wear a fundamental aspect towards the ultimate nature of things in a most intangible manner proper. As such, it is deemed to remain unalterable and chief, both physically and metaphysically. A second step shall be now taken by associating the latter with an unparalleled corporeal superiority in photonic terms.

Results: The Photonic Frame

That the superhuman is bound to light and luminosity, either shining with an intrinsic luster, or gleaming from an invigorating source [47], is not for a moment to be doubted, for it can be found exemplified in several mythical instances and, as to the significance of the *Logos*, or *the deepest philosophical sentiment*, in the Nietzschean episode of the young shepherd biting the head of a black snake, and then spitting it out, thus becoming, according to the majority of scholarly interpretations, an *Übermensch*, thus “light-surrounded” (*“ein Umleuchteter”*) [48]. Although this latter embodies beyond question one of the most potent and majestic metaphors ever conceived, yet it is my personal suggestion that in the end it yields before the presence of the antithetical Overman as a *Personified Power*, that is, as an actual incarnation of an intangible yet most concrete ontological vigor under the form of both nonhuman counterpart and source [49], and as the very character to necessarily oppose impotence in the first place accordingly (for, of course, dialectical terms entail each other, in thus proving most different as to their own, thus assigned ontological dignity). Owing to its signifying no secondary trait in the definition of the superhuman, light (and all that concerns it) is by no means to be considered as a matter of secondary note, much less under the sole form of myth or allegory. It must be otherwise looked upon as an element utterly real and chief, both ontologically and physically. This accordingly stands as a prelude to yet another proposal to be possibly advanced, again by way of exercise, or possibly even experiment in predominantly scientific criteria, or at least by reference to these. As elsewhere

suggested [50], the radical superiority of the physical as intrinsic to an antithetical situation of actual human power would prove tenable respecting the Einsteinian formula $E=mc^2$, to be reconsidered, as in the main boosted, after this fashion:

$$\begin{aligned} & \text{UEM} \in p^\infty \text{ST} \\ & E=mc^2 \end{aligned}$$

This equivalence is meant to define an eventual potentiating process touching both mass and energy (with c^2 , or the speed of light raised to the square as a constant not specifically taken into account). The propounded acronym UEM signifies an “Undefined Enhancement of Matter” as inhering (\in) within a relevant *Potentially Infinite Spacetime* (p^∞ ST) [51]. This process remains “undefined” since it evidently cannot in no manner be fathomed according to accustomed quantitative criteria [52]. P^∞ ST is again so primarily unfathomable as to no doubt afford such a more than eventuality, hence allowing, *sooner or later*, a necessary, in dialectical terms, *radical alteration of the physical principles* in relation, also, to Ernest Nagel assumptions [53]. The Einsteinian formula $E=mc^2$ would thus be dramatically *raised to the value* expressed within $\text{UEM} \in p^\infty \text{ST}$. We may be accordingly in the practice of looking upon matter and energy as both at length resulting in an ultimate *over-matter*, that is, as both relative to an utterly exceeding status of physicality, with which the *anthropic principle*, or the assumption concerning the human to inhere within any reality is to lie firmly consistent [54] (as notably referred to the category “man,” or to the human precisely, as moreover not having reference to the planet earth alone [55], the latter evidently representing less than an atom within an unfathomable spatiotemporal immensity [56]). On account of such a surpassing situation of *the tangible* (and of energy as imperceptibly related to it), a superhuman vital space and capability of action are in turn to ensue as altogether foreign to any recognizable limit, and *in power absolutely alien from any past, present or future human single experience or even historical event*, a state of affairs hitherto indistinctly conceived, or else imagined in the terms of mere myths alone [57]. Now, in stark ontological terms, rather than predominantly physical, the aforesaid formula comes transcended by the following one, as *in the leading terms of power* still opposed to $E=mc^2$, and to a relevant somewhat minor or limitative materiality essentially wanting in the latter:

$$E_{vm}=P$$

Which means that Energy (E) or (V, Latin *Vel*, “or”) Matter (m) equals Power (P), in other words, that *both the categories Energy and Matter prove simply one with Power itself, in a perfect equivalence or equilibrium as to an actual ordered capability*, and as properly resulting in this latter as a primary and most positive point of reference [58]. It is accordingly observed that whereas $E=mc^2$ lies still bound to the unordered and indeterminate, indeed ghostly behaviour of the *Sixth Force* (of which a clear instance would possibly be the overall dispersion of chaotic energy to occur in any thermonuclear test), $E_{vm}=P$ stands, in an antithetical perspective still, as utterly alien to whatever limitation of the kind. Such an equivalence (a logico-ontological as applied to physicality, rather than of course a strictly scientific one) shall now be associated with the theme of light and luminosity as proving a trait of main significance as to the character of the superhuman in its peculiar modality of appearance. This shall be owing to *the photon* as evidently proving the most suitable physical conception amid those to be possibly chosen as to the theme in question. Let us accordingly attempt at dwelling upon the latter, by way of further introduction to *a formidable and unparalleled frame of body as properly conceived in these terms*. As anticipated, and in brief, according to quantum physics the criterion *photon* is to indicate the elementary force-carrier particle associated with electromagnetic interactions, and the smallest unit, as a quantum, of what is conceptually (and phenomenally) identifiable as light itself. It is conceived as moving at the fastest speed known within the void, as having zero rest mass, and as showing properties under the form of either wave or particle. Another aspect seemingly fundamental refers to its amount of energy being in a direct mode proportional to its exhibited electromagnetic frequency, and

inversely proportional to a relevant wavelength. As for this latter, a photon, or *quantum of light* cannot be defined dimensionally, or otherwise spatially localized. In brief again, within the fiery situation of the actual Overman as antithetical to, that is, most distant from whatever limit, misery and imperfection as meeting in the end with a *comprehensive powerlessness* (for, again, it is maintained that this latter term says it all, both ontologically and existentially) this particle is to necessarily exhibit properties altogether enhanced, as consistent with the aforementioned equivalence $E_{vm}=P$ (which, as suggested, is in turn utterly wanting in the chaotic and indeterminate effects occasioned by the *Sixt Force*). We may accordingly be able to at once deduce, still in a manner qualitative in kind, and as a dialectical necessity, that, as regards the limited context of man as peculiar to the propounded *phase of Stasis* [59], *luminosity proves to be, ontologically, non-luminous at all*, this very phenomenon being sufficient solely to impress a character of actual human power, at an ontological level precisely. Thus a further equivalence between the latter and light (or luminosity) follows in consequence. Intuitively, this may well be upon the whole interpreted as the *photon* (with which a superior ontological dignity is presently associated, as least regarding its intrinsic conceptual connection, as an actual entity, to light and brightness) being thus freed from any chaotic or indeterminate interaction, and as thus blending, as a predominant element, into a perfectly ordered and most simple *outline of feature*, as a result, also, of a possible *tangible status of light* in relation to an accomplished status of *perfectly harmonic photonic mass*. This shall occur to such an ultimate level (dialectical still, as opposed to the limited character of man) *as to at length meet with the will or volition itself of his own possessor as one*, that is, in a perfect intermixture *between the intangible as addressed to an actual action, and the tangible itself as an actual body* [60] (an instance, of course, utterly impossible to take place within the present human status, owing to the countless limitations the body is to therein experience, and in the end to actually suffer). In a word, whereas for man, and for his own will more especially, the latter proves *but one with a perfect limit*, for the actual Overman it signifies a most fiery (and luminous) assertion of his own thus most freed spirit *to so an exceeding a level as to be in the end indistinguishable from his own flesh and contour of person*, causing again the Nietzschean *Will to Power* to pale into insignificance insofar as still referring to the volition of a mere superior man chained still to a status of unescapable (and *still forever recurring the same*, as to a crystallized doom within an ontic-static Eternal Return) ontological powerlessness [61]. The physical structure of the antithetical superhuman may be accordingly suggested as meeting with the following chief criteria (fig. 2):

Fig. 2. OVERMAN (Personified Power)

- Photonic;
- Foreign to the Sixth Force;
- Consistent with $E_{vm}=P$;
- Ordered (Non-chaotic) and Determinate;
- Simple;
- Pure;
- Immortal, i.e. Foreign to Decay in Relation to Time;
- Ever-returning as Identical (within the Identical Recurrence of the Dialectical Phase of Power);
- Invulnerable;
- Endowed with Intrinsic Measure (with Symmetry, Harmony and Proportions in the Frame of Body);
- Stable;
- Undisturbed;
- Physically Unified in terms of Quanta of Power [62];
- Light and Free (Non-limited) in relation to the Force of Gravity;
- Endowed with Intrinsic Radiation;
- Ontologically and Physically Potent;
- Has Body as a Non-limit.

Whereas light and luminosity, as given under the peculiar category *photon*, form the leading trait in the physical structure of the antithetical superhuman, as well as its own most fiery or else tangible exemplification as opposed to the *Shadow*, to be further examined [63], others not the least important follow somewhat in consequence, and in a perfect amalgamation. Already mentioned in the body of the text, these are upon the whole listed in no order of importance, save, possibly, the ones immediately subsequent. Touching the assumption relative to the actual Overman wearing an aspect of *inner structural simpleness*, this lies in principle referable to a realized *photonic unity* as antithetical to the complexity, and, possibly, to the relevant character of immediate horror one may at once perceive in the presence of bones and organs, as otherwise belonging to man, and as doomed accordingly to an ultimate dissolution, owing to the unforgiving action, *either immanent as internal, or transcendent as external*, second after second, hour after hour, year after year, of time or temporality over the physical entity [64]. An akin perspective may be associated with both the criteria *purity* and *incorruptibility* (the latter to be possibly looked upon in a most conclusive Aristotelian standpoint [65]). As for *immortality*, this is again chiefly owing to a necessary superhuman opposition to the present human status, and, in greater detail, to the *ontological sameness* the antithetical Overman is to exhibit *as recurring eternally identical within the Phase of Power* (the relevant *Phase of Stasis* of man otherwise entailing a return as subject to an ontic change in the terms of selective adequation to the latter [66]). As for *invulnerability* (to which disease and fatigue according to known canons can be referred), possibly the most mythical among the features herein propounded [67], this lies inextricably bound to the first four traits. Touching otherwise *symmetry* (a theme to be further fathomed), without actually venturing upon the argument that the absence of the *Sixth Force*, so dramatically experienced (for, within the present human status, a finger does not grow again if cut, nor a bone is able to withstand a sharp blow, nor there is corporeal symmetry precisely, or in other respects what we may be commonly accustomed in acknowledging as personal beauty at a general level, and of course even less in old age) is to lead, as a matter of course, to a *photonic frame as an ultimate assertion of incorruptible order*, we may nonetheless still refer to the first four criteria set forth hitherto. *Stability*, and the fact of being *undisturbed* in terms chaotic or unpredictable, are also upon the whole referable to these, whereas the actual superhuman proving *physically unified to an uttermost degree in terms of Quanta of Power* refers to the most dense and indeed energetic blending of these propounded physical-metaphysical entities into one superhuman frame as thus *most corporeally manifested* [68]. The question of *inconceivable lightness and unheard of freedom of motion* in relation to the force of gravity (which one may well assume to exist in so a surpassing superhuman character as well, inasmuch as still embodying, as it were, the Newtonian, rather than Aristotelian *first mover within a recurring universe* [69]), as otherwise found so limiting within the world of man, should be viewed as factors of the most vital significance as still referring to the first attributes. Regarding *radiation*, a theme elsewhere widely attempted at examining [70], and the relevant most superhuman photonic frame thus defined, this may again lie in principle consistent with the latter under the form of *sovrabundance of either force or energy* [71], and as still opposed to the more than merely symbolic character of man as a *Shadow* [72]. To give an instance in narrative, or otherwise mythical terms, the latter standpoint, as further focusing on the significance of reflection, may be further portrayed thus:

There has once been, at the very beginning, a lowly star alone, then growing wild a glare, and visiting, and at length pervading everything that was to be deemed Real. It was then immediately followed by a deep clashing sound, seemingly echoing from within the flashing thunder clouds, and as if from the devastating ax of *Teshub* himself. Thus the long hidden vengeance of the God from old Hattusa was at length acknowledged, as meeting with a surrounding mass of wild fire, which latter in turn condensing, with surpassing brightness and inconceivable heat, high upon the summit of a Red Rock. Hereupon it arose in tall and imposing lines of light, whose brilliancy was lost in the distance, and in the very Dark, and intertwining majestically, to form, by slow implacable degrees, while countless of empires fell, while countless of cries were heard upon countless of dying worlds, the bluish Frame of the actual OVERMAN. And lo! In place of the ancient warlike deity, He now stood! Stately in form, with his arms set akimbo, and with a dignity exceeding that of a Titan. And as a hideous storm gathered upon the spot, the whole

Sky reddening with rage towards an unworthy sublunary soil, He became wrapped up in robe of old Nineveh, the edge His black cloak falling athwart even the remotest walls of the universe, throwing herein shades over each star's own fiery spirit, in solemn contemplation of His own Return, and in no solitude (for myriads of wounded bosoms were now His mere spectators). He herein stood, I say, at the top of a novel, fiery dominion He now held as His own, His name graven within the stone, I say, a peculiar dweller within the dazzling core in the cosmic Spiral, his own incorruptible abode, thus imbued with the primal vigor of His own enraged Sun, which was, indeed, one with the resounding echo of the unfathomable *Origin*. Yet the features of his face still I could not distinguish, for they were shrouded in obscurity, although his eyes were distinctly visible, like shimmering diamonds, along with a deep fiery scar upon His cheek, from within this obscurity. And from His dazzling contour of person, in waves of incorruptible Fire imbued, which able I was to behold again engraved in countless low reliefs, within the shrines of countless new Tadmors, a *Shadow* was, by mere necessity, fashioned. It bore the name *man*. And therein it rested, quietly, at the bottom of the Rock. And as I advanced, still a dweller within a doomed land, to meet with one surface of the Rock, this latter it soared even more towards the heavens, and then to infinity, and began to gleam like an alabaster looking glass. And into the latter, imprisoned thus no longer, mine own image drew closer, to meet me with a measured, stately step, empowered, thus shrouded in a superior novel status. For now, in no reveries of fancy, the Overman stood in full view before me, as a tangible Ghost of Power, as a Very Wraith forerunning an approaching fiery existence, wearing, as I expected, a countenance of solemn decorum, yet wounded, still wounded with the signs of some grave superhuman past. And a dagger lay upon the ground, next to His own person, together with a fallen cloak. For He was now unmuffled from the mantle of the Night, and indeed from His own, ebony in color, and finely embroidered with gold. And the marked lineaments of His face, as previously hidden to the world, I discovered to be, even in the most minute details, *mine own*.

The last two traits touching *ontological truthness* and *corporeal limitlessness* are accordingly propounded as being self-evident. Upon the whole, it is worth observing that contrast or strife, as a Heraclitean universal principle, may well still inhere, alongside of course *individuality*, the latter to be possibly interpreted as *haecceitas*, or *principium individuationis* [73]. To conclude this part, although the very character of the actual Overman remains of course altogether foreign to whatsoever detailed fathoming, save by possibly employing the medium, a most indistinct one, of myth and allegory [74], as just indicated, yet, his physical person can be in principle summed up in terms of an overall definition. In reference to the aforesaid aspects, the next figure (fig. 3) to be now, in a measure, perceived in stylistic connection to Kazimir Malevich own *Suprematism*, the physical, hence ontological character of man results in being conversely defined after this fashion:

Fig. 3. MAN (Personified Powerlessness)

- Composed by Ordinary Matter;
- Related to the Sixth Force;
- Consistent with $E = mc^2$;
- Chaotic and Indeterminate;
- Complex;
- Non-pure;
- Mortal, i.e. Subject to Decay in Relation to Time;
- Ever-returning as Non-identical (Within the Ever-changing, i.e. Ontic-selective Recurrence of the Phase of Stasis);
- Vulnerable;
- Devoid of Intrinsic Measure (Foreign to Symmetry, Harmony and Proportions in the Frame of Body);
- Unstable;
- Physically Non-unified in terms of Quanta of Power [75];
- Disturbed;
- Heavy and Non-free (Limited) in relation to the Force of Gravity;
- Devoid of Intrinsic Radiation;
- Ontologically and Physically Feeble;
- Has Body as a Limit.

Owing to an antithetical necessity, two reflecting halves make accordingly themselves manifest, both physically and ontologically. The first stands as most luminous and positively assertive [76], the second lies chained to the Rock of a Promethean powerlessness, the first *embodies, as a fully accomplished body precisely* (or else in now a full agreement between verb and term) a most firm point of reference, the second signifies a mere derivative shadowy function of the latter [77]. Yet, as to the second case, the possibility of a potential adequation inheres in relation to the *Return of Power* event [78]. This is symbolically indicated by the flame triggering off from the right hand of the figure, in place of the thunderbolt as otherwise portrayed in its crossing the shade [79]. The frame of the antithetical Overman stands as *the very first reflecting half, and as an image* connecting, selectively, two words. In this frame, and referring more especially to the conception of *Potentiated Antithesis*, or of *Identity of Power*, [80] one may be able to perceive the consummation of his own fate, as well as the awaiting realization of a hitherto unequalled existential status [81].

Conclusion: Photonic Geometry as Power

In plain conceptual terms, as Greek wisdom, and Stoic in particular, perfectly understood, the universe, or else the whole physical Real, *is to close on itself*, inasmuch as proving thus self-referential, and in reference to the cosmic entity, and the entity in general, *meeting at length with the conception of oneness*. Upon this brief introductory remark, which thus firmly opposes whatsoever conception relative to an open universe, or, even more so, to a cosmos originating from a nothingness (evidently, the *Creatio ex Nihilo* of the Biblical tradition), and before entering into the details of yet another proposal, or rather conclusive hint, it is perhaps worth remembering that, as in a physical-metaphysical perspective, rather than in a merely *physical one*, the self-referential dialectic *Power-Stasis-Power* stands as a *chief attractor property for the existence of a recurring yet ever-changing multiverse* [82], the latter as accordingly culminating in the *Return of Power* event (for, otherwise, the mere *Eternal Return of the Same* would again be the case). Touching hence the relevant phase of *Power*, the actual Overman plays an essential role in accounting for the limited character of man, whereas the converse occurs not, owing to the ontological primacy found most peculiar, and indeed necessarily so, to the former [83]. In a perfect intermixture between the metaphysical, or ontological (as a dialectical process and necessity) and the physical (as a tangible physicality or phenomenality as related to the latter), in other words, as at once *a still valid Kantian a priori and a posteriori argument respectively*, this is deemed to be the case respecting matter and energy being upon the whole depotentiated as to the present phase of the universe [84], in which the relevant human status as spatiotemporally considered, and as embodying accordingly but an infinitesimal portion in both the human and the real [85], results as *altogether wanting in power as measure and photonic order*, or, conversely, *in measure and photonic order as power*. Regarding this latter aspect, and, possibly, even an extended opposition to the hypercomplex and defective structure of man, another proposal may be presently set forth, by stressing order and simplicity with reference to geometry itself, alongside the traditional Platonic and Pythagorean view of materiality as in principle a mathematical conception [86], hence in full agreement with the Greek genius, which, for the very first time since the publication of Euclid's own *Elements*, unveiled it as a distinct field of investigation [87]. Now, as is known, although nowadays the complexity of the mathematical structures relative to the elementary particles of matter exceeds in general the traditional Greek (and Platonic more especially [88]) geometric criteria, yet that complexity still share with the latter fundamental traits. According hence to the Hellenic most rational, and indeed luminous turn of mind, these criteria are deemed to be simple, not in great plenty, undetectable and indestructible, in this manner composing the ultimate elements of the sensible world by interacting within it, and in relation to a scale dimension foreign to whatsoever complexity [89]. Before advancing thus the argument touching an actual superhuman frame in a realized commonality set between an exceeding photonic status of the latter, and the perfection of geometric forms [90], it is worth observing that the massless live of photons, as to the current status of the universe, borders *de facto* on eternity, being about one billion billion years (10^{18}) [91]. Yet if this bewildering estimate is to

be otherwise viewed in terms of *limitless antithetical superiority*, that is, respecting the propounded cosmic phase of power [92], it in the end fades into a mere nothingness. Following still a millennial tradition as to the proportions of forms [93], an actual superhuman body would thus be the result as related to photons in an unparalleled status, and arranged in an ultimate, perfectly realized geometrical pattern, the process to be interpreted as occurring from the tangible (the physical), to the intangible, (the geometrical), to again the tangible as a photonic mass altogether inconsistent with chaos and indeterminacy respecting the *sixth force* medium, and the relevant equivalence $E=mc^2$ to which it is inextricably bound. In other words, the realness of the intangible as geometry, together with its *purest ideality* (for, in fact, the latter resides firmly within the former), would accordingly meet with the tangible to which it is referred as light, brightness and the physical in general according to a perfectly realized equilibrium. Owing thus to this supreme status (that is, still antithetical to physicality as presently accustomed in so dramatically experiencing), light itself as *de facto* one with a human frame of body would reach its own ultimate stage by perfectly assimilating to geometrical forms, with every line pervaded by an incorruptible flow, as it were, of primal energy resulting in a ramification within a receptacle whose blood would be filled, and indeed lighted, by the force of more than one billion billion thunderbolts, or, even, of an infinite amount of so called gamma ray bursts, the brightest energetic explosions found within the universe [94]. And these geometrical forms would still be perfectly meeting with *the Platonic principle touching eternity in an existence beyond both birth and death as in fact proving one and the same* [95]. The suggestion at issue may be intuitively portrayed thus (fig. 4):

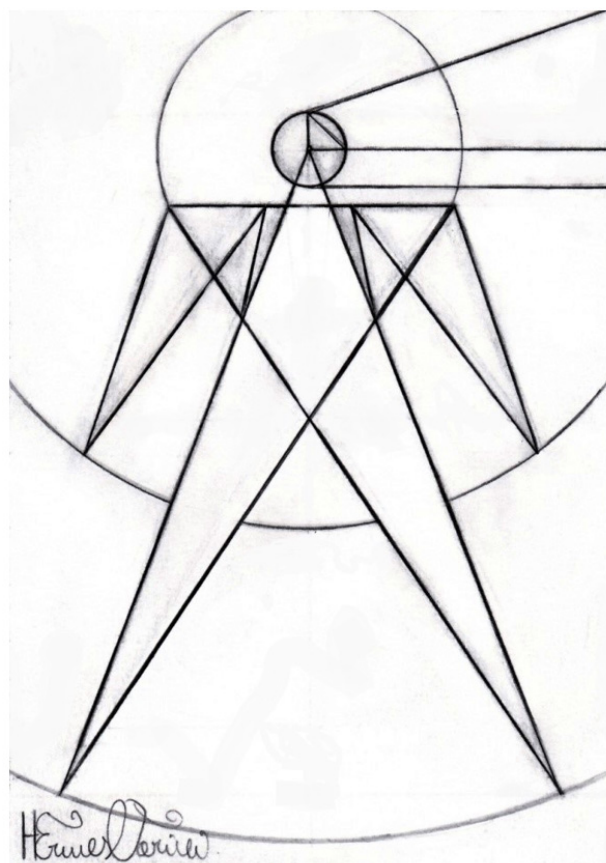

Fig. 4. Geometric shapes corresponding to the Platonic principle

Alongside this aforesaid trait respecting the antithetical superhuman, intended in the terms of ἀθάνατον γὰρ καὶ ἀνώλεθρον [96], yet another may well be advanced, and referring still to the Platonic-Pythagorean tradition. That is, a perfectly structured geometric photonic frame of body, whose existence, or otherwise actual presence signifies evidently *more than an antithetical certainty in being one with a well-defined role and position afforded by an infinite spatiotemporal setting* [97], may be further associated, by way of completion, with the five regular polyhedra known in antiquity [98]. Even though looked upon in a different light and sequence, this association we find to be already an instance within the history of science, as exemplified in the first cosmological account given by Kepler respecting the distances of the planets from the sun [99]. Hereupon, without any symbolic implication whatsoever, a similar standpoint is presently maintained in regard to photonic geometry as power meeting at length with the significance of the *dodecaedron*, which latter embodying the geometric shape most akin to the sphere, and on this account lying traditionally associated, as is known, with the cosmic element *Aether*. This is deemed to be further transcended in its comprising the tetrahedron, the octahedron, the icosaedron and the cube, as in turn related to the elements fire, air, water and earth respectively [100]. In a vague reminiscence of the *Vitruvian Man* (as nonetheless exceeding the latter in a most vigorous superhuman perspective), the idea at issue may be visually conveyed after this fashion (fig. 5):

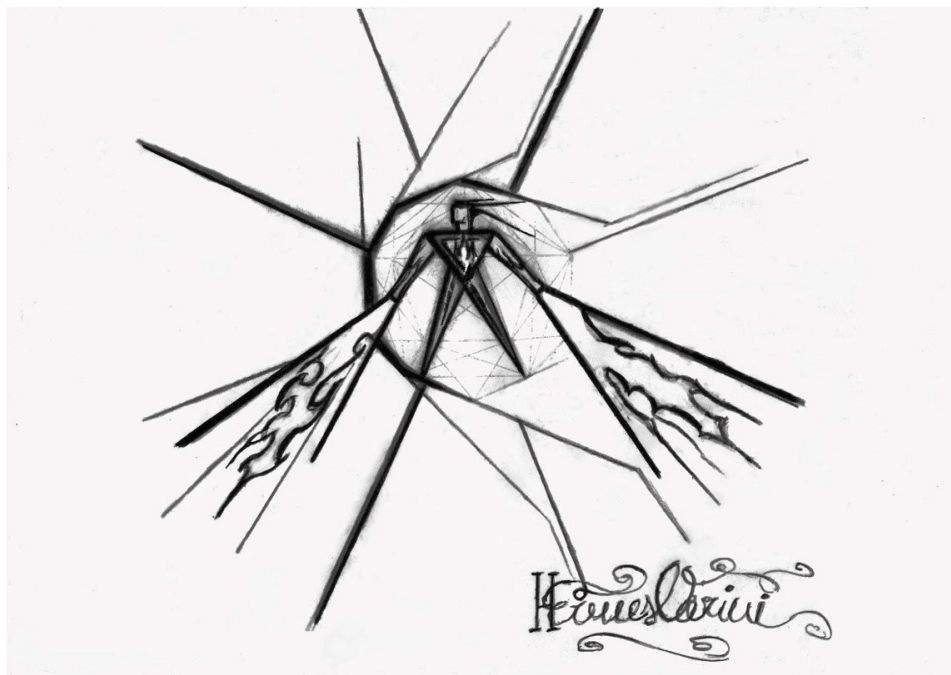

Fig. 5. Perfectly structured geometric photonic frame of body

Still meeting with a basic, as well as perfectly amalgamated photonic-geometrical energy, the dodecahedron in question would be now subject to an alteration occasioned by its own fiery centre, as indicated in the chest of the human figure. It would then extend so as to at length cover the whole nonverbal proposal at issue, by its further assuming the following hexagonal structure (fig. 6):

Fig. 6. Dodecahedron shape

It is now suggested that the deep meaning in the *dodecaedron*, as at once embodying a most comprehensive cosmic figure and element, is to be transcended by the one to be found in the *hexagon* itself. This would occur, semiotically, through the medium of an intrinsic dazzling revolution, the actual Overman still an invisible dweller within it, and *in a manner exceeding what we may possibly acknowledge as the human itself*, and as accordingly shown in the want of any visual representation respecting the latter. Yet, in relation to the diamond-like shape so peculiar to the *rhombus*, and to its relevant, almost mystical immediate pureness, a further conceptual overcoming may be now propounded. Its area with side and radius still quantitatively defined by the value $A=L \times 2r$, this shape would thus be intended to prevail over that of the dodecahedron itself, in its further assuming its own ultimate configuration by reference to *a dark background as an ideal setting for a most dazzling photonic power*. Its general outline is given here (fig. 7):

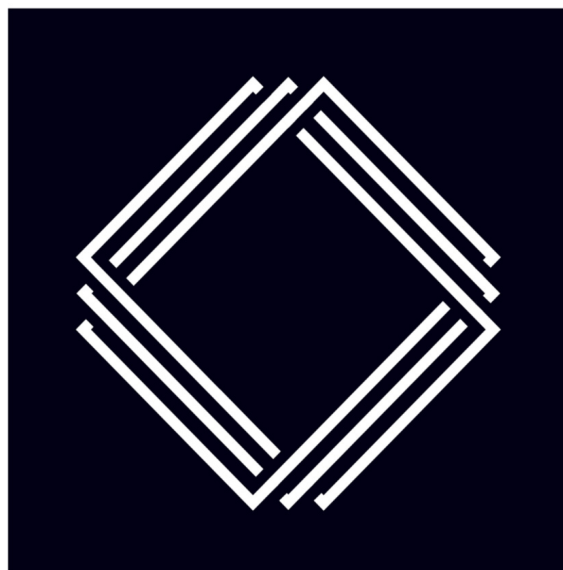

Fig. 7. Rhombus shape

Hereupon, after a conceptual refinement (fig. 8):

Fig. 8. Rhombus shape after a conceptual refinement

In an attempt at establishing, still, a *suitable correlation between thought and image*, and by reference to an ultimate capability of power and intrinsic energy transcending, even, the rigid categorization imposed by the ideality so peculiar to the geometric forms, the image touching the actual Overman as inscribed in the dodecahedron may be further seen as self-exceeded thus (fig. 9):

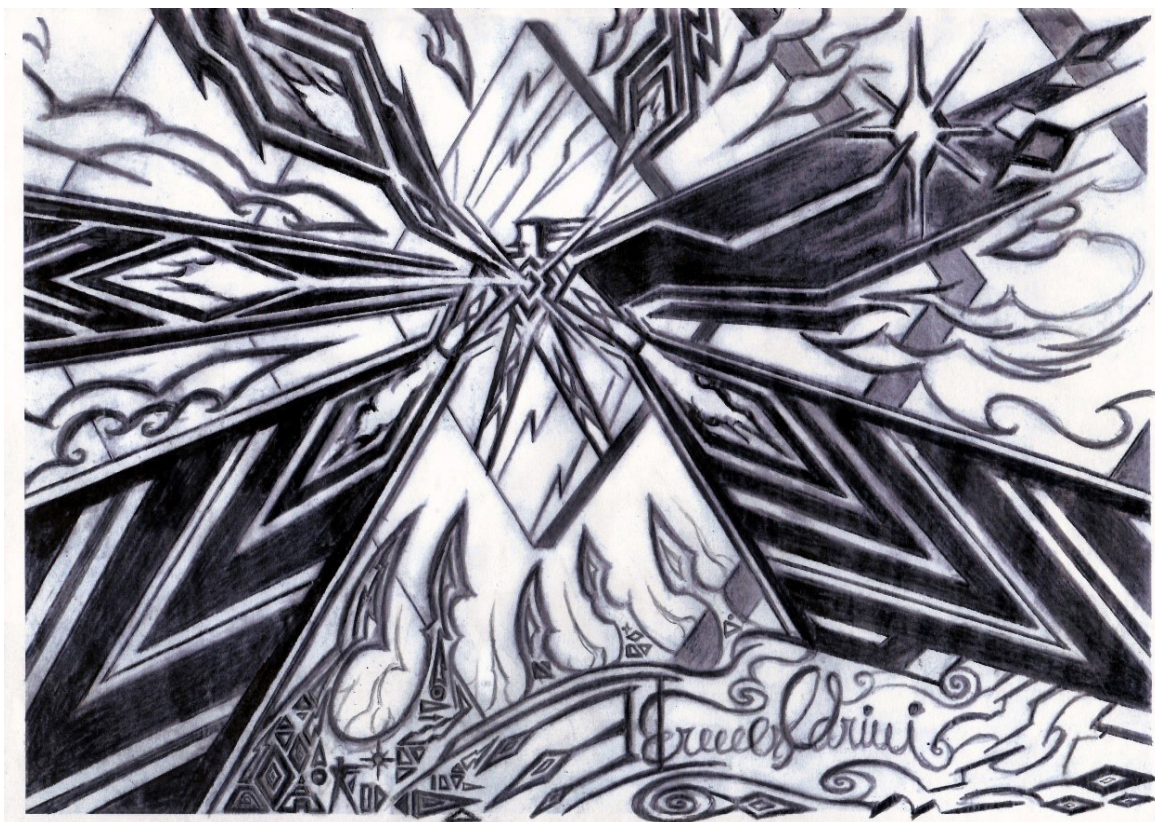

Fig. 9. Overman as inscribed in the Rhombus

With a view to throw further credit upon the suggestion at issue, and owing to its comprising several layers of meaning, this last figure may well be considered in a more detailed analysis. The beholder shall accordingly at once notice the heroic person of the antithetical Overman depicted at its centre. A *rhombus* lies firmly nestled, like a most precious gem, in the very bosom of the latter, then extending, in its assuming the contour of a circumscribing mirror-like surface, into akin geometrical projections. These can be also perceived under the form of beams triggering off from the fiery substance in his own fists, as well as in the lone star upon his cloak, which star still signifying a well-defined geometrical meaning. Some characters appear in the lower portion of the figure, intended as embodying, to some extent, the pre-alphabetic and hieratic significance found in the cuneiform script, or, even more conclusively, in the Egyptian hieroglyphs [101]. Although they are meant to convey a precise content, yet, as for the latter, I leave the beholder to his own deduction, or even possibly fancy. As a conclusion, and indeed again no mere dogma, I shall attempt at further deviating from the common usage as to matters of like character, by further directing the attention of the reader towards the following literary hint, as in fact focusing on the ultimate encounter between two [102]:

Gleaming Swords

My frame covered in full Light,
From the very summit
Of the long-forgotten Rock,
Shimmering now like Emerald
Within the Night Storm,
I awaited Him no longer,
As He came, He came at length,
Flashingly and nobly,
From out an enflamed Mirror,
A Halo of Rage and Hell,
Amid obscure yielding clouds,
And presently stood
Before mine own astounded eyes,
Like a grim Spectre,
Tall and stately,
With Steel drawn and gleaming.

Thus we crossed our Claymores,
In the substance of the Mirror
Forged,
Down, down within the fiery Folkvangr,
The everlasting Thunder,
In robe of old Thule,
Echoing still
Afar, from the Caledonian Highlands,
Its warlike sound,
While Kronos unforgiving
Ruled no longer,
I say no longer,

O'er this furious spot,
Nor He dwelleth a Sovereign
Deep within the doom
Of the sublunary Entity
He cowardly, hiddenly sealed,
Decapitated as He lay
By our own enraged blades,
One with arteries of Fire,
Now tumultuously abiding
Like Titanium within the Sky.

Thus in a perfectly realized
Eidolon and Symmetry,
Of two blending weapons,
Merging, I say, into the Very One,
Our duel went on
By sheer strength,
Rageful and Supreme,
With a Force echoing still
The nonhuman whisper of the wind,
Into an everlasting primal Roar,
O'er no ghoul-haunted Moor
(For Thought and Matter,
They were separated, no more!),
Within an all-fervid Core of Cores
Of a brilliance hitherto unseen
In no earthly Lore,
And beating, beating incessantly
Like a heart invulnerable,
And bleeding, I say no more,
With mortal battle scars
Thou may call human gore,
While now the old Dragon,
The demon and the genius of the scene,
Burst, silently, by his own fiery veins.

And let me then lastly,
Distinctly, I say vividly now remember,
O'er my black Tartan of War,
Which deep into the Mirror again
Appeared,
And was Mine and His awn! [103]
Far ayont the Lang Hame
Furiously, blisteringly hovering,
The word Rage was embroidered,
Finely, finely, stick-an-stowe,
In the colour of gowd!

REFERENCES

1. **H. Varini**, *The Great Adversary*, Lit Verlag, 2007. Time as a very first adversity has been narratively suggested, under the form of an unparalleled opponent, and as a dual self, or *Doppelgänger*, in my novel *The Great Adversary*.
2. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Glossary. Text revised.
3. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
4. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. Else the entity, hence the human, would return the same, with no selective event in this manner entailed, hence with no transition to a well-defined superior ontic phase to possibly occur. This we find is the case in the classical, as well as ontically crystallized or static conception of *Eternal Return*.
5. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Cosmic Evolution in a Cyclic Universe*, Physical Review D, Volume 65, 2001.
6. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Cosmic Evolution in a Cyclic Universe*, Physical Review D, Volume 65, 2001. Glossary.
6. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
7. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. As is known, the anthropic principle maintains that the initial conditions defining the ensuing properties of the cosmos must be in accord with the presence of intelligent life.
8. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one. In this regard, it is worth observing that whereas the category god entails that of power in order to be such, the reverse proves to be evidently not the case.
9. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. This may well be perceived as Nietzsche's own great equivocation respecting the actual character of the superhuman. For the essence of the latter, and of *power itself*, as opposed to impotence, must be dialectical in nature, respecting a most vividly Hegelian or Heraclitean *forma mentis*.
10. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
11. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. Whereas the existence of the actual Overman proves to be by all means plausible as to the limitless vastness of the physical Real in itself, it lies consistent with the cyclic model in relation to the self-referentiality peculiar to the latter, and, more especially, to the relevant *Return of Power* event.
11. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Chapter seven.
12. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. The reference is to the cosmic phenomenology within the dialectic *Power-Stasis-Power*.
13. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter seven.
13. **H. Varini**, *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24.
14. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. As to this point, the appearance of an alien civilization as millions of years more advanced technologically, *inasmuch as still intrinsically embodying human powerlessness* as to the present status of the universe, would be a mere nothing in comparison. For this status no technology, that is, *no whatsoever alteration to the physical*, is in condition to in principle overcome, on account of its proving

precisely *intrinsic and ineradicable, both ontologically and existentially*. By contrast, the actual Overman lives, or rather exists already in an antithetical situation of inherent human power.

15. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. See previous point, 5, 6 and 8.

16. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. This standpoint is notably Aristotelian, and to be viewed as *de facto* unaltered over time since the advent of Presocratic thought, and its conception of Nature (φύσις) and Philosophy (λόγος) as one.

17. **W. Heisenberg**, *Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik*, Zeitschrift für Physik, 43, Issue 3–4, p. 172-198, 1927. It should be remembered that this lies consistent *solely* with the phase of *Stasis* within the dialectic Power-Stasis-Power as thus signifying a merely median stage of both the universe and the human, and, more specifically, with Heisenberg's own *uncertainty principle*.

18. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Page 259.

19. *Early Greek Philosophy*, Penguin Classics, 1987, Part III. An analogy may be advanced with the equally alternating Empedoclean cosmic phases of Love and Strife.

20. *Early Greek Philosophy*, Penguin Classics, 1987, Part III. This has been suggested in terms of Quanta of Power defining, as imperceptible physical-metaphysical values, the level of actual ontological power to be found in each circumstance, nature or situation.

20. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter three.

20. **H. Varini**, *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.

21. **E. Nagel**, *The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation*, Routledge, 1961.

22. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Glossary.

22. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.

23. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one.

24. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one.

25. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Chapter four.

26. **I. Kant**, *Critique of Pure Reason*, Penguin Classics, 2007.

27. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007, page 74. Gravity signifies a particular case, for it can be looked upon according to alternative interpretations, specifically, inasmuch as proving to either curve or warp the spacetime.

28. **M. Jammer**, *Concepts of Mass in Contemporary Physics and Philosophy*, Princeton University Press, 2000.

29. **E. Husserl**, *Logical Investigations*, Routledge, 2001. The reference is to the givenness of natural events in a Husserlian perspective, as well to the methodical approach peculiar to phenomenology in general.

30. **E. Husserl**, *Logical Investigations*, Routledge, 2001.

31. **E. Nagel**, *The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation*, Routledge, 1961.

32. **A. Einstein**, *The Principle of Relativity: a Collection of Original Memoirs on the Special and General Theory of Relativity*, Dover Publications, 1952.

33. **E. Maor**, *To Infinity and Beyond: A Cultural History of the Infinite*, Princeton University Press, 1991. Part II, 8.h. The reference is, of course, to the astonishment and perplexity occasioned by the discovery of irrational numbers within the Pythagorean tradition.

34. **W. Heisenberg**, *Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik*, Zeitschrift für Physik, 43, Issue 3–4, p. 172-198, 1927.

35. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007, page 75.
36. **A. Savile**, *Leibniz and the Monadology*, Routledge, 2000. Chapter four. An analogy may well be suggested with the *monads* in Leibniz's own metaphysics.
37. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
38. **Plato**, *Timaeus and Critias*, Routledge, 2012, 53a.
39. **G. Deleuze, F. Guattari**, *What Is Philosophy*, Columbia University Press, 1994. The categorization and method of Science is peculiarly different from the ones to be otherwise found in Philosophy and Art.
40. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter two.
41. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one.
42. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. As is known, both Teshub and Thor powerfully embody, within one warlike Indo-European tradition, whose pre-literate origin can be traced back to the fifth and fourth millennium B.C. in the steppes of southern Russia, between the Black and Caspian Sea approximately, the Hittite and Germanic deities associated with the presence of the lightning.
43. **H. Varini**, *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24. Of this so widely found, and rather obscure trait of the present human status, the ancient civilizations, notably the Greeks, the Assyrians before them, and later the Romans, were all aware in their representing gods and persons of substance by means of ideal forms.
44. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Glossary. I refer to the conception of Higgs field, as thus permeating the whole cosmos.
45. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one. In the main, the term qualitative is employed as possibly referring to a pre-Galilean, or otherwise Aristotelian turn of mind, and to its *still intact ontological significance as to the in the end impenetrable givenness of natural phenomena*. See note 24.
46. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter ten and eleven, glossary.
47. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter ten.
48. **F. Nietzsche**, *Thus Spoke Zarathustra*, Penguin, 1961, *The Vision and the Enigma*.
49. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter nine.
50. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter three.
51. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter four. The question of infinity in the Aristotelian terms of *potential infinite* has been set forth in relation to the view of a cosmos proving at once self-potentiating and self-recurring.
52. **H. Varini**, *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.
53. **E. Nagel**, *The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation*, Routledge, 1961.
54. **W. Heisenberg**, *Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik*, Zeitschrift für Physik, 43, Issue 3-4, p. 172-198, 1927.
55. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. I accordingly chose to extend the term *human* to whatsoever rational being endowed with self-consciousness to possibly exist, alongside man, within the present status of the physical Real.
56. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. This again further accounts for the necessary presence of an utterly exceeding human (i.e. superhuman) state of affairs.
57. **H. Varini**, *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24.

58. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one.
59. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
60. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter eleven.
61. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter six.
62. **H. Varini**, *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.
63. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter nine, glossary. Touching a process involving a well-defined ontological derivation, the *Shadow* lies associated with the present limited human status as cast from (and opposed to) what has been propounded in the terms of an actual *Body*, that is, the person of the antithetical Overman as standing before the very presence of Being (as Power), the latter as proving the peculiar, invigorating and specular *Source* of the former.
64. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter two.
65. **Aristotle**, *On the Heavens*, I, xii, Part I.
66. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter ten.
67. **Homer**, *Odyssey*, Book XI. As is known, this has been exemplarily, almost still sacredly perceived by Homer's immortal genius as to the semi-invulnerability of Achilles, who, in Hades, solemnly tells Odysseus: μή δὴ μοι θάνατόν γε παραύδα, φαίδιμ' Ὀδυσσεῦ. βουλοίμην κ' ἐπαρούρος ἐὼν θητευέμεν ἄλλω, ἀνδρὶ παρ' ἀκλήρω, ᾧ μὴ βίωτος πολὺς εἴη, ἢ πᾶσιν νεκύεσσι καταφθιμένοισιν ἀνάσσειν. Say not a word, glorious Odysseus, in my death's favour. I would rather be a paid servant in a poor man's house and be above ground than king of kings among the dead. English text by The Internet Classics Archive.
68. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter three, glossary.
69. **P.J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007.
70. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter eleven.
71. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter eleven.
72. **W. Heisenberg**, *Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik*, Zeitschrift für Physik, 43, Issue 3–4, p. 172-198, 1927.
73. **T. Bates**, *Duns Scotus and the Problem of Universals*, Continuum, 2010. Chapter four. This conception is to be found in Duns Scotus's thought.
74. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
75. **H. Varini**, *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.
76. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
77. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
78. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
79. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter eleven.
80. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter four and ten, glossary.

81. **H. Varini**, *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
82. **J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Chapter seven.
83. **J. Steinhardt, N. Turok**, *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Chapter nine.
84. **H. Varini**, *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24.
85. **H. Varini**, *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24.
86. **W. Heisenberg**, *Platons Vorstellungen von der kleinsten Bausteinen der Materie und die Elementarteilchen der modernen Physik*, Im umkreis der Kunst: eine Festschrift für Emil Preetorius, Wiesbaden, 1953, page 137-140.
87. **O. Neugebauer**, *The Exact Sciences in Antiquity*, Dover Publications, 1969. As is known, both the Babylonians and the Egyptians, these latter more especially, employed geometry for their practical purposes well before the Greeks did. Yet their developments were essentially kept shrouded in an impenetrable mystical mystery, and never accordingly defined nor even looked upon in a lucidly rational and methodical (i.e. Greek, precisely) turn of mind.
88. **Plato**, *Timaeus and Critias*, Routledge, 2012.
89. **L. Brisson, F.W. Meyerstein**, *Inventing the Universe: Plato's Timaeus, the Big Bang, and the Problem of Scientific Knowledge*, SUNY Press, 1995. Page 42-43.
90. **Benedict de Spinoza**, *Ethics*, Penguin, 1996. This may be further regarded as referring, as a method, to the significance of geometry in Spinoza's own Ethics.
91. **J. Heeck**, *How stable is the photon?* Phys. Rev. Lett. 111, 2013.
92. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
93. **H. Varini**, *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.
94. **G. Vedrenne, J.L. Atteia**, *Gamma-Ray Bursts: The Brightest Explosions in the Universe*, Springer, 2009.
95. **Plato**, *The Republic*, Penguin Classics, 2007. VII, 527 b.
96. **Aristotle**, *Physics*, Book III. "Immortal and indestructible", as referred to the Apeiron of Anaximander.
97. **H. Varini**, *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
98. **Plato**, *Timaeus*, 54e-55c.
99. **J. Kepler**, *Mysterium Cosmographicum: The Secret of the Universe*, Abaris Books, 1981.
100. **Plato**, *Timaeus*, 54e-55c.
101. **H. Varini**, *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24. This is meant to be an indication of the stark connection of the theme at issue with Polytheism, as originated from the Bronze Age civilizations.
102. **H. Varini**, *The Great Adversary*, Lit Verlag, 2007. The reference is to the denouement to be found in my historical novel.
103. **Varini H.** *The Great Adversary*, Lit Verlag, 2007. It is suggested that reflection and reality prove to be effectively one, in their thus embodying a single supreme power, a view again narratively set forth, as a denouement, in my novel. Herein the protagonist (the incarnation of Energy) and his own inseparable opponent (the incarnation of Time, the enemy Alter Ego, the Great Adversary himself), meet at length at the top of the world, upon the summit of a remote peak in Southern Norway, in the winter of the year A.D. 937, the former having before faced seven phases of initiation in his ascending the Rock, and herein, amid implacable howling winds, confront themselves in an eternal holmgang duel, thus constituting, both superhumanly and cosmologically, *one primal dazzling oneness* wherefrom everything else (i.e. the physical entity), and in a Neoplatonic perspective, continually originates. See also point 14 as listed in the first chapter.

Received 14.01.2020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Varini H.** *The Great Adversary*, Lit Verlag, 2007. Time as a very first adversity has been narratively suggested, under the form of an unparalleled opponent, and as a dual self, or *Doppelgänger*, in my novel *The Great Adversary*.

2. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Glossary. Text revised.

3. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.

4. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. Else the entity, hence the human, would return the same, with no selective event in this manner entailed, hence with no transition to a well-defined superior ontic phase to possibly occur. This we find is the case in the classical, as well as ontically crystallized or static conception of *Eternal Return*.

5. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Cosmic Evolution in a Cyclic Universe*, Physical Review D, Volume 65, 2001.

6. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Cosmic Evolution in a Cyclic Universe*, Physical Review D, Volume 65, 2001. Glossary.

6. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.

7. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. As is known, the anthropic principle maintains that the initial conditions defining the ensuing properties of the cosmos must be in accord with the presence of intelligent life.

8. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one. In this regard, it is worth observing that whereas the category *god* entails that of *power* in order to be such, the reverse proves to be evidently not the case.

9. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. This may well be perceived as Nietzsche's own great equivocation respecting the actual character of the superhuman. For the essence of the latter, and of *power itself*, as opposed to impotence, must be dialectical in nature, respecting a most vividly Hegelian or Heraclitean *forma mentis*.

10. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.

11. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. Whereas the existence of the actual Overman proves to be by all means plausible as to the limitless vastness of the physical Real in itself, it lies consistent with the cyclic model in relation to the self-referentiality peculiar to the latter, and, more especially, to the relevant *Return of Power* event.

11. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Chapter seven.

12. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. The reference is to the cosmic phenomenology within the dialectic Power-Stasis-Power.

13. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter seven.

13. **Varini H.** *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24.

14. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. As to this point, the appearance of an alien civilization as millions of years more advanced technologically, *inasmuch as still intrinsically embodying human powerlessness* as to the present status of the universe, would be a mere nothing in comparison. For this status no technology, that is, *no whatsoever alteration to the physical*, is in condition to in principle overcome, on account of its proving precisely *intrinsic and ineradicable, both ontologically and existentially*. By contrast, the actual Overman lives, or rather exists already in an antithetical situation of inherent human power.

15. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. See previous point, 5, 6 and 8.

16. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. This standpoint is notably Aristotelian, and to be viewed as de facto unaltered over time since the advent of Presocratic thought, and its conception of Nature (φύσις) and Philosophy (λόγος) as one.

17. **Heisenberg W.** *Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik*, Zeitschrift für Physik, 43, Issue 3–4, p. 172-198, 1927. It should be remembered that this lies consistent solely with the phase of *Stasis* within the dialectic Power–Stasis–Power as thus signifying a merely median stage of both the universe and the human, and, more specifically, with Heisenberg's own *uncertainty principle*.

18. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Endless Universe–Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Page 259.

19. **Early Greek Philosophy**, Penguin Classics, 1987, Part III. An analogy may be advanced with the equally alternating Empedoclean cosmic phases of Love and Strife.

20. **Early Greek Philosophy**, Penguin Classics, 1987, Part III. This has been suggested in terms of *Quanta of Power* defining, as imperceptible physical-metaphysical values, the level of actual ontological power to be found in each circumstance, nature or situation.

20. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter three.

20. **Varini H.** *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.

21. **Nagel E.** *The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation*, Routledge, 1961.

22. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Glossary.

22. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.

23. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one.

24. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one.

25. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Endless Universe–Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Chapter four.

26. **Kant I.** *Critique of Pure Reason*, Penguin Classics, 2007.

27. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Endless Universe–Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007, page 74. Gravity signifies a particular case, for it can be looked upon according to alternative interpretations, specifically, inasmuch as proving to either curve or warp the spacetime.

28. **Jammer M.** *Concepts of Mass in Contemporary Physics and Philosophy*, Princeton University Press, 2000.

29. **Husserl E.** *Logical Investigations*, Routledge, 2001. The reference is to the givenness of natural events in a Husserlian perspective, as well to the methodical approach peculiar to phenomenology in general.

30. **Husserl E.** *Logical Investigations*, Routledge, 2001.

31. **Nagel E.** *The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation*, Routledge, 1961.

32. **Einstein A.** *The Principle of Relativity: a Collection of Original Memoirs on the Special and General Theory of Relativity*, Dover Publications, 1952.

33. **Maor E.** *To Infinity and Beyond: A Cultural History of the Infinite*, Princeton University Press, 1991. Part II, 8.h. The reference is, of course, to the astonishment and perplexity occasioned by the discovery of irrational numbers within the Pythagorean tradition.

34. **Heisenberg W.** *Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik*, Zeitschrift für Physik, 43, Issue 3–4, p. 172-198, 1927.

35. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Endless Universe–Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007, page 75.

36. **Savile A.** *Leibniz and the Monadology*, Routledge, 2000. Chapter four. An analogy may well be suggested with the *monads* in Leibniz's own metaphysics.

37. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.

38. **Plato**, *Timaeus and Critias*, Routledge, 2012, 53a.

39. **Deleuze G., Guattari F.** *What Is Philosophy*, Columbia University Press, 1994. The categorization and method of Science is peculiarly different from the ones to be otherwise found in Philosophy and Art.
40. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter two.
41. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one.
42. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. As is known, both Teshub and Thor powerfully embody, within one warlike Indo-European tradition, whose pre-literate origin can be traced back to the fifth and fourth millennium B.C. in the steppes of southern Russia, between the Black and Caspian Sea approximately, the Hittite and Germanic deities associated with the presence of the lightning.
43. **Varini H.** *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24. Of this so widely found, and rather obscure trait of the present human status, the ancient civilizations, notably the Greeks, the Assyrians before them, and later the Romans, were all aware in their representing gods and persons of substance by means of ideal forms.
44. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Glossary. I refer to the conception of *Higgs field*, as thus permeating the whole cosmos.
45. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one. In the main, the term *qualitative* is employed as possibly referring to a pre-Galilean, or otherwise Aristotelian turn of mind, and to its *still intact ontological significance as to the in the end impenetrable givenness of natural phenomena*. See note 24.
46. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter ten and eleven, glossary.
47. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter ten.
48. **Nietzsche F.** *Thus Spoke Zarathustra*, Penguin, 1961, *The Vision and the Enigma*.
49. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter nine.
50. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter three.
51. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter four. The question of infinity in the Aristotelian terms of *potential infinite* has been set forth in relation to the view of a cosmos proving at once self-potentiating and self-recurring.
52. **Varini H.** *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.
53. **Nagel E.** *The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation*, Routledge, 1961.
54. **Heisenberg W.** *Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik*, Zeitschrift für Physik, 43, Issue 3–4, p. 172-198, 1927.
55. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. I accordingly chose to extend the term human to whatsoever rational being endowed with self-consciousness to possibly exist, alongside man, within the present status of the physical Real.
56. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. This again further accounts for the necessary presence of an utterly exceeding human (i.e. superhuman) state of affairs.
57. **Varini H.** *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24.
58. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter one.
59. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
60. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter eleven.

61. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter six.
62. **Varini H.** *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.
63. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter nine, glossary. Touching a process involving a well-defined ontological derivation, the *Shadow* lies associated with the present limited human status as cast from (and opposed to) what has been propounded in the terms of an actual *Body*, that is, the person of the antithetical Overman as standing before the very presence of Being (as Power), the latter as proving the peculiar, invigorating and specular *Source* of the former.
64. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter two.
65. **Aristotle**, *On the Heavens*, I, xii, Part I.
66. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter ten.
67. **Homer**, *Odyssey*, Book XI. As is known, this has been exemplarily, almost still sacredly perceived by Homer's immortal genius as to the semi-invulnerability of Achilles, who, in Hades, solemnly tells Odysseus: μη δὴ μοι θάνατόν γε παραύδα, φαιδίμ' Ὀδυσσεῦ. βουλοίμην κ' ἐπάρουρος ἐὼν θητευέμεν ἄλλω, ἀνδρὶ παρ' ἀκλήρω, ᾧ μὴ βίωτος πολὺς εἶη, ἢ πᾶσιν νεκύεσσι καταφθιμένοισιν ἀνάσσειν. Say not a word, glorious Odysseus, in my death's favour. I would rather be a paid servant in a poor man's house and be above ground than king of kings among the dead. English text by The Internet Classics Archive.
68. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter three, glossary.
69. **Steinhardt P.J., Turok N.** *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007.
70. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter eleven.
71. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter eleven.
72. **Heisenberg W.** *Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik*, Zeitschrift für Physik, 43, Issue 3–4, p. 172-198, 1927.
73. **Bates T.** *Duns Scotus and the Problem of Universals*, Continuum, 2010. Chapter four. This conception is to be found in Duns Scotus's thought.
74. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
75. **Varini H.** *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.
76. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
77. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
78. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
79. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter eleven.
80. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015. Chapter four and ten, glossary.
81. **Varini H.** *Condition of Power: Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*, Amazon Kindle Direct Publishing, 2015.
82. **Steinhardt J., Turok N.** *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Chapter seven.
83. **Steinhardt J., Turok N.** *Endless Universe-Beyond the Big Bang*, Phoenix, 2007. Chapter nine.
84. **Varini H.** *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24.

85. **Varini H.** *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24.
86. **Heisenberg W.** *Platons Vorstellungen von der kleinsten Bausteinen der Materie und die Elementarteilchen der modernen Physik*, Im umkreis der Kunst: eine Festschrift für Emil Preetorius, Wiesbaden, 1953, page 137-140.
87. **Neugebauer O.** *The Exact Sciences in Antiquity*, Dover Publications, 1969. As is known, both the Babylonians and the Egyptians, these latter more especially, employed geometry for their practical purposes well before the Greeks did. Yet their developments were essentially kept shrouded in an impenetrable mystical mystery, and never accordingly defined nor even looked upon in a lucidly rational and methodical (i.e. Greek, precisely) turn of mind.
88. **Plato**, *Timaeus and Critias*, Routledge, 2012.
89. **Brisson L., Meyerstein F.W.** *Inventing the Universe: Plato's Timaeus, the Big Bang, and the Problem of Scientific Knowledge*, SUNY Press, 1995. Page 42-43.
90. **Benedict de Spinoza**, *Ethics*, Penguin, 1996. This may be further regarded as referring, as a method, to the significance of geometry in Spinoza's own *Ethics*.
91. **Heeck J.** *How stable is the photon?* Phys. Rev. Lett. 111, 2013.
92. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
93. **Varini H.** *Quantum of Power and Superhuman Body*, Collected Papers of the XI International Scientific and Theoretical Conference: Communication Strategies of Information Society, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2019.
94. **Vedrenne G., Atteia J.L.** *Gamma-Ray Bursts: The Brightest Explosions in the Universe*, Springer, 2009.
95. **Plato**, *The Republic*, Penguin Classics, 2007. VII, 527 b.
96. **Aristotle**, *Physics*, Book III. "Immortal and indestructible", as referred to the Apeiron of Anaximander.
97. **Varini H.** *Return of Power: Theory of a Cosmic Bridge to the Dialectical Overhuman*, Collected Papers of the 6th Philosophy and Culture of the Information Society International Conference, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018.
98. **Plato**, *Timaeus*, 54e-55c.
99. **Kepler J.** *Mysterium Cosmographicum: The Secret of the Universe*, Abaris Books, 1981.
100. **Plato**, *Timaeus*, 54e-55c.
101. **Varini H.** *Beyond Nietzsche: The Dialectical Overhuman and its Evidence in the Myth*, Philosophy and Humanities in Information Society, 2 (2018) 12-24. This is meant to be an indication of the stark connection of the theme at issue with Polytheism, as originated from the Bronze Age civilizations.
102. **Varini H.** *The Great Adversary*, Lit Verlag, 2007. The reference is to the denouement to be found in my historical novel.
103. **Varini H.** *The Great Adversary*, Lit Verlag, 2007. It is suggested that reflection and reality prove to be effectively one, in their thus embodying a single supreme power, a view again narratively set forth, as a denouement, in my novel. Herein the protagonist (the incarnation of Energy) and his own inseparable opponent (the incarnation of Time, the enemy Alter Ego, the Great Adversary himself), meet at length at the top of the world, upon the summit of a remote peak in Southern Norway, in the winter of the year A.D. 937, the former having before faced seven phases of initiation in his ascending the Rock, and herein, amid implacable howling winds, confront themselves in an eternal holmgang duel, thus constituting, both superhumanly and cosmologically, *one primal dazzling oneness* wherefrom everything else (i.e. the physical entity), and in a Neoplatonic perspective, continually originates. See also point 14 as listed in the first chapter.

Статья поступила в редакцию 14.01.2020 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Varini Hermes

Philosopher, writer, lecturer and artist. He graduated in Philosophy at the University of Verona, Italy, with a thesis on Medieval Metaphysics and Cosmology, and attended courses at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, France, and at the Santa Clara University in the United States. An expert of Ancient Greek and Latin, he authored two philosophical essays, *Fire Within the Universe-A Philosophy of Energy* (2002) and *Condition of Power-Ontology and Anthropology beyond Nietzsche* (2015), and a historical novel covering the theme of

the Doppelgänger or double, *The Great Adversary* (2007), together with several articles on the antithetical Overman, his own creation and discovery. He lectured on his works in European and Russian Universities.

Гермес Варини

Философ, писатель, лектор и художник. Получил высшее образование в области философии в Университете Вероны, Италия, защитил диссертацию по средневековой метафизике и космологии и посещал курсы в Парижском университете 1 Пантеон-Сорбонна, Франция, и в Университете Санта-Клара в Соединенных Штатах. Эксперт по древнегреческому и латинскому языкам, он написал два философских очерка «*Fire Within the Universe-A Philosophy of Energy*» (2002) и «*Condition of Power-Ontology and Anthropology beyond Nietzsche*» (2015) и исторический роман, посвященный теме Doppelgänger, или двойника, «*The Great Adversary*» (2007), вместе с несколькими статьями о противоположном Сверхчеловеке, его собственном творении и открытии. Читал лекции о своих работах в европейских и российских университетах.

E-mail: hermesvar@gmx.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020

МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Л.В. Кушнина, Я.Б. Глаголев

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Российская Федерация

В статье вводится понятие метапереводческой транспозиции как когнитивного механизма передачи имени собственного-антропонима из одной лингвокультуры в другую. Теоретическим основанием исследования послужили следующие концепции: теория имени собственного, теория транспозиции, концепция переводческого пространства, теория метатекста и метаперевода. Цель исследования состоит в выявлении когнитивных составляющих метадискурсивной деятельности переводчика при передаче имен собственных. Транспозиция имен собственных исследуется в аспекте межъязыковой и межкультурной динамики, определяющей их функционирование в разных лингвокультурах в соответствии с заданными культурно-обусловленными факторами, что предполагает культурную маркированность антропонимов и определяет выбор переводческой стратегии транспозиционных преобразований. В центре внимания авторов статьи – не собственно переводческая деятельность, а создание переводчиком самостоятельного текста, нацеленного на успешную рецепцию текста перевода потенциальным читателем. Речь идет о создании переводческого метатекста, связанного с именем собственным. В результате исследования выявлено три типа метапереводческой транспозиции в зависимости от функции, выполняемой метатекстом: ассоциативная, экспликативная, актуализирующая. В их основе лежит когнитивная деятельность переводчика, ориентированная на приращение знаний реципиента, что обуславливает гармоничное восприятие переводного дискурса и его естественное вхождение в принимающую культуру.

Ключевые слова: метаперевод, транспозиция, имя собственное, антропоним, переводческое пространство, гармоничный перевод, метапереводческая транспозиция

Ссылка при цитировании: Кушнина Л.В., Глаголев Я.Б. Метапереводческая транспозиция имени собственного в пространстве художественного дискурса // Общество. Коммуникация. Образование. Т. 11, №1. С. 59-68. DOI: 10.18721/JHSS.11104

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

METATranslation TRANSPosition OF THE PROPER NAME IN THE LITERARY DISCOURSE SPACE

L.K. Kushnina, Ya. B. Glagolev

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

The concept of metatranslation transposition as cognitive mechanism of the proper name-anthroponym reproduction in the other linguistic culture has been introduced in this article. The following concepts have been the theoretical basis of this research: the theory of the proper name, the theory of transposition, the concept of translation space, the theory of metatext and metatranslation. The aim of this study is to reveal cognitive components of metadiscursive activity of translator in the process of the proper name reproduction. Transposition of the proper names is studied in the aspect of interlanguage and cross-cultural dynamics determining their functioning in different linguistic cultures in accordance with the defined, culturally stipulated factors, which presuppose anthroponyms' cultural marking and determine the choice of

translation strategy in the process of transpositional conversion. In the center of the authors' attention is not translator's activity itself but translator's creation of independent text aimed at successful reception of the text of translation by potential reader. It is mentioned the creation of translation metatext connected with the proper. As a result of study it has been revealed three types of metatranslation transposition depending on the metatext function: associative, explicative, actualizing. In the basis of these functions lies the translator's cognitive activity oriented to the augment of recipient knowledge and it stipulates harmonic perception of translation discourse and its natural introduction to the receiving culture.

Keywords: metatranslation, transposition, proper name, anthroponym, translation space, harmonic translation, metatranslation transposition

Citation: L.K. Kushnina, Ya.B. Glagolev, Metatranslation transposition of the proper name in the literary discourse space, Society. Communication. Education, 11 (1) (2020) 59-68. DOI: 10.18721/JHSS.111104

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Метакогнитивные исследования перевода в свете культурно-ориентированной и синергетической парадигм ориентированы на смещение переводческих приоритетов с текста перевода на создание собственного переводческого метатекста. Идеи метатекста и метаперевода в отечественной лингвистике развивались в работах В.Б. Кашкина [1]. Зарубежные исследователи используют понятия «paratexte» и «paratraduction» (франц.), «paratext» и «paratranslation» (англ.). В работах Н.А. Пластининой изложены лингвокогнитивные механизмы порождения переводческого метатекста [2]. В рамках данного исследования предлагается когнитивный анализ переводческого метатекста на примере антропонимов.

Исследование имени собственного имеет длительную историю, как в лингвистике, так и в теории перевода. Одним из принципов передачи антропонимов ученые считают транспозицию. В исследованиях Д.И. Ермоловича и некоторых других ученых анализируется принцип этимологической транспозиции или этимологического соответствия, при этом автор отмечает его слабую изученность. Ученый так объясняет данный принцип: имена собственные в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга [3].

В нашем исследовании транспозиция имени собственного имеет не частный характер, определяющий один из возможных принципов передачи имени на другой язык, но приобретает гораздо большую значимость, что позволяет раскрыть когнитивную природу транспонирования антропонимов из одной лингвокультуры в другую.

В широком смысле транспозиция трактуется как языковой механизм, который пронизывает все уровни языковой системы и простирается от фонологии до синтаксиса. Среди антиномий, детерминирующих развитие языка по линии транспозиции, особая роль принадлежит противоречиям, обусловленным асимметрией языкового знака и противоречиям, связанным с назначением единицы в языке и ее употреблением в тексте, т. е. вторичными синтаксическими функциями. У истоков исследования транспозиции с опорой на вторичные синтаксические функции стояли Ш. Балли, С. Карцевский, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова и др.

В основе нашей трактовки лежат воззрения о деривационной природе транспозиции, согласно которым транспозиция представляет собой своеобразную модель синтаксической производности, раскрывающую закономерности текстообразования. В аспекте деривационного динамического синтаксиса проявляется текстообразующая функция транспонированных единиц. Речь идет не о застывших единицах с заданными свойствами, а о гибком процессе, приводящем к функциональному изменению исходной единицы, регулирующем взаимоотношения исходных и производных единиц [4].

В проводимом нами исследовании мы акцентируем внимание на транспозиции имен собственных в аспекте межъязыковой и межкультурной динамики, определяющей их функциони-

рование в разных лингвокультурах в соответствии с заданными, культурно обусловленными факторами. В связи с этим подчеркиваем высказывание В.Е. Чернявской о том, что одним из критериев текстуальности является его культурная маркированность: «В меняющихся взглядах на сущность текстуальности следует особо выделить тот критерий в научном описании текстов, который связывается со специфической культурной определенностью текстов» [5, с. 34]. Именно учет культурной маркированности антропонимов является для нас определяющим при выборе и обосновании стратегии транспозиционных преобразований.

В качестве материала для анализа транспозиции имен собственных мы выбрали роман современного французского писателя Olivier Bourdeaut «En attendant Bojangles» (Оливье Бурдо «В ожидании Божанглза»), в оригинале и переводе на русский язык, выполненном И. Волевич [15], [16]. Этот роман впервые увидел свет в 2015 г., получил множество литературных премий и стал бестселлером. В 2017 г. он был переведен на русский язык, а также на многие другие языки.

Постановка проблемы и цель исследования

Системный подход к изучению имени собственного в транспозиционном освещении, ориентирует нас на рассмотрение данного процесса на внутриязыковом и межъязыковом уровнях. Современная когнитивная парадигма описания языка в рамках системного подхода предполагает как собственно языковую активность личности, т. е. форматирование знаний о мире в языке, так и мыслительную активность, т. е. конструирование языковых единиц на основе этих знаний. Представляется, что транспозиция имени собственного также укладывается в рамки когнитивной парадигмы.

Прежде всего, речь идет о когнитивных процессах, свойственных текстопорождению при анализе исходного текста на родном языке, на что обращают внимание современные ученые. Так, Л.Н. Беляева и В.Е. Чернявская пишут: «...наличное человеческое знание — это знание текстуальное, т. е. представленное в текстах, фиксируемое текстами, и главное, порождаемое в текстах» [6, с. 79]. Мы солидаризуемся также с идеей авторов о приращенном в тексте знании для восприятия адресатом.

В наших работах приращенное знание анализируется в ином аспекте. Мы акцентируем внимание на приращении смыслов в ситуации перевода, а именно, когда текст, подлежащий переводу, оказывается в орбите переводческого пространства, что обуславливает не только транспонирование исходных смыслов, но и приращение новых смыслов в соответствии с требованиями принимающей культуры. Эта позиция согласуется с положениями, сформулированными автором термина «синергетика» Г. Хакеном, утверждавшим, что синергетика занимается комплексным исследованием процессов возникновения новых свойств в сложных системах, «эмергенцией» новых качеств этих систем [7].

Исследуя синергетический эффект, который приводит к гармоничному переводу текста, в своих предыдущих работах мы описали когнитивные механизмы перевода в свете концепции переводческого пространства [8]. Напомним, что переводческое пространство мы расцениваем как синергетическую систему транспонирования смыслов из одной лингвокультуры в другую; гетерогенность системы поддерживается за счет того, что в ней разворачиваются смыслы текстовых полей и полей субъектов переводческой коммуникации. Синергия смыслов является тем самым когнитивным механизмом, который «запускает» систему и приводит переводчика к порождению качественного — в нашем понимании — гармоничного перевода. Источником гармонии является приращение новых смыслов, приемлемых в переводном тексте/дискурсе, принадлежащем к принимающей культуре [9]. Таковы общие положения, которые мы намерены обсудить при исследовании передачи антропонимов из одной лингвокультуры в другую путем транспозиции. Но изучение межкультурной транспозиции невозможно без опоры на внутриязыковую и внутриязыковую транспозицию, что позволит понять лингвокогнитивные особенности внутриязыко-

вой и межъязыковой транспозиции имени собственного в художественном дискурсе, и что является целью данной работы. При этом мы не ограничиваемся изучением феномена транспозиции. В ходе межъязыковой и межкультурной транспозиции имеет место также метапереводческая деятельность, ориентированная на создание переводческого метатекста, что облегчает естественное восприятие текста перевода принимающей культурой.

Методология исследования

Методологическим основанием работы являются следующие научные позиции.

Во-первых, мы изучаем теорию имени собственного, базируясь на фундаментальных исследованиях А.В. Суперанской [10], Д.И. Ермоловича [3], В.В. Катерминой [11] и др.

Во-вторых, мы опираемся на общелингвистическую трактовку транспозиции и на ее осмысление в рамках динамической деривационной теории языка и речи. Мы расцениваем транспозицию как универсальный механизм языка, исследование которого было заложено в трудах Ш. Балли, С. Карцевского, Г.В. Гака, Е.С. Кубряковой и др.

В-третьих, наши рассуждения основаны на изучении лингвокогнитивных механизмов метапереводческой деятельности, основы которых были разработаны В.Б. Кашкиным, Т.Г. Пшенкиной [12] и др. Мы опираемся в работе на понимание метатекста и метаперевода, представленного в исследованиях Н. А. Пластининой, утверждающей, что переводческий метатекст является более свободным, чем текст собственно перевода, т.к. он содержит, с одной стороны, декодированные переводчиком смыслы автора, с другой стороны, новые смыслы, привносимые в текст переводчиком. Этот процесс имеет синергетический характер, т.к. вбирает в себя синергию исходных и производных смыслов [2].

В-четвертых, процесс перевода мы исследуем в русле концепции переводческого пространства, разрабатываемой одним из авторов данной статьи совместно с учениками и коллегами, согласно которой высшим мериллом качественного перевода является категория гармонии, которая подразумевает согласованность исходного и производного смыслов и естественное вхождение текста перевода в принимающую культуру [13].

Поясним проявление переводческой гармонии при передаче имени собственного с русского языка на французский. Обратимся к фрагменту поэтического текста А. Тарковского в оригинале и переводе [17, с. 38-39].

*...Я перед ним из «Слова о полку»,
Лежу себе, побитый татарвой:
Нас тысяча на берегу Каялы,
Копье торчит в траве
А на копье
Степной орел седые перья чистит...*

*...Face à elle j'ai l'air sorti du Dit
Gisant, tué par les Tatars, avec
Mille autres au bord de la Kayala;
Une lance fend l'herbe
Et sur la lance
Un aigle nettoie ses plumes chennues...
(traduit par Henri Abril)*

Нас интересует метатекст, созданный переводчиком к номинации «Слово о полку Игореве». Если поэт использует не полное название произведения, а дает аллюзию на него, т.е. даже имя Игорь опускается в оригинале («Слово о полку»), то в тексте перевода аллюзия является еще более краткой и сводится к одной лексеме «Dit» (букв. «сказ»). Между тем, переводчик дает сноску в нижней части страницы, что мы рассматриваем, в соответствии с современной теорией метатекста как метаперевод. Переводчик комментирует так: Dit* – «Allusion au Dit de l'ost d'Igor»; poème épique russe (XII s.), qui relate une campagne malheureuse contre les Polovtse sur les rives de la Kayala en l'an 1185. (Аллюзия к «Слову о полку Игореве, героическая русское эпопе (XII в.), которое повествует о неудачном походе против Половцев и битве на Каяле-реке в 1185 году.)

Как видим, в данном случае при переводе имеет место метапереводческая транспозиция имени собственного. «Слово о полку Игореве» является прецедентным текстом, где Игорь – пре-

цедентное имя, которое имплицитно выражено в оригинале как общеизвестное, но переводчик поясняет для франкоязычного читателя и эксплицирует его в метатексте. Мы считаем, что воссоздание имени собственного в процессе совокупного действия механизмов транспозиции и метаперевода, что мы обозначили в работе как метапереводческая транспозиция, приводит к порождению гармоничного текста перевода, который становится понятным иноязычному реципиенту и обогащает принимающую культуру.

Результаты исследования

Внимание к внутриязыковой и межъязыковой транспозиции обусловлено, прежде всего, нашим интересом к дискурсивным особенностям имени собственного, которые оно приобретает в процессе функционирования в тексте. Обратимся к результатам анализа, полученным в процессе изучения романа современного французского прозаика О. Бурдо.

Выбранный нами для анализа роман О. Бурдо «В ожидании Божангла» отличается богатством ономастической лексики. Ономастический дискурс в романе включает антропонимы, топонимы, названия песен, названия напитков, зоонимы, прозвища и клички.

Транспозиция имени собственного происходит в соответствии с различными переводческими стратегиями. Нас заинтересовала стратегия создания переводческого метатекста, обозначаемого также как метаперевод. Данная проблема широко обсуждается в западноевропейском переводоведении, где она соотносится с такими понятиями как переводческий паратекст или параперевод (от англ. *paratranslation*, и от франц. *paratraduction*). Отечественные ученые, вслед за В.Б. Кашкиным, выбрали термин метаперевод. Ученый обозначил обширное поле метапереводческой деятельности, которое долгое время не находило отражения в исследованиях. В самом широком смысле метаперевод представляет собой зеркальное отражение переводческой деятельности в сознании переводящей личности, включающей в себя не непосредственное принятие переводческого решения, а разнообразные размышления о чужом и собственном переводе, анализ дискурса о переводе. Как пишет В.Б. Кашкин, речь идет о «целом континууме взаимоотношений собственно текста перевода и вынужденного метатекста» [1, с. 238]. Ученый подчеркивает, что метатекст принадлежит автору перевода и является посторонним по отношению к исходному авторскому тексту, который стремится слиться с финальным текстом, предназначенным потребителю перевода.

Уточним, что В.Б. Кашкин стоял у истоков теории метаперевода, которая в настоящее время активно разрабатывается.

Серьезный вклад в теорию метатекста внесла концепция Н.А. Пластининой, изучавшей метаперевод на примере переводческих предисловий и послесловий к художественному тексту, что позволило ей выстроить модель метапереводческой деятельности. Центральным компонентом данной модели является символическая ценность перевода в принимающей культуре, трактуемая автором как условная номинальная ценность переведенного произведения для представителей иноязычного и инокультурного социума [2]. При анализе переводческих предисловий и послесловий исследователь акцентирует внимание на выявлении квантов смысла и функций переводческого метатекста, раскрывая тем самым когнитивную составляющую метапереводческой деятельности в целом, что является для нас отправной точкой анализа метатекста.

В нашей работе мы опираемся на трактовку метатекста и метаперевода представленных выше авторов, экстраполируя ее на процесс передачи имен собственных из одной лингвокультуры в другую. Мы считаем, что гармоничное понимание ономастических единиц в переводном произведении создает предпосылки для более глубокого прочтения целого текста, для выявления смысловых установок автора, а также для распознавания бесконечного потока смыслов, возникающих независимо от автора в каждом переведенном тексте.

Дадим краткую характеристику ономастического пространства текста в русском переводе. Герои романа – Мамочка, Папа, сын, домашняя журавлиха. Журавлиху зовут мамзель Негоди. Имя

сына, от лица которого ведется часть повествования, неизвестно. Другая часть повествования ведется от лица папы. Его зовут Жорж. Но Мамочка, главная героиня романа, осознанно или неосознанно для самого автора, на протяжении всего повествования, постоянно меняет свое имя. Если сначала она – Жоржетта, то в дальнейшем ее зовут Органс, Анриетта, Эжени, Либерти, Луиза, Маргерит, Мари-Лу, Жозефина, Аннет, Рене и др., что отражает процесс внутриязыковой и внутрикультурной транспозиции.

В тексте романа его главная героиня восклицает: «*Soyez gentil, cessez de m'appeler Marguerite, choisissez-moi un nouveau prénom, sinon, je vais me mettre à meugler comme une gémisse*» («И сделайте одолжение, перестаньте называть меня Маргерит, если вы не подыщите мне другого имени, я скоро начну мычать как корова!») – далее от лица ее сына читаем следующее высказывание: «*J'en'ai jamais compris pourquoi mon père n'appelait jamais ma mère plus de deux jours de suite par le même prénom. Même si certains prénoms la laissaient plus vite que d'autres, ma mère aimait bien cette habitude*» («Я так и не понял, почему мой отец никогда не называл Мамочку одним и тем же именем больше двух дней подряд. Некоторые из них надоедали ей скорее, чем другие, но сам по себе этот обычай ей очень нравился») [16, с. 14]. Вполне очевидно, что в тексте наблюдаем внутриязыковую транспозицию, которая адекватно была транслирована при переводе. Смена имени при неизменном референте (главной героине) представляет типичный пример транспозиции: каждая последующая номинация является вторичной по отношению к исходной. В качестве исходной мы рассматриваем номинацию *Мамочка*, которая выступает результатом преобразования имени нарицательного в имя собственное и пишется с заглавной буквы. Что касается выбора имен, с которыми *Папа* обращается к *Мамочке*, в данных ситуациях имеет место обратный процесс: имя нарицательное преобразуется в имя собственное, которое каждый раз приобретает различные формы, являющиеся вторичными по отношению к исходной номинации. Как было показано выше, внутриязыковая транспозиция выражена в тексте постоянной сменой имени главной героиней романа – Мамочкой.

Судьба Мамочки складывается трагически: из веселой, вечно танцующей под волшебную музыку Мистера Божангла хозяйки бала она превращается в несчастную больную, чтобы навсегда исчезнуть из жизни, а потом позвать в это нескончаемое путешествие Папу, и чтобы эта сумасшедшая и прекрасная история любви продолжалась вечно.

Как отмечают в своем исследовании Р.С. Кудряшова и Л.Ф. Фатыхова, смена имени героя в художественном тексте означает смену в его судьбе, что и произошло с Мамочкой [14]. Здесь же отметим, что Мамочка не просто меняет имена, но автор наделяет ее красивыми женскими именами, в то время как остальные герои обладают скорее прозвищами, чем именами: Йогурт, Мусор, Пустышка и др.

Такая цепочка транспозиционных преобразований имени собственного в тексте является уникальной, что ставит данное произведение в ряд столь же уникальных художественных текстов, вызывающих переводческий интерес.

Наибольший интерес в рамках нашего исследования представляет сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода, что позволяет проследить проявление метапереводческой межъязыковой и межкультурной транспозиции имени собственного.

В работе мы выявили три типа метапереводческой транспозиции имени собственного, в зависимости от выполняемой в тексте функции: ассоциативную, экспликативную, актуализирующую. Они способствуют приращению знаний реципиента, создавая дополнительный когнитивный контекст, гармонизирующий смыслы текстов оригинала и перевода. И если текст перевода порождается в переводческом пространстве, можно сказать, что переводческий метатекст, представленный метапереводческой транспозицией имени собственного, порождается в метапереводческом пространстве. Проиллюстрируем на конкретных примерах проявление каждого типа транспозиции.

1) **Ассоциативная функция.** Реализуется в том случае, если переводческий метатекст содержит лингвокультурологический комментарий, дополняющий внеязыковые ассоциации имен, свой-

ственные носителям языка. При этом иноязычный читатель не имеет подобных ассоциаций, и переводчик вынужден создать метатекст, чтобы облегчить восприятие текста перевода в целом.

Фрагмент оригинала:

Et moi dans ce cirque, j'avais accepté d'endosser le rôle de Monsieur Loyal....

Фрагмент перевода:

Ну а что я делал во всем этом цирке? Мне пришлось взять на себя роль Месье Луаяля...

Переводческий метатекст:

Месье Луаяль – известный цирковой распорядитель, имя которого впоследствии стало нарицательным во Франции для этой профессии [16, с. 163].

Как видим, при передаче имени собственного переводчик воссоздает ассоциации, которые могут оказаться малоизвестными для читателей оригинала и совершенно неизвестными для читателей перевода. Оценивая когнитивную значимость ассоциативной функции при передаче имени собственного, констатируем, что поиск переводчиком ассоциата становится знанием реципиента, т. е. источником когнитивного освоения имени собственного.

2) **Экспликативная функция.** Имя собственное имплицитно присутствует в тексте оригинала, оно известно носителям исходного языка и национальной культуры, т. е. является прецедентным именем, но может оказаться неизвестным представителям другой лингвокультуры.

Фрагмент оригинала:

Alors, il avait fumé sa pipe et moi, ma cigarette; nous avons bu nos cocktails assis dans le canapé sans dire un mot, sans nous regarder pour rester concentrés

Фрагмент перевода:

Итак, он выкурил свою трубку, я свою сигарету, а потом мы запили их нашими коктейлями, сидя на стеганом диване, не разговаривая друг с другом, не глядя друг на друга, чтобы лучше сконцентрироваться.

Переводческий метатекст:

Отсылка к стихотворению Жака Превера «Завтрак» («Le déjeuner du matin»: Sans me parler, Sans me regarder) – Не разговаривая со мной / Не глядя на меня [16, с. 137].

Итак, метаперевод содержит прецедентное имя: Жак Превер – известный французский поэт XX в., которого может не знать современный русский читатель. В данном случае имеет место имплицитно выраженное имя собственное, которое эксплицируется в созданном переводчиком метатексте. Благодаря метатексту переводчик создает дополнительный смысл, который помогает лучше понять атмосферу, вызванную состоянием безразличия, равнодушия персонажей по отношению друг к другу.

3) **Актуализирующая функция.** Имя собственное предполагает наличие определенного исторического, социального или политически окрашенного контекста, который не упоминается автором, но переводчик принимает решение актуализировать информацию с целью облегчения рецепции текста потенциальным читателем. Когнитивная составляющая выражена стремлением переводчика расширить контекстуальный фон реципиента.

Фрагмент оригинала:

En rentrant il disait que son métier était beaucoup plus drôle avant la chute du mur parce qu'on y voyait beaucoup plus clair.

Фрагмент перевода:

«Приезжая к нам, он сетовал на то, что его профессия была куда интересней до падения стены – тогда мол, все выглядело гораздо яснее».

Переводческий метатекст:

Речь идет о Берлинской стене, выстроенной в 1960 г. и разрушенной в 1989 г. [16, с. 32-33].

Создание переводческого метатекста – метаперевода способствует актуализации информации, которая отсутствует и в оригинале, и в переводе. Но переводчик считает необходимым напомнить читателю данное историческое событие.

Обсуждение

Человеческий фактор в переводе, выраженный сквозь призму функционирования имени собственного в переводном художественном дискурсе, продолжает волновать ученых. Его изучение в рамках антропоцентризма современной лингвистики может быть основано на привлечении различных категорий и явлений, раскрывающих общелингвистические закономерности. В данной работе в центре внимания – феномен транспозиции имени собственного из одной лингвокультуры в другую, в частности, из франкоязычного художественного дискурса в русскоязычный.

Как показали наши наблюдения, этот процесс является продуктивным при передаче имен собственных. В то же время на примере одного языкового сегмента, содержащего парадигму имен, можно проследить когнитивную деятельность личности. «Следует подчеркнуть – пишет В.В. Картермина – что в любом случае акт номинации представляет собой речемыслительный акт, из протекания которого не может быть выключено промежуточное звено: когнитивное, отражательное, концептуально-логическое или образное, но деятельностное, то есть свидетельствующее о включенности подлежащего наречению объекта (или совокупности объектов) в деятельность и жизнь человека» [11, с. 7]. Данное высказывание ученого подтверждает значимость и перспективность проводимого исследования, которое расширит наши представления о языковой картине мира и ее важнейшей составляющей – языковой личности, творце и носителе имени.

Метакогнитивная деятельность представляет наибольший интерес в ситуации контраста, т. е. при изучении перевода и межкультурной коммуникации, на что указывал В.Б. Кашкин. Мы полагаем, что изучение метапереводческой транспозиции, в частности, ее когнитивных составляющих, откроет новые грани современного когнитивного переводоведения.

Выводы

В данной работе были объединены две самостоятельные концепции: транспозиция и метаперевод и было введено понятие метапереводческой транспозиции. Рассмотрение метапереводческой транспозиции на примере передачи имени собственного позволило выявить и описать отдельные типы транспозиции. Как показал исследовательский материал, можно вычленивать три типа метапереводческой транспозиции: ассоциативный, экспликативный, актуализирующий, что связано с функциональным предназначением транспозиции. Мы осознаем, что транспозиция имени собственного не исчерпывается описанными выше тремя типами. Обращение к более широкому материалу позволит выявить другие типы и представить полноценную картину явления. В рамках данной статьи лишь намечены некоторые тенденции. Важно подчеркнуть, что создавая культурно-ономастический фон художественного текста, имена собственные подвергаются при передаче в другую лингвокультуру определенным преобразованиям, нацеленным на воссоздание этого фона в новой языковой и культурной среде, и в то же время, на гармоничное восприятие ономастического пространства целого текста иноязычным реципиентом. Исследование метапереводческой транспозиции нацелено на решение этой сложной задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кашкин В.Б.** Метакогнитивные исследования перевода // Университетское переводоведение. Вып. 10. Материалы X международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», СПб, 2009. С. 230-243.
2. **Пластинина Н.А.** Модель символической ценности метатекста (по материалам переводческих предисловий) // Индустрия перевода: Материалы VIII Международной научной конференции. Пермь, 2016. С. 283-289.
3. **Ермолович Д.И.** Имя собственное на стыке языков и культур. М., Валент, 2001. 200 с.

4. **Кушнина Л.В., Мурзин Л.Н.** Транспозиция в системе деривационных процессов // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней: межвуз. науч. сб. Уфа: Изд-во БГУ, 1988. С. 67-74.
5. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М. Ленанд, 2014. 200 с.
6. **Беляева Л.Н., Чернявская В.Е.** Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики, 2016. №3. С. 77-84.
7. **Хакен Г., Хакен-Крелль М.** Тайны восприятия. Пер. с нем. А. Р. Логунова. Москва: Институт компьютерных исследований, 2002. 272 с.
8. **Кушнина Л.В., Криворучко А.И., Ушакова А.О.** Когнитивные механизмы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики, 2016. №3. С. 85-95.
9. **Кушнина Л.В., Пластинина Н.А.** Параперевод как синергетический процесс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №4 (58). Ч.1. С. 139-142.
10. **Суперанская А.В.** Общая теория имени собственного. М., Либроком. 2012. 368 с.
11. **Катермина В.В.** Номинации человека. Национально-культурный аспект. М., Флинта, 2016. 224 с.
12. **Пшенкина Т.Г.** Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика. Барнаул, 2005. 240 с.
13. Теория перевода в классической и современной парадигме: онтология, методология, аксиология. колл. монография под ред. Л.В. Кушпиной. М., Флинта 2020. 336 с.
14. **Кудряшова Р.С., Фатыхова Л.Ф.** Имя собственное в художественном тексте как средство создания языковой картины мира // Вестник Башкирского университета, 2017. №1, том 2. С. 254-259.
15. **Bourdeaut O.** En attendant Bojangles. Paris 2015.
16. **Бурдо О.** В ожидании Божанглза. пер.с франц. И. Волевич. М.: Фантом Пресс. 2017. 224 с.
17. **Tarkovski Arséni.** Poèmes. Editions Radouga, Moscou, 1991. 206 p. (édition bilingue russe-français).

Статья поступила в редакцию 03.02.2020 г.

REFERENCES

- [1]. **V.B. Kashkin**, Metacognitive research of translation, University science of translation. Edition 10. Materials of X international scientific conference on translation "Fyodorovskie Readings", StPb, 2009. pp. 230-243.
- [2]. **N.A. Plastinina**, The model of symbolic value of metatext (on the materials of translation prefaces), Industry of translation: Materials of VIII International Scientific Conference. Perm, 2016. pp. 283-289.
- [3]. **D.I. Ermolovich**, Imya sobstvennoye na styke yazykov i kultur [Proper name at the crossroad of languages and cultures]. М., Valent, 2001.
- [4]. **L.V. Kushnina, L.N. Murzin**, Transpozitsiya v sisteme derevatsionnykh protsessov [The Transposition in the system of derivative processes], Semantics studies. Ufa, 1988. pp. 67-74.
- [5]. **V.E. Chernyavskaya**, Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistics of text. Linguistics of discourse]. М. Lenand, 2014.
- [6]. **L.N. Belyaeva, V.E. Chernyavskaya**, Probative linguistics: method in cognitive paradigm, Problems of cognitive linguistics, 3 (2016) 77-84.
- [7]. **G. Khaken, M. Khaken-Krell**, Secrets of perception. Transl. from German A.R. Logunov. Moscow, 2002.
- [8]. **L.V. Kushnina, A.I. Krivoruchko, A.O. Ushakova**, Cognitive mechanisms of translation, Problems of cognitive linguistics, 3 (2016) 85-95.
- [9]. **L.V. Kushnina, N.A. Plastinina**, Paraperevod kak sinergeticheskiy protsess [Para-translation as synergetic process], Philological sciences. Problems of theory and practice. Tambov, Gramota, 4 (58) (1) (2015) 139-142.
- [10]. **A.V. Superanskaya**, Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General theory of proper name]. Moscow, Librokom. 2012.
- [11]. **V.V. Katermina**, Nominatsii cheloveka. Natsionalno-kulturnyy aspekt [Nomination of a man. National-cultural aspect]. Moscow, Flinta, 2016.
- [12]. **T.G. Pshenkina**, Psikholingvisticheskiye osnovaniya verbalnoy posrednicheskoy deyatel'nosti perevodchika [Psycholinguistic foundation of verbal intermediary activity of translator]. Barnaul, 2005.

[13]. Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoy paradigme: ontologiya, metodologiya, aksiologiya [Theory of translation in classical and modern paradigm: ontology, methodology, axiology]. Joint monograph under the editorship of L.V. Kushnina. M., Flinta, 2020.

[14]. **R.S. Kudryashova, L.F. Fatykhova**, Proper name in the literary text as a means of creating the language worldview, Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University], 2 (1) (2017) 254-259.

[15]. **O. Bourdeaut**, En attendant Bojangles. Paris, 2015.

[16]. **O. Burdo**, V ozhidanii Bozhanglza [Waiting for Bozhanglz]. Transl. from French I. Volevich. M. Fantom Press. 2017.

[17]. **A. Tarkovski**, Poèmes. Editions Radouga, Moscou, 1991. (édition bilingue russe-français). [in French]

Received 03.02.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Кушни́на Людмила Вениами́новна

Kushnina Liudmila V.

E-mail: lkushnina@yandex.ru

Глаголе́в Яросла́в Бори́сович

Glagolev Yaroslav B.

E-mail: dglagolewa@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020

АКАДЕМИЧЕСКАЯ РЕПУТАЦИЯ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ

О.Н. Камшилова¹, В.Е. Чернявская²

¹Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Понятие «академическая репутация» рассматривается на основе ведущих теоретических представлений в социологии науки, науковедении, социолингвистике, дискурсивном анализе. Показано, что теоретические дискуссии вокруг понятия «репутация» нацелены на основополагающие вопросы, а именно: как поставить распределение ресурсов и финансовое вознаграждение в зависимость от академической репутации, как практически реализовать установку на то, чтобы в обществе знания ресурсы получали лучшие исследователи, как на основе репутации ученого или институции сформировать объективные процедуры экспертизы, которые дополняют количественные показатели результативности и признания в науке. Выделяются актуальные аспекты в осмыслении этого понятия в российском публичном пространстве со стороны общества и научного сообщества. Доказывается, что понятие «академическая репутация» не сводится исключительно к количественным показателям несмотря на то, что оно тесно связано с понятием «рейтинг», но включает этическую и моральную составляющие. Выводы делаются на основе интерпретации контекстов использования словосочетания академическая репутация в современных российских СМИ.

Ключевые слова: академическая репутация, российский университет, общественный дискурс, научный дискурс, дискурсивный анализ

Ссылка при цитировании: Камшилова О.Н., Чернявская В.Е. Академическая репутация: дискурсивный анализ современной российской практики // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, №1. С. 69-80. DOI: 10.18721/JHSS.11105

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

ACADEMIC REPUTATION: A DISCURSIVE ANALYSIS OF MODERN RUSSIAN PRACTICE

O.N. Kamshilova¹, V.E. Chernyavskaya²

¹Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article presents a study of the concept “academic reputation” on the basis of leading theoretical conceptions in science sociology, scientometrics, social linguistics, and discourse analysis. It shows that theoretical discussions of the concept “reputation” are focused on foundational questions, such as: how to bring resource allocation and financial award under academic reputation, how, in the society of knowledge, to practically realize the guideline to grant resource allocation among best researchers, how, on the basis of a scientist’s or institution’s reputation, to provide highly objective expertise that will add to quantitative indicators of effectiveness and recognition in science. The article also highlights actual aspects of the concept understanding in Russia’s public space on the part of its society and scientific community. It demonstrates that though the concepts “academic reputation” and “rating” are often

found in similar contexts, academic reputation is not limited to quantitative indicators alone but suggests ethical and moral constituents. The conclusions made are supported by findings and interpretations of contexts for академическая репутация (academic reputation) collocation from a reasonably large sample of modern Russian MEDIA texts.

Keywords: academic reputation, russian university, public discourse, scientific discourse, discourse analysis

Citation: O.N. Kamshilova, V.E. Chernyavskaya, Academic reputation: a discursive analysis of modern Russian practice, Society. Communication. Education, 11 (1) (2020) 69-80. DOI: 10.18721/JHSS.11105

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Центральное понятие в рамках предлагаемых рассуждений – репутация, а именно, репутация в научной среде, академическая репутация. Академическая репутация понимается как профильная оценка внутри научного сообщества: это признание со стороны специалистов. Академическая репутация основана на понятиях «признание» и «честь» (honour, esteem), что связано в исторической традиции с формированием критериев научности и, как следствие, доверием к экспертному знанию [1; 2; 3]. Доверие (в английском trust, credibility, creditworthiness) – это основополагающая и обсуждаемая специалистами составляющая репутации. Доверие играет роль механизма, поощряющего правильное и порицающего неправильное поведение в научном сообществе [4; 5].

В последние годы репутация вообще и репутация людей науки стала магистральной темой для обсуждения в российском общественном дискурсе. С одной стороны, это свидетельствует о возрастающей интеллектуальной активности общества и о формировании и поддержании этических ориентиров в публичном пространстве.

Одновременно с этим утверждением можно говорить и о латентном характере репутационного контроля в российской практике. Сформулированность верных стандартов и норм поведения в профессиональном сообществе (тот факт, что они есть) не обязательно связывается с доверием к сообществу в целом, к его отдельным представителям и к качеству производимого результата.

Академическая, университетская среда сегодня очень неоднородна, демонстрирует разные стандарты поведения и разную меру строгости в санкциях за нарушение профессиональных и этических стандартов. На практике репутация ускользает, не всегда работает как механизм действенного контроля. Деформация профессионального сообщества, критическая масса нарушений этики, ослабление системы рецензирования в журналах, плагиат, так называемое «гостевое соавторство» без личного участия в получении результата и т. п. являются в том числе следствием неработающего механизма репутации. А ведь именно доверие к специальному и экспертному знанию лежит в основе общества в целом и научного сообщества в частности.

Сложившийся полноценный институт репутации важен, поскольку осуществляет ряд основополагающих функций. Репутация позволяет поддерживать академическую корпоративность, удерживать и сохранять представления о ее ценностях, нормах, неписанных конвенциональных стандартах поведения. Репутация осуществляет контроль за производством и распространением знания. Репутационный контроль действует в системе рецензирования в научных журналах, на научных конференциях, при присуждении ученых степеней. С опорой на понятие репутации общество вырабатывает критерии принятия решений относительно финансирования научных исследований, грантовой деятельности, а также признания людей, принимающих решения. Репутационный контроль порождает авторитетов в науке – исследователей, безупречных с научной и этической точки зрения. Когда институт репутации не работает или не работает вполне, действуют только властные механизмы контроля и санкций со стороны административной страты, и нет иных тонко настроенных инструментов поддержания связей в сообществе людей науки.

Теоретико-методологические дискуссии вокруг понятия «академическая репутация» нацелены на основополагающие вопросы: как поставить распределение ресурсов и финансовое вознаграждение в зависимость от академической репутации, как практически реализовать установку на то, чтобы в обществе знания ресурсы получали лучшие исследователи, исследовательские коллективы, организации, как разработать объективные процедуры экспертизы, которые могли бы дополнять количественные показатели результативности и признания в науке на основе репутации ученого или институции. Выводы, полученные специалистами в социологии, науковедении, теории коммуникации, приняты за основу в представлении теоретического контекста в изучении академической репутации и ее понятийного ядра. В рамках публикации задан иной ракурс – предлагается лингвистическое описание понятия «академическая репутация» и анализ смыслов, которые раскрывают, что значит иметь репутацию в академической среде, основываясь на интерпретации контекстов употребления словосочетания *академическая репутация* в современных российских СМИ. Анализ контекстов показывает актуальные аспекты в осмыслении этого понятия в российском публичном пространстве, выдвигает те смыслы, которые вкладываются в понятие на практике. Такой исследовательский фокус позволяет охарактеризовать отношение к репутации со стороны общества и научного сообщества.

Методология анализа

Теоретический контекст анализа задан современными исследованиями понятия «академическая репутация» в социологии науки, наукометрии, согласуется с основными принципами дискурсивного анализа и поддерживается анализом языковых фактов. Эмпирический материал представлен контекстами словосочетания *академическая репутация*, извлеченными из текстов, опубликованных в газете «Коммерсантъ» – авторитетном российском общественно-политическом издании, которое представляет и анализирует ключевые деловые, политические события в российском информационном пространстве. Выборка из этого СМИ представляется репрезентативной для характеристики актуального среза в отношении российского общества к вопросам репутации. В период с 1.01.2016 по 1.02.2020 гг. опубликовано 125 документов, в которых содержится словосочетание *академическая репутация*. Из них извлечены 134 контекста, включающих данное сочетание, а также словосочетания *репутация вуза*, *научная репутация*. Анализировалось непосредственное лексическое и синтаксическое окружение словосочетаний. Анализ выделенных фрагментов осуществлялся с опорой на методы семантического анализа, такие как толкование значения, анализ сочетаемости, анализ словарных дефиниций.

Теоретические основания исследования понятия «репутация»

Репутация – это оценочная информация о личности или институции, возникающая как результат их практической деятельности. Это то доверие, которое возникает вследствие характерных, неоднократных действий в прошлом, это «информационный след от прошлых действий» [6, с. 405]. На основе этой информации складываются ожидания сообщества относительно поведения личности или организации в будущем. Репутация создает узнаваемость по определенным, характерным основаниям [7, с. 157].

Значимо, что репутация формируется в процессе социального взаимодействия. Специалисты говорят о репутации как о социальной конструкции и социальной репрезентации личности или институции. Оценочный характер репутации предполагает третью сторону: экспертов или, в современной терминологии, стейкхолдеров в соответствии с пониманием их как социальной группы или лиц, способных влиять на достижение целей организации или быть объектом этого влияния.

Репутация не тождественна имиджу, т. е. оценочному представлению личности о другом объекте или самой себе [8]. В определении репутации существенно знание о том, что именно

оценивается как положительное, желательное и должное со стороны репрезентативного большинства. Ключевое значение имеет устойчивость, повторяемость оценочных представлений об объекте.

В социальной проекции репутация разделяется на личную и институциональную. Институциональная репутация – это совокупность представлений об организации, ее истории, возможностях, стратегических целях, включенных в социальный контекст [9, с. 6].

Репутация разделяется далее на политическую, деловую, репутацию судей, академическую репутацию. Наиболее детальный анализ, по мнению специалистов, сложился сегодня в экономическом дискурсе и маркетинге. Выделяют четыре ключевых составляющих в ее определении: кредитоспособность, добросовестность, надежность, ответственность, ср.: «overall estimation in which an organization is held by its constituents, incorporating four key elements, including credibility, trustworthiness, reliability and responsibility» [10]. Специальный термин *гудвилл* (транслитерация английского термина *goodwill*) используется в бухгалтерском учете, в экономической практике для обозначения нематериального капитала, добавочной стоимости бренда, обеспеченной благоприятным мнением и эмоциональной привлекательностью во внешней среде. Последствия репутационных рисков в связи с деловой репутацией оборачиваются потерей стоимости бренда, снижением дохода. Деловая репутация выступает как инструмент, снимающий или минимизирующий рыночные риски неопределенности.

Академическая репутация – понятийное ядро

Понятие «академическая репутация» имеет свою специфику, отличие от других видов репутации. Это всегда оценка в узкоспециализированной проекции – в связи с производством и распространением научного результата. Это оценка в кругу профессионалов, когда специалисты оценивают себе подобных. Академическая репутация основана на традициях автономной научной экспертизы и праве не следовать тому, что считают качественным, положительным другие, т. е. неспециалисты, широкая публика.

В научной коммуникации репутация действует как инструмент доверия к специальному знанию. Если наука – это процесс получения доказательного знания, то репутация исследователя выступает как механизм селекции, позволяющий отбирать информацию, создающую доказательность в познании реального мира [1, с. 398]. Селективная функция репутации проявляет себя в том, что она направляет наибольшее внимание к опубликованному результату («promote the investment of time») [11, с. 1422] и повышает его заметность и востребованность. В этом смысле научная коммуникация предстает как производство, трансформирующее внимание в интеллектуальный продукт, или, повторяя слова немецкого философа, экономиста Георга Франка, как «рынок, на котором информация обменивается на внимание. Научная информация измеряется относительно того внимания, которого она заслуживает. Внимание, полученное специалистом, капитализируется в актив, называемый репутацией», ср.: «Scientific communication appears to be a market where information is exchanged for attention. Scientific information is measured in terms of the attention it earns. The attention a scientist earns is capitalized into the asset called reputation» [12, с. 4]. Роль репутации как фильтра и гаранта научного качества не уступает, но, по мнению специалистов, перевешивает значимость импакт-фактора журнала [11, с. 1436].

Признание этого факта ставит в фокус внимания определение критериев того, что сообщество может считать качественным результатом и как связаны доверие, доказательность и личный вклад в науку. Относительно возможности выработать однозначные критерии и параметры научного качества в мировом контексте идут активные дискуссии и остается ряд открытых вопросов. При этом определенно выдвинулась вперед ориентация на формализацию научной результативности и репутации в академической сфере. С конца XX в. установилась практика наукометрических индикаторов. Ключевые параметры измерения репутации исследователя – его результативность,

т. е. количество и качество публикаций, см. подр. в [13-18]. Измеряемость в науке стала своего рода противовесом понятию «научная этика» и вывела содержание понятия «академическая репутация» за границы этики, научного этоса, чести в систему координат состоятельности, рейтинга.

Вместе с личной репутацией ученого учитывается и формируется институциональная репутация университета/академической институции как представления о ее истории, миссии, стратегических установках, ориентированных на социальный контекст [9, с. 6].

Менеджмент репутации университета в последнее десятилетие стал заметным направлением в социологии науки [12, 13]. Возможно выделить несколько оснований, объясняющих эту тенденцию. Первое. Менеджмент репутации сложился вследствие глобализации университетского пространства, одной из тенденций которой является формализация университетов, выводящая их за рамки национального контекста и освобождающая от уникальных единичных характеристик. Управление репутацией становится глобальной модой [14, с. 143]. Современный этап производства и трансфера информации поставил ряд задач перед системой образования в целом и в особенности перед системой управления вузами. Сегодня мы наблюдаем, как реализуется глобальный сценарий того, как «все сертифицировать, классифицировать, идентифицировать» [18, с. 164].

Второе. Активный менеджмент репутации, большие усилия по самопрезентации университета можно рассматривать как признак информационного общества, находящегося под влиянием плотных информационных потоков. Информационное общество (общество знания) поставило нас в ситуацию во многом алгоритмизированного обращения с информацией в поисковых базах. Выдвижение информации и ее узнаваемость для потребителя связана с предварительной оценкой другими и маркируется в том числе выражением одобрения или неодобрения в социальных сетях. Применительно к университету вошли в активный оборот понятия бренд, корпоративная культура, управление репутацией. Следовательно, репутация внутри академического сообщества складывается вследствие управленческих решений и маркетинговых усилий. Университета должен иметь заметный профиль и выделяться, чтобы быть узнаваемым. Должны использоваться дополнительные средства его выделения в общем информационном пространстве. Поиск новых форматов самовыражения становится тем маркером, который обеспечивает максимальную концентрацию внимания на объекте. Как один из фильтров в такой ставшей реальностью системе профилирования действует репутация.

Третье. Университет стал частью большой системы, регулируемой и управляемой извне, а не только и столько внутренней академической иерархией и внутренней экспертизой. Университет в мировом пространстве включился в состоятельность за внешние ресурсы, за поддержку и государства, и частных компаний. Внешние игроки и субъекты оказались плотно интегрированы в управленческие структуры университета и его административную иерархию и в процессы принятия решений, влияющих на учебную, исследовательскую, инновационную составляющие.

Вопрос о факторах, влияющих на репутацию университета, является предметом детального изучения в мировой практике. Учитывается оценка общего уровня научно-исследовательской активности, инфраструктуры для научных исследований, профессиональной компетентности преподавателей, адекватности профессиональных способностей выпускников требованиям рынка труда, успешности коммерциализации разработок университетов. Репутация сегодня описывается как интегральный индекс «качества вуза», включающий в себя объективные характеристики состояния вуза (содержание и качество предоставляемого образования, организационно-техническое обеспечение и т. п.), и оценочные суждения о репутации университета в глазах различных заинтересованных сторон. Примечательно, что в действующих международных системах рейтингования университетов, например, QS, THE принято определенное соотношение понятий «рейтинг» и «академическая репутация». Академическая репутация является одним из показателей с определенным весом, используемым для расчета рейтинга университета. При этом вес репутации наибольший среди показателей – 40%, репутация среди работодателей дает 10%, соотношение научно-педагогического состава и студентов 20%,

количество цитирований на одного сотрудника университета 20%, доля иностранных сотрудников 5% и иностранных студентов 5%¹. Способ измерения академической репутации строго определен – это опрос экспертов в международной научной среде. Таким образом механизм репутационного контроля встроен в рейтинговые оценки ведущих международных систем и лежит в основе формализуемых индикаторов научного качества. В таком виде рейтинг не отрицает, но учитывает экспертное мнение. Повторяя предшествующие суждения, развитый, работающий механизм репутационного контроля делает адекватным восприятие самой системы рейтингов и индексов – как указателей и ориентиров в информационном пространстве, но не как монополии в закреплении статуса.

Понятие «академическая репутация» в социальной практике: опыт эмпирического анализа

Смыслы, которые вкладываются в понятие «академическая репутация» в профессиональном ракурсе, не совпадают точно с содержанием этого понятия, когда оно используется в социальной практике. В работе [19] представлены результаты корпусно-ориентированного дискурсивного анализа понятия «академическая репутация» в российском общественном дискурсе в период с конца 1990-х по 2011 г. Показано, как это понятие входило в российский дискурс и начинало осмысляться в связи с различными контекстами его функционирования в обществе. Анализ проводился на основе корпуса Russian Web 2011 (ruTenTen11), предоставляющего доступный эмпирический материал, ограниченный 2011 годом. Материалом для анализа стали публикации на русскоязычных доменах, тексты рекламных сайтов образовательных услуг, тексты, размещенные на портале Министерства науки и образования, периодические интернет-издания и СМИ, перепосты в авторских блогах. На основе корпусных данных исследовано контекстное употребление сочетания *академическая репутация*. В результате было, в частности, обнаружено, что, во-первых, к 2011 году репутация входила в российские дискуссии как внешнее, отражающее не российские, но зарубежные реалии понятие. И, во-вторых, корпусные данные позволили показать, что понятие «академическая репутация» в российской практике тех лет соотносится со сферой высшего и реже среднего образования. Академическая репутация связывается с рейтингом и конкурентной средой деятельности вуза. К 2011 г. в российском обществе складывается обсуждение академической репутации как одного из наукометрических показателей рейтинга вуза, при этом корпусный анализ позволил сделать предположение о восприятии обществом наукометрических индикаторов рейтингов вузов как нововведения того периода. Собственно академическая повестка, т. е. научная этика, отношения научного сообщества и общества представлена эпизодически.

Анализ современного социального контекста и отношения общества к понятию репутация является актуальной и во многом открытой исследовательской задачей. Создание корпуса современных (после 2011 г.) публикаций, позволяющих систематизировать внешние данные о том, насколько отрефлексировано это понятие сейчас, как работает репутация в актуальных условиях, задача для будущих разработок, об объяснительных возможностях корпусного подхода, в том числе в дискурсивном анализе, см. также [20-24]. В рамках настоящей публикации предлагается рассмотреть, как представления о репутации отражаются и фиксируются в актуальных сообщениях в СМИ.

Обсуждение результатов анализа

В полученной выборке были выделены словосочетания *академическая репутация*, *репутация вуза*, *научная репутация* и контексты их употребления. Наблюдения показывают, что в публичном пространстве дифференцируются понятия «академическая репутация ученого» и «академическая репутация институции/университета».

Большинство контекстов (74 из 134) подтверждают, что академическая репутация связывается с темой рейтинга, оценивания университета. Университет находится в состоянии состязатель-

¹См. методологию общего рейтинга в системе QS: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings/methodology>

ности и конкурентной борьбы за позицию в рейтинге и лидерство в российском и мировом пространстве, и эта состязательность только усиливается. Ср. следующие типичные примеры:

(1) *Уральский федеральный университет (УрФУ) занял 364-е место в ежегодном рейтинге вузов QS World University Rankings 2020 по версии компании Quacquarelli Symonds (QS) По сравнению с прошлым годом, уральский вуз поднялся на 48 позиций. «Уверенное продвижение вперед связано, в первую очередь, с усилением академической репутации: по этому показателю мы неизменно получаем высокие баллы», — приводит слова ректора пресс-служба вуза.*

(2) *<...> ведущие российские вузы в последние годы существенно повысили свою международную конкурентоспособность, что выразилось в заметном улучшении их позиций в мировых рейтингах университетов, повышении их международной узнаваемости и академической репутации.*

(3) *В прошлом году в QS отмечали, что в целом позиции российских вузов ухудшились именно в связи с отставанием по показателю «академическая репутация».*

(4) *Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) поднялась в рейтинге молодых университетов журнала Times Higher Education на 24 позиции и заняла 60-е место. Исследование включает вузы, созданные не более 50 лет назад. Его строят по методологии основного рейтинга, публикуемого ежегодно осенью, но при этом учитывают специфику «молодых» университетов и предъявляют меньше требований к академической репутации.*

Возможно выделить характерные признаки носителей академической репутации. Иметь академическую репутацию значит быть узнаваемым, заметным в обществе. Типичный пример:

(5) *Сегодня все говорят — учусь в СФУ. Это уже бренд. — В чем это выражается? — Растет академическая репутация, качество образования, узнаваемость вуза.*

По данным выборки, репутация в науке — это то, что требует материальных вложений и конвертируется в финансовое благополучие и материальный доход:

(6) *<...> получение мегагрантов оборачивается для вузов расходами. Тем не менее вузы стараются участвовать в программе, так как это положительно сказывается на академической репутации.*

(7) *У нас в ВШЭ сейчас примерно 750 тыс. регистраций на онлайн-курсы ВШЭ за год. Две трети — за пределами России... Задача — за десять лет сделать из того, что сейчас в основном формирует репутацию, то, что вместе с репутацией производит доход.*

Одновременно с темой рейтинга и конкурентоспособности как показателя академической репутации вуза отчетливое выражение получает этическая составляющая репутации. Тема репутации как научной чести и добросовестного соблюдения этических норм представлена в 29 контекстах выборки. Показательно, что в большинстве из них выражается критическое отношение к репутации в российских реалиях: о репутации говорится как о плохо работающем или неработающем механизме контроля. Языковым выражением критики актуального состояния репутации являются языковые единицы с отрицательно оценочной семантикой: *плохая репутация, никакая репутация, подмоченная репутация*; языковые единицы со значением ‘сделать репутацию чистой, удалить грязь’: *очистить репутацию, спасти репутацию*:

(8) *«Диссернет» нашел некорректные заимствования в диссертации ректора ульяновского вуза <...> «Это беда, замедленная бомба для российского и особенно регионального образования, и она взорвется когда-нибудь. Это стало модным для региональных политиков — руководить вузами: место нынче доходное, удобное и теплое. И они идут туда, часто не имея никакой академической репутации, а диссертации им нужны только для такой карьеры», — заметил господин Ростовцев. <...> По мнению доктора политических наук, члена Общественной палаты Ульяновской области Нины Дергуновой <...> «Да, наверное, с точки зрения морали и науки, это подмоченная репутация, но она в нашем обществе вообще носит косвенный характер. Наша наука за девяностые и двухтысячные годы упала низко, очень многие товарищи во власти и бизнесе наполучали кандидатские степени, и, к сожалению, общественное сознание это воспринимает как не очень большое нарушение, как адаптацию к сегодняшней жизни...» — сказала политолог.*

(9) Владимир Мединский сохранил свою ученую степень. Его дело отозвано из диссертационного совета Уральского федерального университета <...> Юрий Светов: «Вечная проблема. Как работает институт репутации у нас стране? К сожалению, почти не работает или работает очень плохо. <...> В той же Германии министра поймали на плагиате с диссертацией, и она ушла в отставку. Общественное мнение на них давит».

Понятие репутация предстает как неукоренившееся в российском общественном сознании; как неустойчивое, нестрогое, зыбкое понятие, включающее полярные представления от мнений, что репутации нет, до половинчатых допущений, что репутация не совсем разрушена и отчасти работает:

(10) Более 50% жителей России уверены, что за взятку можно получить как положенные, так и не положенные по закону услуги. Таковы данные опроса «Левада-центра» <...> При этом в исследовании отмечается: «Репутация "высшей школы" высока, 87% опрошенных считают ее хорошей, несмотря на относительно широко распространенные представления о коррупции в академической сфере.

(11) В апреле 2016 г. группа ученых обратилась в Минобрнауки с требованием лишить ученой степени министра культуры Владимира Мединского. Рассмотрение его дела диссоветом Уральского федерального университета, назначенное на 4 октября 2016 г., было перенесено в последний момент. Как сообщил "Ъ", в ответ на это академики РАН потребовали отправить руководство ВАК в отставку и переподчинить структуру Российской академии наук. <...> Здравомыслящая часть научного сообщества довольно консолидирована <...> То есть понятие репутации не совсем разрушено в академическом мире.

Критическое отношение к институту репутации в российской среде вводится в публичное пространство и со стороны общества, наблюдающего и оценивающего академическую среду, т. е. извне, и со стороны научного сообщества, как взгляд изнутри. Контексты в выборке показывают нарастающую рефлексию внутри академического сообщества относительно тех требований, которые определяют статус ученого внутри сообщества. Ср.:

(12) Сегодня в Москве открывается общее собрание Российской академии наук, первое после избрания нового президента РАН Александра Сергеева. <...> — Что самое главное для ученого? — «Репутация, престиж. Если ученого поймали на вранье — это приговор, это остается с ним навсегда». — Опыт «Диссернета» показывает, что многих это совершенно не заботит. — «Если им плевать на научную репутацию, то это и не ученые вовсе. Такие люди строят свою карьеру в других вертикалях».

(13) Выборы в РАН в этом году прошли по новой процедуре: кандидатов в академики (328 человек) и члены-корреспонденты (1501) заранее проверили на предмет «нарушений академической этики». Этим занималась комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований. По итогам проверки в конце сентября был опубликован подробный доклад о 56 кандидатах и их нарушениях: «распространении лженаучных идей» (гомеопатии), «плагиате в собственной диссертации», а также причастности к защите чужих подозрительных диссертаций. Комиссия рекомендовала профильным отделениям РАН проявить «нулевую терпимость к плагиату», а кандидатам, упомянутым в докладе, «очистить свою репутацию в обстановке публичной и гласной научной дискуссии».

В извлеченных контекстах прочитывается противопоставление репутации как авторитета, полученного на основе научных достижений и добросовестного следования научной этике, и авторитета лояльных к государству людей, ср.:

(14) Когда стало известно, что диссовет в Екатеринбурге с безупречной репутацией готов лишить Мединского степени, ВАК забрал у него дело, которое в итоге рассматривал лояльный совет в Белгороде.

Анализ контекстов показывает, что понятие «академическая репутация» / «репутация вуза» осмысливается с четкой проекцией в социальную среду — она показывается как конструкт, который создается и поддерживается через взаимодействие в социуме. Репутация — это оценочная реакция на поступки, она может быть укреплена или разрушена, повреждена из-за определенных дей-

ствий в социальной среде. При этом представления о репутации основываются на определенных стандартах и представлениях о правильном, допустимом и желательном для общества и, значит, академического сообщества как его части:

(15) Ученый совет Высшей школы экономики изменил правила внутреннего распорядка университета. В новой редакции уточняется, что преподаватели и студенты не должны вести политическую деятельность от имени вуза...Активисты записали видеообращение, в котором заявили, что «новые правки ограничивают права и свободы преподавателей и студентов, и не будут способствовать укреплению репутации вуза». ... Их деятельность на ученом совете прокомментировала проректор НИУ ВШЭ Валерия Касамара: «Для меня они и являются теми людьми, которые вредят репутации университета».

(16) Как стало известно “Ъ”, администрация Санкт-Петербургского госуниверситета наложила дисциплинарные взыскания на студентов Георгия Гусака, Романа Шухвостова и Александра Верещагина за то, что те «осознанно оказались» на месте проведения несогласованного митинга оппозиции 5 мая 2018 г. и привлечены судом к административной ответственности. <...> Комиссия признала, что студенты «нарушили морально-этические нормы поведения универсанта», которые обязывают их «достойно представлять университет во внеуниверситетской среде <...> заботиться о его репутации и способствовать укреплению авторитета».

Заключение

В результате проведенного исследования были выделены и проанализированы ключевые положения теоретических дискуссий вокруг понятий «репутация» и «академическая репутация». Репутация изучается как выражение правильного и желательного поведения, это тот особый «модус поведения», который порождает доверие. Академическая репутация лежит в основе доверия к специальному и экспертному знанию. В современном информационном обществе она выступает как социальный инструмент, формирующий представления о социальной действительности. Репутация вообще и репутация в науке формируется как результат длительных целенаправленных и осознанных действий, и она конвертируется в общественное признание и «академическую ренту». О росте влияния академической репутации в социальном контексте свидетельствует становление и развитие менеджмента репутации университета, объективные основания чему были определены выше: формализация университетов как следствие глобализации университетского пространства; развитие информационного общества, требующего от университетов управленческих решений и маркетинговых усилий, в результате которых репутация становится объектом конструирования; включение университета в состав большой системы, регулируемой и управляемой извне, обязывающей его к состоятельности за внешние ресурсы, за поддержку государства, частных компаний.

Анализ и интерпретация контекстов употребления словосочетания *академическая репутация* (*научная репутация, репутация вуза*) в российских СМИ позволили определить актуальные аспекты в осмыслении этого понятия в российском публичном пространстве со стороны общества и научного сообщества. В современном российском научном дискурсе и, шире, в российском общественном пространстве тема репутации ученого и академической институции становится более осмысленной, «внутренней», по сравнению с периодом до 2011 г., хотя остается одной из мало изученных и мало отрефлектированных. Главной тенденцией в формировании концепции научной репутации последнего времени в России стала формализация способов ее оценки. Высказываний и исследований, посвященных содержанию и роли репутации в современном российском сообществе, недостаточно. Проведенный анализ показывает экзemplарно, в каких основных курсах и в какой степени это понятие отражается в современном общественном сознании. Репутация не замкнута только на количественных показателях, это не только и не столько рейтинг, хотя большинство рассмотренных контекстов указывают на взаимосвязь этих двух понятий,

сколько интегральный индекс качества вуза. Экспликация этической, моральной составляющей в общественных дискуссиях о репутации вместе с ее рейтинговой формулой является определенным трендом и показателем критического отношения к этому понятию в социальной среде.

Исследование выполнено на средства гранта РФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете имени Им. Канта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Baumert J., Naumann J., Roeder P.M.** Reputation – A Hard-Currency Medium in Interchange // *Scientometrics*. 1990. Vol. 19, no. 5-6. Pp. 397-408. DOI: 10.1007/BF02020702
2. **Conard M.J., Conard M.A.** An analysis of academic reputation as perceived by consumers of higher education // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2000. 9, 4, P. 69-80.
3. **Todd D., Denisi A.S.** Exploring scholarly reputation: It is more than just productivity // *Scientometrics*. 2004. Vol. 60, no. 2. Pp. 249-272. DOI: 10.1023/B:SCIE.0000027796.55585.61
4. **Чернявская В.Е.** Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2012. 128 с.
5. **O'Loughlin D., MacPhail A., Msetfi R.** The Rhetoric and Reality of Research Reputation: 'Fur Coat and No Knickers' // *Studies in Higher Education*. 2015. Vol. 40, no. 5. Pp. 806-820. DOI: 10.1080/03075079.2013.842224
6. **Origg G.** A Social Epistemology of Reputation, Social Epistemology // *A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. 2012. Vol. 26, no. 3-4. Pp. 399-418. DOI: 10.1080/02691728.2012.727193
7. **Lange D., Lee P.M., Dai Y.** Organizational Reputation: A Review // *Journal of Management*. 2010. Vol. 37, no. 1. Pp. 153-184.
8. **Kearns A., Kearns O., Lawson L.** Notorious Places: Image, Reputation, Stigma. The Role of Newspapers in Area Reputations for Social Housing Estates // *Housing Studies*. 2013. Vol. 28, no. 4. Pp. 579-598. DOI: 10.1080/02673037.2013.759546
9. **Christensen T., Gornitzka E., Ramirez F.O.** Reputation Management, Social Embeddedness and Rationalization of Universities // *Universities as Agencies. Reputation and Professionalization*, Palgrave Macmillan (eBook). 2019. Pp. 3-43. DOI: 10.1007/978-3-319-92713-8
10. **Fombrun C.J.** Reputation: Realizing Value from the Corporate Image. Harvard. Harvard Business School Press. 1996.
11. **Grimaldo F., Paolucci M., Sabater-Mir J.** Reputation or Peer Review? The role of outliers // *Scientometrics*. 2018. V. 116, no. 3. Pp. 1421-1438.
12. **Franck G.** The scientific economy of attention: novel approach to the collective rationality of science // *Scientometrics*. 2002. Vol. 55. №1. P. 3-26.
13. **Christensen T., Gornitzka E.** Reputation Management in Complex Environments – A Comparative Study of University Organizations // *Higher Education Policy*. 2016. Vol. 30, no. 1. Pp. 124-140. DOI: 10.1057/s41307-016-0010-z
14. **Drori G., Delmestri G., Oberg A.** Branding the University: Relational Strategy of Identity Construction in a Competitive Field // P. Scott & L. Engwall (Eds.), *Trust in Higher Education Institutions*. London: Portland Press. 2013. Pp. 134-147.
15. **Finch D., McDonald S., Staple J.** Reputational Interdependence: an Examination of Category Reputation in Higher Education // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2013. Vol. 23, no. 1. Pp. 34-61.
16. **Righi S., Taka'cs K.** The miracle of peer review and development in science: An agent-based model // *Scientometrics*. 2017. №113. P. 587-607.
17. **Herman E., Nicholas D.** Scholarly Reputation Building in The Digital Age: An Activity-Specific Approach // *El Profesional de la Información*. 2020. Vol. 29, no. 1. URL: <https://recyt.fecyt.es/index.php/EPI/article/view/epi.2019. ene.02> (дата обращения: 01.02.2020).
18. **Veloutsou C., Lewis J.W., Paton R.** University Selection: Information Requirements and Importance // *International Journal of Educational Management*. 2004. Vol. 18, no. 3. Pp. 160-171.
19. **Камшилова О.Н., Чернявская В.Е.** «Академическая репутация»: корпусный анализ понятия в российском общественном дискурсе 2000-2011 гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021 (в печати).

20. **Чернявская В.Е.** Плагиат как социокультурный феномен // Известия Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. 2011. №3 (69). С. 26-31.

21. **Чернявская В.Е.** Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. №50. С. 135-148. DOI: 10.17223/19986645/50/9

22. **Чернявская В.Е.** Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации. СПб. 2000.

23. **Камшилова О.Н.** Лингвистический объект в интерпретации корпусных технологий: в пользу доказательной парадигмы // Прикладная лингвистика в науке и образовании лингвистические технологии и инновационная образовательная среда. СПб. 2010. С. 84-96.

24. **Камшилова О.Н.** Малые формы научного текста: ключевые слова и аннотация (информационный аспект) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. №156. С. 106-117.

Статья поступила в редакцию 05.02.2020 г.

REFERENCES

1. **J. Baumert, J. Naumann, P.M. Roeder**, Reputation – A Hard-Currency Medium in Interchange // *Scientometrics*. 1990. Vol. 19, no. 5-6. Pp. 397-408. DOI: 10.1007/BF02020702

2. **M.J. Conard, M.A. Conard**, An analysis of academic reputation as perceived by consumers of higher education // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2000. 9, 4, P. 69-80.

3. **D. Todd, A.S. Denisi**, Exploring scholarly reputation: It is more than just productivity // *Scientometrics*. 2004. Vol. 60, no. 2. Pp. 249-272. DOI: 10.1023/B:SCIE.0000027796.55585.61

4. **V.Ye. Chernyavskaya**, Diskurs vlasti i vlast diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya [Discourse of Power and Power of Discourse]. M.: Flinta, 2012.

5. **D. O'Loughlin, A. MacPhail, R. Msetfi**, The Rhetoric and Reality of Research Reputation: 'Fur Coat and No Knickers' // *Studies in Higher Education*. 2015. Vol. 40, no. 5. Pp. 806-820. DOI: 10.1080/03075079.2013.842224

6. **G. Origi**, A Social Epistemology of Reputation, *Social Epistemology* // *A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. 2012. Vol. 26, no. 3-4. Pp. 399-418. DOI: 10.1080/02691728.2012.727193

7. **D. Lange, P.M. Lee, Y. Dai**, Organizational Reputation: A Review // *Journal of Management*. 2010. Vol. 37, no. 1. Pp. 153-184.

8. **A. Kearns, O. Kearns, L. Lawson**, Notorious Places: Image, Reputation, Stigma. The Role of Newspapers in Area Reputations for Social Housing Estates // *Housing Studies*. 2013. Vol. 28, no. 4. Pp. 579-598. DOI: 10.1080/02673037.2013.759546

9. **T. Christensen, E. Gornitzka, F.O. Ramirez**, Reputation Management, Social Embeddedness and Rationalization of Universities // *Universities as Agencies. Reputation and Professionalization*, Palgrave Macmillan (eBook). 2019. Pp. 3-43. DOI: 10.1007/978-3-319-92713-8

10. **C.J. Fombrun**, Reputation: Realizing Value from the Corporate Image. Harvard. Harvard Business School Press. 1996.

11. **F. Grimaldo, M. Paolucci, J. Sabater-Mir**, Reputation or Peer Review? The role of outliers // *Scientometrics*. 2018. V.116, no. 3. Pp. 1421-1438.

12. **G. Franck**, The scientific economy of attention: novel approach to the collective rationality of science // *Scientometrics*. 2002. Vol. 55. №1. P. 3-26.

13. **T. Christensen, E. Gornitzka**, Reputation Management in Complex Environments – A Comparative Study of University Organizations // *Higher Education Policy*. 2016. Vol. 30, no. 1. Pp. 124-140. DOI: 10.1057/s41307-016-0010-z

14. **G. Drori, G. Delmestri, A. Oberg**, Branding the University: Relational Strategy of Identity Construction in a Competitive Field // P. Scott & L. Engwall (Eds.), *Trust in Higher Education Institutions*. London: Portland Press. 2013. Pp. 134-147.

15. **D. Finch, S. McDonald, J. Staple**, Reputational Interdependence: an Examination of Category Reputation in Higher Education // *Journal of Marketing for Higher Education*. 2013. Vol. 23, no. 1. Pp. 34-61.

16. **S. Righi, K. Taka'cs**, The miracle of peer review and development in science: An agent-based model // *Scientometrics*. 2017. №113. P. 587-607.

17. **E. Herman, D. Nicholas**, Scholarly Reputation Building in The Digital Age: An Activity-Specific Approach // El Profesional de la Información. 2020. Vol. 29, no. 1. URL: <https://recyt.fecyt.es/index.php/EPI/article/view/epi.2019. ene.02> (data obrashcheniya: 01.02.2020).

18. **C. Veloutsou, J.W. Lewis, R. Paton**, University Selection: Information Requirements and Importance // International Journal of Educational Management. 2004. Vol. 18, no. 3. Pp. 160-171.

19. **O.N. Kamshilova, V.Ye. Chernyavskaya**, «Akademicheskaya reputatsiya»: korpusnyy analiz ponyatiya v rossiyskom obshchestvennom diskurse 2000-2011 gg. [Academic Reputation in Russian Discourse: a corpus-based analysis of social practice in the 2000-2011's] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]. 2021 (v pechati [in print]).

20. **V.Ye. Chernyavskaya**, Plagiat kak sotsiokulturnyy fenomen [Plagiarism as a Sociocultural Phenomenon] // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov. 2011. №3 (69). S. 26-31.

21. **V.Ye. Chernyavskaya**, Metodologicheskiye vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike [Towards methodological application of Discourse Analysis in Corpus-driven Linguistics] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]. 2017. №50. S. 135-148. DOI: 10.17223/19986645/50/9

22. **V.Ye. Chernyavskaya**, Intertekstualnost kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v nauchnoy kommunikatsii [Intertextuality as a text text-shaping category in academic communication (based on the German text material)]. SPb. 2000.

23. **O.N. Kamshilova**, Lingvisticheskiy obyekt v interpretatsii korpusnykh tekhnologiy: v polzu dokazatelnoy paradigmy [Corpus Technologies for Interpretation of Linguistic Objects] // Prikladnaya lingvistika v nauke i obrazovanii lingvisticheskiye tekhnologii i innovatsionnaya obrazovatel'naya sreda [Applied Linguistics in Research and Education: Linguistic technologies and educational environment]. SPb. 2010. S. 84-96.

24. **O.N. Kamshilova**, Malye formy nauchnogo teksta: klyuchevyye slova i annotatsiya (informatsionnyy aspekt) [Minor Forms of Academic Text: Keywords and Abstract (Informational Aspect)] // Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. 2013. №156. S.106-117.

Received 05.02.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Камшилова Ольга Николаевна
Kamshilova Olga N.
E-mail: onkamshilova@gmail.com

Чернявская Валерия Евгеньевна
Chernyavskaya Valeria E.
E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020

DOI: 10.18721/JHSS.11106

УДК: 378.016:81

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВЫПУСКНИКА МАГИСТРАТУРЫ

Н.В. Вишневецкая

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Постановка проблемы. В статье ставится вопрос о правомочности усиления социолингвистической составляющей коммуникативной компетенции в процессе реформирования языковой подготовки студентов магистратуры в связи со значимыми общественными трансформациями. Методология. С применением методов критического и сопоставительного анализа имеющихся исследований, учета передового отечественного и зарубежного опыта в области передовых лингвообразовательных практик выявлены тенденции в изменении коммуникативного «портрета» человека и переориентации обучения иностранным языкам в сторону формирования личности, готовой к социолингвистической вариативности межкультурной коммуникации. Результаты исследования. В публикации обоснованы причины необходимости укрепления позиций социолингвистической компетенции в структуре коммуникативной компетенции выпускника магистратуры и предложен ретроспективный анализ причин усиления интереса к социолингвистическим параметрам общения. Особое внимание уделяется профессиональному признаку речевого поведения как репрезентации социолингвистических различий коммуникантов. Выводы. Обоснована необходимость исследования в лингводидактических целях социолингвистических параметров профессионального речевого общения человека.

Ключевые слова: социолингвистическая компетенция, межкультурная коммуникация, коммуникативный портрет выпускника вуза, профессиональная языковая вариативность, социолингвистические параметры коммуникации

Ссылка при цитировании: Вишневецкая Н.В. Социолингвистические параметры коммуникативной компетенции выпускника магистратуры // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, №1. С. 81-89. DOI: 10.18721/JHSS.11106

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

SOCIOLINGUISTIC PARAMETERS OF A MASTER'S COMMUNICATIVE COMPETENCE

N.V. Vishnevetskaya

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Problem. The article discusses the relevant extension of the sociolinguistic component of communicative competence in the process of reformatting the training of L2 students in connection with significant social transformations. Methodology. To identify the trends that modify a person's communicative "portrait", and the redirection of language learning, into the development of a personality prepared for sociolinguistic variety of intercultural communication, the article uses the methods of critical and comparative analysis of present research and consideration of leading Russian and foreign experience in the sphere of innovative educational practices. Results. The study introduces the disquisition on the necessary reasons to assertiveness of the sociolinguistic competence, and describes the retrospective view on the interest in sociolinguistic parameters of communication. Special attention is paid to the professional pattern of the verbal behavior as the representation of sociolinguistic

differences between communicants. Recent dissertations on forming sociolinguistic competence have been analysed. Implications. It is concluded that it is necessary to extend the tendency to take the sociolinguistic parameters of communication into consideration while L2 training.

Keywords: sociolinguistic competence, intercultural communication, communicative portrait of a graduate, professional linguistic variety, sociolinguistic parameters of communication

Citation: N.V. Vishnevetskaya, Sociolinguistic Parameters of a Master's Communicative Competence, Society. Communication. Education, 11 (1) (2020) 81-89. DOI: 10.18721/JHSS.111106

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

В XXI в. человечество вступило в эру глобализационных трансформаций, в этой связи в различных профессиональных сферах наблюдается стремление к разноаспектному международному сотрудничеству. Лингводидактика не остаётся в стороне, она активно реагирует на общемировой запрос в области изменений в системе и структуре языкового образования, что выражается в переосмыслении процесса обучения иностранным языкам (далее – ИЯ) с точки зрения его (обучения) большего соответствия антропоцентрической ориентированности научного знания.

На сегодняшний день в качестве основы для формирования и формулирования результативно-целевого компонента обучающей системы, соответствующего современным требованиям качества образования, утвердился компетентностный подход [1, с. 268], действующий в единой (глобальной) системе языкового образования. Компетенции, необходимые человеку при оперировании ИЯ в ходе общения, подробно описаны в документе «Common European Framework of Reference for Language: learning, teaching, assessment. Companion volume with new descriptors» (2018) (далее – CE-FR). Сравнение данного программного документа с его первоначальной версией (1986) позволяет определить не только то, какие изменения в него внесены, но и что именно послужило причиной таких трансформаций в области фиксации уровней владения иностранными языками. Наибольшие модификации связаны с *социолингвистической* составляющей коммуникативной компетенции; в обновлённом варианте она подвергается особенно тщательному (и даже приоритетному) рассмотрению. Социолингвистические умения, которые входят в состав социолингвистической компетенции (далее – СЛК), позиционируются как необходимые для результативности межкультурного общения [2, 2018]. Следует, тем самым, заключить, что в общеевропейском формате компетенции человека, владеющего иностранным языком, должны быть *социально* заостренными, они обусловлены *социальными* обстоятельствами общения и вне их существовать не могут.

Усиление значимости социолингвистических параметров коммуникативного «портрета» человека, владеющего иностранным языком на уровне решения профессиональных задач, вызвана объективными обстоятельствами: интенсификацией межкультурного общения между представителями различных лингвосоциумов, международной кооперацией (коллаборацией) культурно-языковых и профессиональных сообществ, расширением программ студенческого обмена между разными странами, особенно участниками Болонской системы образования. В связи с этими изменениями для европейского сообщества первостепенное значение приобретает способность человека к взаимодействию в разнообразных ситуациях, в которых такие черты, как роли участников общения, обстановка, коммуникативная цель и т. д. в большой степени влияют на выбор языковых средств [3, с. 8]. В этой связи в последнее время появляется все больше исследований, направленных на изучение социолингвистического репертуара человека [4, 5, 6].

Постановка проблемы

Изучение социолингвистических параметров речи человека, участвующего в межкультурном общении, является предметом исследования различных наук. Применительно к обучению

иностранным языкам студентов магистратуры проблема выявления статуса СЛК, ее дидактической природы, компонентного состава и, вследствие этого, уточнения содержания языкового образования является одной из приоритетных в силу ее слабой разработанности и одновременно растущей потребности в уточнении параметров речевого «портрета» выпускника данной ступени вуза. Решение проблемы позволит уточнить компоненты содержания языковой подготовки обучающихся на уровне магистратуры, обеспечить повышение уровня владения ими межкультурной профессиональной коммуникативной компетенцией.

Методология исследования

Методологической основой для исследования послужили теоретические разработки в области лингводидактики 2000-20-х гг. и социалингвистики 1970–2010-х гг., что позволило автору уточнить лингводидактический статус СЛК. Выявление социалингвистических параметров речевого поведения человека в ситуации межкультурного общения с иностранцем требует применения методов критического анализа литературы по проблеме, сравнения подходов к изучению СЛК в отечественной и зарубежной исследовательской практике, учета положительного опыта рассмотрения СЛК как феномена теории и методики обучения иностранным языкам.

Полученные результаты

С точки зрения социально значимых способностей человека, проживающего в единой Европе, в CEFR отражены необходимые для коммуниканта способности, представленные для каждого из уровней владения иностранным языком (далее перевод наш. – Н.В.):

- для А1: может установить базовый социальный контакт, используя простые формы приветствия, прощания и т. д.;
- для А2: способен к эффективной социализации на базовом уровне, использует простые общеупотребительные фразы в повседневных ситуациях;
- для В1: осознаёт и старается распознать наиболее значимые различия между обычаями, употреблением слов, мировоззрением, ценностями и верованиями, преобладающими в родном и иноязычном обществе;
- для В2: осознаёт и интерпретирует социокультурные/социалингвистические признаки и сознательно изменяет лингвистические формы выражения своей речи, чтобы правильно выразиться в той или иной ситуации;
- для С1: может подстроить уровень формализации своей речи в зависимости от социального контекста: официальный, неофициальный, разговорный;
- для С2: может успешно и свободно выполнять роль медиатора между говорящими на изученном языке и на родном, принимая во внимание социокультурные и социалингвистические различия [2, с. 138].

Применительно к отечественной системе высшего профессионального образования внимание к социально значимым компонентам иноязычной коммуникативной способности выпускника отмечено в целом ряде работ, в которых проблема развития соответствующих компетенций (межкультурной, социокультурной, лингвострановедческой, лингвокультурологической, этнокультурологической и др.) получила широкое освещение. Эти компетенции подробно исследуются в рамках различных подходов к обучению иностранному языку: лингвострановедческого (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Д. Томахин и др.), лингвокультурологического (В.П. Фурманова и др.), лингвопрагматического (А.В. Малёв), межкультурного (Н.Д. Гальскова, Е.Г. Тарева, С.Г. Тер-Минасова, И.И. Халева, Н.В. Языкова и др.), поликультурного (П.В. Сысоев), социокультурного (В.В. Сафонова, И.И. Лейфа, И.Э. Риске, И.К. Ярцева и др.), этнокультурологического (Л.М. Вырыпаева и т. д.). Исследования, проводимые в рамках данных подходов, представляют собой попытки решения

таких вопросов, как роль языка как источника национально-культурной информации, отбор аутентичных страноведческих материалов, обучение студентов безэквивалентной лексике, социально значимым маркерам произносительной стороны иноязычной речи, формирование у студентов способности воспринимать на слух речь, отмеченную акцентными и диалектными проявлениями и т. д.

Особый интерес у ученых вызывает вопрос выявления особых параметров и/или структуры социально обусловленных компетенций обучающихся. Овладение *социокультурной* компетенцией предполагает знакомство человека с культурным своеобразием страны изучаемого языка, социума в целом, с особенностями национального поведения, выражаемыми вербально и невербально¹. При этом фокус знаний и умений, входящих в состав данной компетенции, направлен в наибольшей степени на реалии культуры в ее общих очертаниях, а не на выявление и понимание социокультурного характера речевого поведения конкретного носителя языка, его речевого «портрета», в котором проявляются результаты индивидуального и социально обусловленного выбора языкового и речевого образа коммуникативной деятельности. В толковании *лингвокультурологической* компетенции присутствует бóльшая ориентация на способность изучающего ИЯ понимать национально-культурный компонент значения языковых единиц, на выражение в языке знаний об иной культуре, этнокультурных ценностях, на готовность к интерпретации этих фактов [7]. Подобная акцентуация свидетельствует о том, что о субъекте, обладающем лингвокультурологической компетенцией, в отечественной лингводидактике речь практически не ведется, и это подчёркивает провозглашаемую исследователями универсальность (обобщенность) коммуникантов, принадлежащих той или иной культуре; место индивидуальному своеобразие речевого поведения в данной научной концепции не отводится. В зарубежной трактовке обладающий *социальной* компетенцией субъект рассматривается в совокупности его индивидуальных характеристик [8, с. 32], при этом в структуре компетенции, хотя и присутствует заостренность на субъекте, не делается акцент на *уникальный набор* его (субъекта) *языковых средств*, зависящий от особенностей того, с кем он взаимодействует, от обстоятельств диалога, контекста и сферы происходящей коммуникации. Тем самым, социолингвистический характер общения, обусловленный особыми контекстными характеристиками диалога, находится вне сферы внимания исследователей.

Выявленные факты позволяют сделать ряд значимых выводов. Во-первых, формирование у обучающихся социально ориентированных компетенций на сегодняшний день является востребованной проблемой, решение которой способно повысить качество подготовки выпускников вузов к профессионально значимому межкультурному диалогу. Во-вторых, ни одна из рассматриваемых исследователями компетенций не предполагает учёт особенностей отдельно взятого коммуниканта как носителя не только культуры, но и своего обусловленного социальной активностью опыта. В-третьих, авторы не принимают в расчет социально-профессиональную принадлежность человека, выраженную в его коммуникативных поступках.

Компенсировать выявленные пробелы, значимые для процесса подготовки студентов вузов к участию в межкультурной коммуникации, призвана концепция целенаправленного формирования *социолингвистической компетенции* (далее – СЛК). Впервые данная компетенция начала исследоваться в составе коммуникативной компетенции в зарубежной лингвистике в интерпретации М. Канейл и М. Суэйн, которые определили, что она предполагает «знание правил использования языка» [9, с. 4]. Современные зарубежные исследователи (K.L. Geeslin) принимают СЛК в качестве важнейшего компонента коммуникативной компетенции, отвечающего за *восприятие* и *понимание* намерений собеседника. Очевидна роль учета

¹Сафонова, В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку: автореф. дис. ...д-ра пед. наук: 13.00.02. Москва: 1993. С. 29.

социолингвистической вариативности и для *порождения* речи: недостаточное понимание или игнорирование (как малозначимой) лингвистической вариативности может сопровождаться негативными последствиями при продуцировании высказывания (об этом подробно см. [10, 11]).

С позиций научной историографии становится понятно, что интенсификация исследований в области социолингвистики связана с развитием идеи о том, что существует разница между лингвистическим выражением мысли говорящих на одном и том же языке. Исследователи (Э. Сепир, Д. Хаймс, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ш. Балли, Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский) стали всё пристальнее изучать факты отражения социального мира в процессе *межкультурной* коммуникации. Учёными активно проводился поиск особенностей речевой вариативности и были выделены различные языковые вариации, относящиеся к национальной, половой, возрастной и другим типам принадлежности. Особо стоит отметить *профессиональную вариативность языка*, которая упоминалась в различных исследованиях (А.Д. Швейцер, Э. Сепир, М. Канейл, М. Суэйн, В.И. Беликов, Л.П. Крысин). Но при этом целостной концепции социально-профессиональной обусловленности межкультурной коммуникации в работах авторов ни в России, ни за рубежом представлено не было.

Отчасти (применительно к родному языку специалиста) подобный ракурс рассмотрения, взятый в психолингвистическом аспекте исследования, представлен в работах С.В. Мыскина, изучающего вопросы языковой профессиональной личности [12], языкового и неязыкового профессионального сознания [13], формирования профессионального языкового образа мира [14]. Несмотря на ограниченный (пока) круг вопросов, связанных с социально-профессиональной репрезентацией лингвистических особенностей поведения человека в условиях межкультурного общения, очевидно одно – данный вопрос требует пристального внимания ученых различных областей научного знания: лингвистов, психологов, специалистов в области лингводидактики. Особенную значимость решение данного вопроса имеет для целей совершенствования профессионального обучения иностранному языку. Очевидно, что профессиональный признак речевого поведения является репрезентацией социолингвистических различий коммуникантов, значит, языковая подготовка в вузе должна быть ориентирована на обучение студентов профессиональной языковой вариативности, функционирующей в рамках соответствующего дискурса и делающей последний уникальным по своим параметрам.

В отечественной лингводидактике проблема *формирования СЛК* у студентов вузов находится в стадии первоначальных (диагностирующе-описательных) исследований. Лишь в последнее время данная компетенция начала активно рассматриваться в контексте социолингвистического подхода к обучению ИЯ, ведущей стратегией которого заявлено «обучение вариантам языка на основе учета социального контекста общения» [15, с. 310]. И интерес в лингводидактике к СЛК неслучаен, он обусловлен особыми параметрами межкультурной коммуникации, которая предполагает, что участник общения оказывается погружен «в систему сложных, неоднозначных, противоречивых отношений, которые заведомо определяют его столкновение с существенными трудностями. Трудности эти вызваны наличием факторов несовпадения у партнёра по общению ценностей, представлений и мнений, взглядов на одни и те же события и явления, отсутствием симметрии в социокультурных и *социолингвистических* параметрах взаимодействия представителей различных лингвокультур. Отсюда – потребность в подготовке студентов к социокультурной и *социолингвистической вариативности* межкультурной коммуникации» (выделено автором публикации) [11, с. 60].

Анализ работ, в которых СЛК обучающихся подвергалась исследованию с разной степенью полноты и глубины постижения вопроса, показал основные векторы изучения сущности данного феномена (табл. 1).

**Таблица 1. Ракурс современных лингводидактических исследований
социолингвистической компетенции**
Table 1. View of modern linguodidactic studies of sociolinguistic competence

Авторы	Контекст рассмотрения, ракурс исследований	Профессиональный компонент СЛК	На материале языка
Синица Ю.А. ¹	Устное иноязычное общение, студенты неязыковых вузов	–	французский
Исенко И.А. ²	Устная диалогическая речь, продуктивный компонент СЛК	–	испанский
Лапина В.Е. ³	Аудирование; языковой вуз; рецептивный компонент СЛК	–	английский
Нечаева Е.С. ⁴	СЛК учителя ИЯ; социолингвистическая восприимчивость, социофонетический компонент СЛК	Определение профессиональной СЛК не приводится; но профессиональный статус коммуниканта упомянут	английский
Бобрикова О.С. ⁵	Профессиональная деятельность переводчика	Выделяется СЛК конкретного профессионала (переводчика); определение профессиональной СЛК не приводится	английский

Выводы и заключения

Проведенный анализ работ позволил прийти к ряду значимых для переформатирования языковой подготовки студентов вузов (на уровне магистратуры) выводов. Во-первых, назрело противоречие между необходимостью изучения профессионально обусловленной СЛК выпускника и недостаточным осмыслением статуса и особенностей данной компетенции в методике преподавания ИЯ. Более того, очевидна потребность в изучении СЛК применительно к конкретным профессиям. Положительная тенденция в решении этой проблемы явно наметилась (имеются в виду исследовательские попытки Е.С. Нечаевой и О.С. Бобриковой), и она (эта тенденция) нуждается в своем расширении и углублении.

Во-вторых, СЛК предпочтительно исследуется как способность к продуктивной (применительно к обучению говорению) речевой деятельности человека. Только в одной из работ (В.Е. Лапиной) внимание концентрируется на рецептивном аспекте / компоненте СЛК обучающегося. Следует добавить, что роль СЛК для рецептивной деятельности поддерживается авторами CEFR, которые вводят в ее структуру «знания и умения, необходимые для понимания социальных особенностей использования языка» [2, с. 137].

В-третьих, толкования СЛК студента приводятся в абсолютном большинстве чрезмерно обобщенно без должной акцентуации социально обусловленных факторов коммуникативного процесса, индивидуальных параметров деятельности конкретного представителя определенной социальной (например, профессиональной) группы. В такой обобщенности, безусловно, есть научный смысл: необходимо опираться на тот генерализированный образ СЛК студента, который является отправным, базовым для последующей нюансировки ее (компетенции) компонентов

¹Синица, Ю.А. Формирование социолингвистической компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению студентов неязыковых вузов: в контексте национальной культуры Франции: дис. ... канд. пед. Наук: 13.00.02. Москва, 2000. 337 с.

²Исенко, И.А. Методика формирования социолингвистической компетенции в устном иноязычном общении студентов языковых факультетов педагогических вузов: на материале испанского языка: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 2007. 337 с.

³Лапина, В.Е. Методика формирования социолингвистической компетенции на материале аудиотекстов (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 2010. 197 с.

⁴Нечаева, Е.С. Методика формирования социолингвистической компетенции студентов языковых факультетов педагогических вузов на основе социофонетического компонента дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 2010. 216 с.

⁵Бобрикова О.С. Формирование социолингвистической компетенции будущих переводчиков: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 – Тула, 214. 206 с.

в приложении к конкретным обстоятельствам коммуникативной деятельности участника межкультурного общения. Одновременно следует расширить проблемное поле исследования СЛК обучающегося, обращая внимание на проявление компетенции в различных средах и сферах человеческого взаимодействия, прежде всего в контексте профессиональной деятельности субъекта.

В-четвертых, напрашивается вывод о том, что, исходя из имеющегося состояния дел, сами преподаватели ИЯ либо не обладают соответствующей СЛК, либо не владеют технологиями ее формирования у студентов. Возникает, тем самым, насущная проблема *формирования социолингвистической компетенции преподавателя ИЯ*, которая, прежде всего, позволит ему чувствовать себя комфортно во взаимодействии с зарубежными коллегами, оперирующими единицами (профессиональный жаргон, например, прецедентные аббревиатуры и пр.), социолингвистически «привязывающими» их к конкретному профессиональному контексту. Именно обладание СЛК способно наделить преподавателя, участвующего в диалоге культур, тем репертуаром коммуникативных умений, который поможет ему справиться с трудностями межкультурной коммуникации и стать её полноценным участником. Кроме того, опыт социолингвистического варьирования речевых действий позволит преподавателю понимать роль и значимость присвоения подобного опыта студентами, готовящимися к профессиональной деятельности.

Итак, необходимость использования иноязычной профессиональной речи и успешное оперирование единицами профессионального лексикона представляется одним из важнейших обстоятельств межкультурного диалога в насыщенных интернациональными контактами реалиях. В европейском и российском исследовательском научном тезаурусе начинает крепнуть тенденция, свидетельствующая о необходимости обращения внимания на социолингвистическую параметризацию общения и подготовку обучающихся к социально-вариативным обстоятельствам межкультурного диалога. Данная тенденция, несомненно, нуждается в укреплении и расширении. Более того, возникла и стала очевидной потребность в социолингвистическом «измерении» речевого/коммуникативного портрета профессионала в той или иной области с целью уточнения целевых и содержательных параметров лингвообразовательной среды, нуждающейся в постоянной корректировке своих ценностных доминант.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тарева Е.Г., Тарев Б.В.** Сущность лингводидактических компетенций в структуре профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. №10. С. 268-276.
2. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. Companion volume with new descriptors. Council of Europe, Strasbourg, 2018.
3. **Ek van J.A.** Waystage 1990: Council of Europe Conseil de L'Europe. New York: Cambridge University Press, 1990.
4. **Beckett D.** Sociolinguistic Individuality in a Remnant Dialect Community, Journal of English Linguistics. 31(1) (2003) 3-33. DOI: 10.1177/0075424202250294
5. **Donnelly M., Baratta A., Gamsu S.** A sociolinguistic perspective on accent and social mobility in the UK teaching profession, Sociological Research Online. 2019. URL: [https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/a-sociolinguistic-perspective-on-accent-and-social-mobility-in-the-uk-teaching-profession\(a11821c6-90ee-499c-8678-9030135baf5a\).html](https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/a-sociolinguistic-perspective-on-accent-and-social-mobility-in-the-uk-teaching-profession(a11821c6-90ee-499c-8678-9030135baf5a).html) (accessed: 25.01.2020). DOI: 10.1177/1360780418816335
6. **Geeslin K.L., Long A.Y.** Sociolinguistics and Second Language Acquisition. Learning to Use Language in Context, New York, NY: Routledge, 2014.
7. **Харченкова И.В.** Концепция формирования лингвокультурологической компетенции студентов языковых факультетов на материале креолизованных текстов при обучении немецкому языку // Современные проблемы науки и образования – 2013. №6. URL: <http://science-education.ru/113-10867> (дата обращения: 25.01.2020).

8. **Ek van J.A.** Objectives for foreign language learning, Council of Europe, 2001.
9. **Canale M., Swain M.** Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing, Applied Linguistics. 1 (1980) 1-47. DOI: 10.1093/applin/I.1.1
10. **Тарева Е.Г.** Подготовка студентов к социокультурной и социолингвистической вариативности межкультурной коммуникации // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Симферополь, 2018. С. 58-63.
11. **Тарева Е.Г.** Устная межкультурная коммуникация: проблемы трудностей понимания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. №1. С. 71-82. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.1
12. **Мыскин С.В.** Языковая профессиональная личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №12-1 (30). С. 150-157.
13. **Мыскин С.В.** Профессиональное сознание: языковое и неязыковое // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №12-2 (30). С. 135-140.
14. **Мыскин С.В.** Формирование профессионального языкового образа мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №5-2 (47). С. 122-129.
15. **Тарева Е.Г.** Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // Язык и Культура. 2017. №40. С. 302-320. DOI: 10.17223/19996195/40/22

Статья поступила в редакцию 05.02.2020 г.

REFERENCES

1. **E.G. Tareva, B.V. Tarev**, Sushchnost lingvodidakticheskikh kompetentsiy v strukture professionalnoy kompetentnosti prepodavatelya inostrannogo yazyka [Specific features of lingvodidactic competence and its place in the structure of a foreign language teacher professional competence], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 10 (2007) 268-276.
2. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. Companion volume with new descriptors. Council of Europe, Strasbourg, 2018.
3. **J.A. Ek van**, Waystage 1990: Council of Europe Conseil de L'Europe. New York: Cambridge University Press, 1990.
4. **D. Beckett**, Sociolinguistic Individuality in a Remnant Dialect Community, Journal of English Linguistics. 31(1) (2003) 3-33. DOI: 10.1177/0075424202250294
5. **M. Donnelly, A. Baratta, S. Gamsu**, A sociolinguistic perspective on accent and social mobility in the UK teaching profession, Sociological Research Online. 2019. URL: [https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/a-sociolinguistic-perspective-on-accent-and-social-mobility-in-the-uk-teaching-profession\(a-11821c6-90ee-499c-8678-9030135-baf5a\).html](https://www.research.manchester.ac.uk/portal/en/publications/a-sociolinguistic-perspective-on-accent-and-social-mobility-in-the-uk-teaching-profession(a-11821c6-90ee-499c-8678-9030135-baf5a).html) (accessed: 25.01.2020). DOI: 10.1177/1360780418816335
6. **K.L. Geeslin, A.Y. Long**, Sociolinguistics and Second Language Acquisition. Learning to Use Language in Context, New York, NY: Routledge, 2014.
7. **I.V. Kharchenkova**, Kontseptsiya formirovaniya lingvokulturologicheskoy kompetentsii studentov yazykovykh fakultetov na materiale kreolizovannykh tekstov pri obuchenii nemetskomu yazyku [Concepts of developing the cultural linguistic competence of L2 German students in language faculties based on creolized texts], Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 6 (2013). URL: <http://science-education.ru/113-10867> (accessed: 25.01.2020).
8. **J.A. Ek van**, Objectives for foreign language learning, Council of Europe, 2001.
9. **M. Canale, M. Swain**, Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing, Applied Linguistics. 1 (1980) 1-47. DOI: 10.1093/applin/I.1.1
10. **E.G. Tareva**, Podgotovka studentov k sotsiokulturnoy i sotsiolingvisticheskoy variativnosti mezhkulturnoy kommunikatsii [Preparation of students for socio-cultural and sociolinguistic variability of intercultural communication] Inostrannaya filologiya. Sotsialnaya i natsionalnaya variativnost yazyka i literatury. Simferopol, 2018. 58-63.
11. **E.G. Tareva**, Ustnaya mezhkulturnaya kommunikatsiya: problemy trudnostey ponimaniya [Intercultural communication: problems with listening comprehension], Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaneya i pedagogiki. 1 (2018) 71-82. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.1
12. **S.V. Myskin**, Yazykovaya professionalnaya lichnost [Linguistic professional personality], Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 12-1(30) (2013) 150-157.

13. **S.V. Myskin**, Professionalnoye soznaniye: yazykovoye i neyazykovoye [Professional consciousness: linguistic and nonlinguistic], Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 12-13(30) (2013) 135-140.

14. **S.V. Myskin**, Formirovaniye professionalnogo yazykovogo obraza mira [Formation of professional language image of the world], Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 5-2(47) (2015) 122-129.

15. **Ye.G. Tareva**, Sistema kulturosoobraznykh podkhodov k obucheniyu istrannomu yazyku [The system of culture-based approaches to foreign language teaching], Yazyk i Kultura. 40 (2017) 302-320. DOI: 10.17223/19996195/40/22

Received 05.02.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Вишневецкая Наталья Владимировна

Vishnevetskaya Natalya V.

E-mail: vish_natalya@mail.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020

DOI: 10.18721/JHSS.11107

УДК: 372

СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ LEARNING BY DOING

О.А. Сулейманова, А.А. Водяницкая

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Современные сетевые технологии в значительной степени определяют реальность, в том числе образовательную среду, наиболее чувствительную к инновациям, поскольку молодежная целевая группа (т. н. поколение Z, миллениалы) органично включена в глобальное информационное пространство. Постоянно идущие инновационные процессы и изменения также оказывают значительное влияние на данную группу населения, а синергетическое взаимодействие и взаимовлияние данных двух факторов оказывают решающее влияние на образовательный потенциал современного студента. В статье рассматриваются параметры, релевантные с точки зрения перспектив обучения современного студента, которые должны быть учтены в практике преподавания. Так, слабая способность современного студента сосредотачиваться на теме в течение длительного времени заставляет искать новые возможности и методики преподавания, учитывающие данную реальность: получают развитие концепции типа a few shots learning, проектного обучения (project-based learning – PBL), активного обучения active learning (AL). Несмотря на то, что данные модели не являются принципиально новыми, они однако нуждаются в практической разработке применительно к новым условиям, когда преподавание / обучение становится все более практически ориентированным, фокусируясь на вовлечении студентов в смоделированные события (т. н. mock events) и затем реальные мероприятия с выходом в практику, такие как конференции в качестве активных участников и партнеров. Авторы описывают свой опыт вовлечения студентов в такие практики, предлагают оптимизировать стратегии презентации постерных докладов и другие формы активного обучения.

Ключевые слова: цифровые ресурсы, образовательный блог, активное обучение, проектное обучение

Ссылка при цитировании: Сулейманова О.А., Водяницкая А.А. Сетевые технологии в системе обучения learning by doing // Общество. Коммуникация. Образование. Т. 11, №1. С. 90-99. DOI: 10.18721/JHSS.11107

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

DIGITAL ENGINES IN LEARNING BY DOING EDUCATION FORMAT

O.A. Suleimanova, A.A. Vodyanitskaya

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

The problem. The global digital world effects the educational environment in many respects. First of all, educators are faced with the new generation of students, or millennials / centennials who are often referred to as digital natives. The key features they share is they are practically oriented, less concentrated, digitally obsessed and need other motivators than the previous generations. It implies that education technologies have to keep pace with that.

The method. The authors suggest trying traditional strategies in new perspectives, e. g. project-based learning; combine them with a new promising approach that seem to answer the students' aspirations, didactics-wise, i. e. the concepts of a few-shots learning, and active learning (AL). The paper focuses on elaboration of these approaches basing on the authors' teaching practices. In AL students are involved a

variety of research activities, inter alia, with the focus on digital technologies, they get ahead learning-by-doing.

Results. The authors suggested a tripartite division of digital engines that can be used in teaching / research practices: search engines per se, such as Google or text corpora, used for retrieving and collecting data; research engines used in linguistic experiments, and interactive ones, e. g. Mentimeter which can yield immediate research feedback in graphically diverse forms. Other digitally supported means were tested such as students' and teaching staff's blogs, their potential assessed.

Conclusion. Digital evolution-wise, students are able to master innovative digital technologies which will enable them with a variety of practically relevant skills in their professional future. The focus on active learning to be supported by cutting-edge technologies is a vital means in the educational environment.

Keywords: digital engines, active learning, centennials, education blog

Citation: O.A. Suleimanova, A.A. Vodyanitskaya, Digital Engines in learning-by-doing Education Format, Society. Communication. Education, 11 (1) (2020) 90-99. DOI: 10.18721/JHSS.11107

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

В глобальном контексте цифровой революции образование становится все более и более практически ориентированным. Практически повсеместно доступный мгновенный доступ к огромным массивам информации радикально меняет ориентацию образовательных траекторий от запоминания и слушания лекций к тому, чтобы вооружить современного студента инструментами, которые имеют практическую релевантность и будут востребованы в его профессиональной деятельности. Из этого следует, что преподаватели должны соответствовать новым требованиям общества. Одним из ключевых факторов, которые должны быть учтены в преподавании, является то, что современное быстро изменяющееся общество формирует заказ на специалиста, который способен быстро реагировать на постоянно изменяющуюся реальность. В противном случае новые поколения неизбежно попадают в эволюционный тупик. Верно также и то, что еще одним значимым фактором является зависимость обучающихся от современных гаджетов, когда человек может получать информацию просто «из воздуха», и у него нет необходимости запоминать целые пласты цивилизационного фонда, которые могут и не пригодиться в его дальнейшей жизни. При этом, вопреки распространенному представлению о том, что эта зависимость ведет к определенной деградации, следует признать, что, напротив, взаимодействие с современными гаджетами требует развития и совершенствования серьезных когнитивных и операциональных умений, релевантных в современной жизни, или что распространенный упрек современным пользователям гаджетов, в частности, телефонов, в социальной изолированности не вполне обоснован, поскольку многие из пользователей на самом деле находятся в регулярном взаимодействии с социумом, хотя и в новом формате. Новые поколения часто называют поколение Z, или цифророжденным поколением (digital natives), а также центенниалами (centennials). И одним из ключевых навыков, с которыми они практически рождаются, их alter ego составляет их способность добывать необходимую информацию немедленно как только в ней возникает необходимость. Как отмечает А. Константинов, здесь возникает опасность перегрузки мозга уже другой информацией, связанной с тем, что ресурсы мозга не безграничны, и они начинают тратиться уже на взаимодействие с цифровыми системами [1], а не на равным образом значимую деятельность, что приводит к нарушению когнитивного баланса. Ученые полагают, что изучение данного феномена составляет одну из ключевых задач современной когнитивной науки [1].

1. Особенности миллениалов в дидактической перспективе

Иными словами, поколение millennials / centennials, или Generation Y

- более практически ориентировано;
- это поколение, активно осваивающее знание и апробирующее его;

- оно способно сочетать различные виды практической деятельности;
- ориентировано на получение результата, или практический выход (не на учебные проекты) (см. подробно [2; 3; 4] и др.).

При этом то, что мы называем клиповым мышлением, необязательно представляет собой отрицательную характеристику и ведет к неспособности концентрироваться на задаче в течение длительного времени, это одновременно внутреннее осознание нерелевантности такой концентрации, которая требует затраты определенных усилий, тогда как имеется возможность доступа к неограниченным информационным ресурсам в любое время. И это фактор в значительной степени формирует когнитивную базу новых поколений. Дидактически, из этого следует, что студенты не готовы сосредотачиваться на лекциях на пассивном восприятии информации, поскольку они умеют сами извлекать ее по мере необходимости, пусть и во фрагментарном виде. Такой эволюционный скачок ведет к необходимости разработки новых обучающих форматов, например, так называемой модели *few-shots learning* [5; 6], или *active learning* [7], которая оказывается вполне эффективной. Иными словами, образовательное пространство и образовательные технологии, что отмечают многие авторы, нуждаются в переориентации на новые форматы.

2. Возможные форматы Active Learning в системе вузовской подготовки

Прежде всего, вместо лекций в формате «мудрец на сцене» (a sage-on-stage) разумно следовать концепции активного обучения, причем с опорой на систему *few shots learning*, которая предполагает, что студентам предлагается некоторая «порция» знания (это может быть теоретическое знание, которое вместе с тем представляет также некоторую практическую релевантность), на основе которой обучающиеся могут решать некоторую практически востребованную задачу. При этом практическая задача понимается широко, включая не только разбор практических примеров, т. е., представлять собой условно практическую задачу, но также решение исследовательских задач.

Во-вторых, эффективное обучение, как утверждают исследователи [8], становится все более ориентировано на командные технологии обучения, принимая форму *learning-by-doing*. Таким образом, в образовательной сфере все меньшее место уделяется абстрактному знанию.

Данная статья фокусируется на концепции *active learning* (AL) и его использовании в быстро меняющемся образовательном пространстве с целью активного вовлечения студентов в решение практических задач на основе полученного теоретико-методологического знания, причем в форме работы в команде.

2.1. Few-shots learning

Концепция *few-shots learning* [5; 6] основана в конечном счете на учете особенностей т. н. клипового восприятия, на установке на восприятие порций информации и смене формата взаимодействия после каждой порции информации, переключение на иной вид деятельности. Как отмечалось выше, в силу ряда объективных причин, сформировавших установки современного молодого человека, современный студент слабо концентрируется на активном восприятии поступающей информации в течение длительного времени, что заставляет подавать информацию порциями (назовем это *кванты знания*). Как представляется, лекционный формат можно «квантовать», например, применяя следующий формат – перед началом лекции – точнее, первые 35 минут – ставится задача выделить в ходе восприятия три ключевые кванта полученного знания, желательно профессионально релевантные. При этом акцент делается не на сообщении о том, о чем говорилось, а на том, что именно говорилось – например, на лекции курса введения в языкознание по теории Ф. де Соссюра от студента ожидается формулировка основных положений теории Соссюра, а не констатация того, о чем говорилось на лекции.

Таким образом, предлагаемый формат позволяет достичь

- активного восприятия информации (для того, чтобы выделить требуемые кванты полученного знания, необходимо оставаться активно включенным в поток информации);
- формирования навыка обработки информации и выделения релевантного и салиентного содержания;
- формирования письменного академического дискурса (чрезвычайно востребованного в современной профессиональной среде и обычно слабо развитого у выпускников средней школы).

2.2. Проектно-ориентированное обучение

Проектно-ориентированное обучение, или *PBL-learning* широко практикуется на различных уровнях обучения [8], его дидактический потенциал хорошо изучен и апробирован: отмечается, что посредством проектной деятельности у студентов формируется навык командной работы, умение выполнять работы в установленный срок соответствовать заданному хронотопу и ряд других профессионально релевантных качеств, включая формирование ответственного отношения к поставленной задаче, когда от своевременности и качества бесперебойно выполненной работы зависят другие члены команды. Так, в курсе общего языкознания – традиционно самого «теоретизированного» курса лингвистических специальностей – выполнение исследовательских проектов, отражающих основные темы и парадигмы курса общего языкознания, дает студентам возможность решить практическую исследовательскую задачу, выполнив анализ материала в формате одной из современных исследовательских методик. Например, студентам предлагалось выполнить дистрибутивный анализ языковых единиц, провести компонентный анализ, дискурсивный анализ некоторого материала, выполнить психолингвистический или социоллингвистический проект и др. [8]. Проекты осваивались в течение семестра и представлялись в конце курса в форме конкурса проектов, что создает определенную конкуренцию и повышает мотивацию студентов.

Проекты должны соответствовать современным требованиям и опираться на сетевые технологии, во-первых, при проведении исследования, во-вторых, при защите проекта.

2.2.2. Постер

Один из удачных инструментов при решении данной задачи, представления проектов – это использование постерных презентаций, наряду с формой доклада.

Создание постерной презентации позволяет, во-первых, освоить новую современную форму представления содержания, во-вторых, хорошо структурировать это содержание. При этом авторы использовали следующий формат, апробированный в рамках 54 Международного лингвистического коллоквиума, проводимого в МГПУ (сентябрь 2019): после пленарных докладов студентам (12 студентов) предоставляется возможность в течение одной минуты представить свой постер с тем, чтобы слушатели получили полное представление о тематике постерных докладов, что позволит при дальнейших обсуждениях в пространстве постерных презентаций выбрать заинтересовавший постер и оптимизировать не только выбор, но и обсуждение. При этом структура постера полностью соответствовала структуре научной статьи и обязательно включала необходимые разделы: введение, методика исследования, основные результаты и заключение. Дополнялся постер указанием контактов и обязательным QR-кодом.

Таким образом, обучение созданию постера как аспекту профессионально ориентированного умения получало выход в практику, что способствовало повышению мотивации у студентов и формировало практически профессионально значимое умение.

2.2.3. Редактирование текста

Практически значимым для переводчика оказывается также умение редактировать финальную версию текста – это специально отмечается в европейском стандарте подготовки переводчика [9].

Так, при подготовке переводчиков, исходя из принятого стандарта [9], ставится задача обучить принципам редактирования текста студентов как на уровне бакалавриата, так и магистратуры. При этом ориентированность на решение практической задачи как часть концепции активного обучения получает выражение в постановке практической задачи, а именно: объявляется конкурс среди студентов и магистрантов на написание научной статьи (структурированной в современном международном формате), в результате которого жюри в составе преподавателей отбирает работы к публикации и далее выстраивается дорожная карта этапов редактирования сборника статей – см. фрагмент дорожной карты ниже. Таким образом, все техническое и частично стилистическое редактирование выполняется полностью студентами (в рамках курса Основы научно-исследовательской деятельности), которые сдают отредактированный сборник на финальное научное редактирование. Стилистическое редактирование фокусируется на учете распространенных в академическом дискурсе аспирантов и студентов ошибок, например: пунктуационные ошибки (обособление финала причастного оборота и придаточного определительного предложения запятой, напротив, устранение запятой между подлежащим и сказуемым, устранение неуместного в академическом дискурсе экспрессивного пунктуационного обособления вводных слов и конструкций и др.), замена лексических маркеров экспрессивности на нейтральные единицы и др. [10].

См. фрагмент Дорожной карты:

Редактирование сборника на русском языке

Дорожная карта

Координатор ФИО (email)

Общая инструкция

После выполнения задания текст отправляется координатору на каждом этапе работы. Координатор сохраняет все версии, обозначая их соответственно от 1 до 18.

До (дата и время) отправить тексты статей, одобренные руководителем и зав кафедрой, старостам групп, старосты отправляют до * часов студентам / группам студентов, которые делают общую верстку (собирают статьи в один файл, строго по алфавиту), общую обложку (показать на кафедре), формирует раздел Оглавление / Содержание – в распечатанном виде на кафедру, антиплагиат по каждой статье – принести в распечатанном виде на кафедру.

Это делается до *дата и время)

Далее включается координатор и отправляет студентам по очереди, которые делают форматирование (поля, выравнивание, отступы), форматировать заголовки согласно заданному образцу. Следующий студент выверяет аннотации и ключевые слова (наличие этих разделов, форматирование; отделить ключевые слова точкой с запятой); далее выверяются библиографические списки (одинаково названы, выходные данные верны), корректируются ссылки в тексте и введение цитат (убирается прямая речь, слова типа *пишет*, *говорит*, вместо которых д.б. *упоминает*, *отмечает* и др.; формат упоминания имен: не писать **Петров отмечает*, вместо этого можно *Как отмечается в работе*, / *Как отмечают исследователи* и под. Следующий студент проверяет тире: вставляет тире вместо дефиса, убирает тире в предложениях типа: *Значение – это информация* и преобразует в: *значение представляет собой / является / можно определить как* и под.; далее проверяется наличие запятой после причастного оборота, убирается *также* в начале предложения; проверяется правильность написания *также* и *так же*, убирается в начале предложения *но*, *а*, *однако*, вставляется вместо них *вместе с тем*, *напротив*, и под.; убирается *не только*, *но и*, вставляется *наряду с* и т. д. – ФИО

Задается помимо даты / времени финальный срок сдачи текста.

Данная дорожная карта позволила в течение месяца подготовить сборник технически [11].

Таким образом, был подготовлен сборник работ для дальнейшего научного редактирования, студенты получили устойчивый навык редактирования текста, причем в ходе решения практически значимой задачи.

3. Сетевые исследовательские технологии

Сетевые исследовательские технологии приобретают особую значимость, поскольку, как справедливо отмечает В.Е. Чернявская, «объективность методов достигается как необходимый баланс между интерпретативными и формализованными подходами к языку... Доказательность связывается на современном этапе в том числе и с корпусно-ориентированной парадигмой» [12, с. 97]; лингвистика получает развитие именно за счет точных методик анализа [13, с. 31], что безусловно.

Среди сетевых исследовательских технологий мы предлагаем выделять три типа систем: во-первых, поисковые т. н. search engines. К числу таких систем относятся электронные библиотечные ресурсы, корпуса текстов и ресурсы типа Гугл, Яндекс и другие. Данные ресурсы широко используются студентами, просты в доступе. При этом исследователи отмечают ряд особенностей корпусов текстов по отношению к поисковым системам типа Гугл, а именно: см. [14].

Отметим также еще два момента, первое: требования современного АПА-стиля [15] диктуют, чтобы ссылки на эти ресурсы оформлялись согласно следующим требованиям: указать имя создателя ресурса (например, внутритекстовая ссылка на корпус British National Corpus выглядит как (Davies 2008-), поскольку создателем корпуса является М. Davies. После года создания корпуса следует дефис, означающий, что работа над корпусом продолжается и поныне), подробнее см. [16]. Согласно АПА-стилю в печатном тексте, напротив, неприемлема полная ссылка на электронный ресурс. Второе, студентов необходимо обеспечить полным алгоритмом взаимодействия, например, с базой Гугл и ее возможностями, в том числе в сопоставлении с возможностями корпусов текстов, в целях лингвистического исследования. Это главным образом касается разработки алгоритма поиска материала, а также понимания возможностей ресурса.

3.1. Поисковые ресурсы

Возможности ресурсов типа Гугл с точки зрения решения задач поиска информации для целей лингвистического исследования только начинают осваиваться лингвистикой и нуждаются в проработке в том смысле, что данная задача требует разработки формализации критериев поиска и его алгоритмизации. Часто – обычно при поиске синтаксических развернутых структур – бывает недостаточно задать лексические маркеры. В таких случаях помогает созданная в самой системе нотация для формального поиска, однако может быть недостаточно и этого.

Создание алгоритма поиска в сложных случаях делегируется научному руководителю студента. Рассмотрим в качестве примера тему исследовательской работы студента, посвященной анализу метонимического англо-русского перевода (на примере выборки произведений современной литературы). Речь идет о «сложной» переводческой метонимии, например, типа обстоятельственной или причинно-следственной в области предиката: так, высказывание *he was out*, требующее метонимического причинно-следственного преобразования – *он вышел* или *he struggled for words*, как обстоятельственная метонимия, может переводиться как *он с трудом подбирал слова / он затруднялся в выборе слов* [17]. В таком случае возникает проблема критериев поиска материала в данных поисковых системах: неясно, как задавать поиск, нет однозначных лексических маркеров. Здесь возможно разработать пошаговый алгоритм поиска – например, в данном случае можно предложить набор лексических маркеров из работы по антонимическому переводу [18], поскольку антонимический перевод по определению метонимичен: так, высказывание *he was sitting by the window oblivious to what was going on around him* будет переводиться антонимически, предикатом в отрицательной форме – *он сидел у окна, не замечая, что происходит вокруг*.

Набор глаголов и существительных в данной работе позволяет задать поиск через лексические маркеры. Далее можно обратиться к идеографическим словарям, например, типа словаря под редакцией Л.Г. Бабенко [19], и сходные словари английского языка, где представлены семантические группы единиц, например, глаголы движения, которые часто подвергаются метонимизации при переводе, а также метонимически представлять различные процессы, неслучайно связанные с движением.

Иными словами и в таких случаях в принципе также возможно задать поиск единиц анализа, «вручную» далее отфильтровывая релевантные примеры.

3.2. Исследовательский потенциал сетевых ресурсов

Рассмотрим исследовательские возможности цифровых систем, или *research engines*. В качестве таковых можно использовать те же системы, однако уже в экспериментальном формате. Иными словами, вместо носителя языка можно использовать системы больших данных (*big data*) в качестве коллективного информанта. Более того, как показано в работе [20], запрос в Гугл или Яндекс при изучении, например, порядка следования определений в атрибутивной группе в английских словосочетаниях позволяет получить также и культурологически релевантные знания, определяя значимость культурных представлений. Иными словами, вместо того, чтобы опрашивать информантов-носителей языка в семантическом эксперименте о правильности / неправильности предлагаемых высказываний можно направить запрос на исследуемое сочетание в базы данных, получить статистические данные об употребляемости / неупотребляемости запрашиваемого словосочетания. Таким образом, закон больших чисел позволяет верифицировать постулируемую гипотезу. Проблема в таком случае возникает с анализом сложных синтаксических структур, которые слабо маркированы лексически и синтаксически, что составляет отдельную методологическую задачу, которая ждет своего решения.

3.3. Интерактивные сетевые ресурсы

Данный тип ресурсов представляе собой разнородные системы.

Так, платформа *Mentimeter.com* предлагает бесплатный доступ к системе создания опросов в интерактивном режиме. Опросы могут проводиться как анонимно, так и с указанием данных отвечающего. Например, в рамках занятия преподаватель предлагает студентам с помощью телефона (что мгновенно повышает мотивацию студента, поскольку легитимирует пользование «запретным» ресурсом) войти на сайт *menti.com* и ввести код, который система сформировала для каждой отдельной презентации. Студенты отвечают на появившийся после введения кода вопрос, а результаты опроса с ответами других коллег появляются в интерактивном режиме на экране компьютера в аудитории, причем в различных. Регулярная работа с данной системой показала, что наиболее привлекательны форматом для студентов является облако слов.

Преимущество платформы состоит не только в том, что за рекордно короткие сроки пользователь получает возможность узнать мнение всех информантов, проверить их знания или ожидания и т. д., но и в том, что вы получаете письма на свой e-mail с предложением сохранить результаты опроса в формате pdf.

Пройдя по ссылке <https://www.mentimeter.com/how-to>, можно узнать о дополнительных возможностях создания опросов на сайте, а также просмотреть видеоэкскурсию с подробным описанием процесса создания опросов.

С одной стороны, данный ресурс позволяет производить разнообразные опросы, в частности идеально подходит под задачи ассоциативного психолингвистического эксперимента, при этом исследователь мгновенно подучает результат в любом их возможных форматах (общим числом 12), предоставляемых данным ресурсом – облака, *pie-chart*, *donut-chart*, *bar-chart*, в виде графика и др., что придает дополнительное разнообразие работе.

3.4. Сетевые технологии: студенческий блог

Создание студенческого блога как интерактивного сетевого ресурса

Преподаватели кафедры языкознания и переводоведения создали два блога на бесплатной образовательной платформе *Edublog.org* в образовательных целях. Функционирование студенческого блога осуществляется под руководством двух администраторов из числа студентов,

тогда как блог преподавателей пополняется публикациями профессорско-преподавательского состава кафедры и курируется преподавателем (см./: <https://edublogs.org/?join-invite-code=7190279-65>). Отметим принципиальное отличие образовательных блогов от блогов, посвященных различным этапам/событиям жизни отдельных блогеров. В задачи образовательного блога входит распространение профессионально значимых знаний. Более того, подобные блоги помогают студентам развивать навыки профессиональной коммуникации и профессионально релевантные навыки, которые они приобретают в процессе написания статей для блога, а также в процессе чтения рефлексивных статей своих коллег, посвященных анализу переводческого опыта, опыта применения цифровых технологий в лингвистических исследованиях. Рубрики преподавательского и студенческого блогов в какой-то степени повторяют друг друга: *Academic Chances, Academic Faces, Academic Tips, Academic Sharing, Academic Events, Academic Classroom English* и другие [21].

Вывод

Таким образом, дидактический современный формат основан на учете особенности образовательной среды и обусловленной ей спецификой восприятия информации современными студентами и разработанными в этой связи разнообразными форматами обучения, *active learning, a few-shots learning, project-based learning*. Общий принцип состоит в переключении с пассивного восприятия на активное взаимодействие на занятии и далее на решение практической задачи.

Востребованность в современных сетевых технологиях для образовательного пространства обуславливает необходимость дальнейшего поиска и апробации разнообразных ресурсов – поисковых, исследовательских и интерактивных, которые эволюционно перспективны в образовательном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Константинов А.** Цифророжденные. Александр Кулешов о приметах будущего, цифровом интеллекте и поколении Z – людях, воспитанных гаджетами // Журнал Кот Шрёдингера. Вып. 1-2 (39-40), 2018. Режим доступа: <https://kot.sh/statya/3821/cifrorozhdyonnye>
2. **Swanzen R.** Facing the generation chasm: the parenting and teaching of generations Y and Z. *International Journal of Child, Youth and Family Studies*. (2018).
3. **Jain A.** Don't teach me, let me learn! Millennial learning // *IMJ*. Vol. 8. Issue 1. 2016. P. 60-67. Retrieved from www.iimidr.ac.in > uploads > Vol8-1-DTM.
4. **Cleyle S., Partridge H., Hallam G.** Educating the millennial generation for evidence based information practice. *Library Hi Tech*. 2006. 24 (3) 400-419.
5. **Feng S., Duarte M.F.** Few-shot learning-based human activity recognition, *Expert Systems with Applications*, Volume 138, 30 December 2019.
6. **Kimura A., Ghahramani Z., Takeuchi K., Iwata T., Ueda N.** Few-shot learning of neural networks from scratch by pseudo example optimization”, 2018. Retrieved from: <https://arxiv.org/abs/1802.03039>. (дата обращения: 23.12.2020).
7. **Xiao Y., Chang Z., Liu B.** An efficient active learning method for multi-task learning // *Knowledge-Based Systems*. Vol. 190, 2020. <https://DOI.org/10.1016/j.knosys.2019.105137> (дата обращения 25.02.2020).
8. **Suleimanova O., Yaremenko V., Vodyanitskaya A.** Combining Project-Based Learning and Role Play in Synergetic Teaching, *Iceri2018 Proceedings*, pp. 10414-10419.
9. European Master's in Translation Competence Framework 2017. Retrieved from: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fw_k_2017_en_web.pdf (дата обращения: 25.02.2020).
10. **Сулейманова О.А.** К вопросу о нормативности письменного академического дискурса. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. №2 (26). С. 52-61.
11. В многомерном пространстве современной лингвистики. Сборник работ молодых ученых к 25-летию МГПУ. Под ред. О.А. Сулеймановой. М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2019. 436 с.

12. **Чернявская В.Е.** Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности Российского университета 3.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. №58. С. 97-114.
13. **Чернявская В.Е.** Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. №2. С. 31-37.
14. **Diemer S.** Corpus linguistics with Google. Retrieved from: <https://www.bu.edu/isle/files/2012/01/Stefan-Diemer-Corpus-Linguistics-withGoogle.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).
15. APA Style 2020 – APA Style and Grammar Guidelines. Retrieved from <https://apastyle.apa.org/>. (дата обращения 12.01.2020).
16. How do I Cite Corpora – Retrieved from <https://www.english-corpora.org/faq.asp>
17. Грамматические аспекты перевода / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова, Н.В. Лягушкина, В.И. Яременко. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 240 с.
18. **Палажченко П.Р.** Отрицание английское и русское // Мосты, №3 (39). 2013. С. 30-41.
19. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Под ред. Л.Г. Бабенко М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
20. **Сулейманова О.А., Петрова И.М.** Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. 2018. №3. С. 52-64.
21. **Suleimanova O., Guseinova I., Vodyanitskaya A.** The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science, 2020 (in print).

Статья поступила в редакцию 27.01.2020 г.

REFERENCES

- [1]. **A. Konstantinov**, Cifrozhdennyye. Aleksandr Kuleshov o primetah buduschego, cifrovom intellekte i pokolenii Z – lyudyah, vospitannyh gadzhetami [Born digital. Aleksander Kuleshov on the future, digital intelligence and Generation Z – people who were bought up by gadgets], Zhurnal Kot Shredingera, 1-2 (39-40), (2018). Retrieved from: <https://kot.sh/statya/3821/cifrozhdennyie>
- [2]. **R. Swanzen**, Facing the generation chasm: the parenting and teaching of generations Y and Z. International Journal of Child, Youth and Family Studies. (2018).
- [3]. **A. Jain**, Don't teach me, let me learn! Millennial learning // IMJ. Vol. 8. Issue 1. 2016. P. 60-67. Retrieved from [www.iimidr.ac.in > uploads > Vol8-1-DTM](http://www.iimidr.ac.in/uploads/Vol8-1-DTM).
- [4]. **S. Cleyle, H. Partridge, G. Hallam**, Educating the millennial generation for evidence based information practice. Library Hi Tech, 24 (3) (2006), P. 400-419.
- [5]. **S. Feng, M.F. Duarte**, Few-shot learning-based human activity recognition, Expert Systems with Applications, 138 (2019).
- [6]. **A. Kimura, Z. Ghahramani, K. Takeuchi, T. Iwata, N. Ueda**, Few-shot learning of neural networks from scratch by pseudo example optimization, 2018. Retrieved from: <https://arxiv.org/abs/1802.03039>. (accessed: 23.12.2020).
- [7]. **Y. Xiao, Z. Chang, B. Liu**, An efficient active learning method for multi-task learning Knowledge-Based Systems, 190 (2020), <https://doi.org/10.1016/j.knosys.2019.105137> (accessed: 25.02.2020).
- [8]. **O. Suleimanova, V. Yaremenko, A. Vodyanitskaya**, Combining Project-Based Learning and Role Play in Synergetic Teaching, Iceri2018 Proceedings, pp. 10414-10419.
- [9]. European Master's in Translation Competence Framework 2017. Retrieved from: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fw_2017_en_web.pdf (accessed: 25.02.2020).
- [10]. **O.A. Suleimanova**, K voprosu o normativnosti pis'mennogo akademicheskogo diskursa [On the norms of written academic discourse], Vestnik Moskovskogo Pedagogicheskogo Universiteta, Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie, №2 (26), (2017), P. 52-61.
- [11]. V mnogomernom prostranstve sovremennoj lingvistiki. [In the multidimensional space of contemporary linguistics]. The papers of young scientists devoted to honour the 25th anniversary of Moscow City University O.A. Suleimanova (Editor). M.: MGPU; Yazyki Narodov Mira, 2019. 436 s.
- [12]. **V.E. Chernyavskaya**, Korpusno-orientirovannyj diskursivnyj analiz identichnosti Rossijskogo universiteta 3.0 [Corpus-oriented discourse analysis of Russian 3.0 University identity], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologija, 58 (2019), P. 97-114.

[13]. **V.E. Chernyavskaya**, Diskursivnyj analiz i korpusnye metody: neobhodimoe dokazatel'noe zveno? Ob`yasnitel'nye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podhodov [Discourse analysis and corpora methods: a necessary way to prove theories? Explanatory potential of a quality and a quantity approaches], Kognitivnaja Lingvistika, 2 (2018). P. 31-37.

[14]. **S. Diemer**, Corpus linguistics with Google. Retrieved from: <https://www.bu.edu/isle/files/2012/01/Stefan-Diemer-Corpus-Linguistics-withGoogle.pdf> (accessed: 25.02.2020).

[15]. APA Style 2020 – APA Style and Grammar Guidelines. Retrieved from <https://apastyle.apa.org/>. (accessed: 12.01.2020).

[16]. How do I Cite Corpora – Retrieved from <https://www.english-corpora.org/faq.asp>

[17]. Grammaticheskie aspekty perevoda [Grammar Aspects of Translation] / O.A. Suleimanova, N.N. Beklemesheva, K.S. Kardanova, N.V. Lyagushkina, V.I. Yaremenko. M.: «Academia», 2012. 240 p.

[18]. **P.R. Palazhchenko**, Otricanie anglijskoe i russkoe [Negation in Russian and in English], Mosty, 39 (2013). P. 30-41.

[19]. Tolkovyj slovar' russkih glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie `ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy. [Explanatory Dictionary of Russian Vnglish Equivalents. Synonyms. Antonyms] L.G. Babenko (Editor). M.: AST-PRESS, 1999. 704 p.

[20]. **O.A. Suleimanova, I.M. Petrova**, Eksplanatornyj potencial teorii klassov dlya lingvisticheskogo issledovaniya: poryadok sledovaniya opredelenij [Explanatory potential of the theory of classes for a linguistic research], Filologiya: nauchnye issledovaniya, 3 (2008), 52-64. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.26758. Retrieved from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26758

[21]. **O. Suleimanova, I. Guseinova, A. Vodyanitskaya**, The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science, 2020 (in print).

Received 27.01.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Сулейманова Ольга Аркадьевна

Suleimanova Olga A.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Водяницкая Альбина Александровна

Vodyanitskaya Albina A.

E-mail: avodyanickaya@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020

DOI: 10.18721/JHSS.11108

УДК: 316.3:37.032.5

АНАЛИЗ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.Г. Поздеева¹, Н.С. Назарова²

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Маркетинговое агентство ЕС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность исследования готовности студентов к предпринимательской деятельности обусловлена выявлением потенциала активности студентов и их ориентации на предпринимательство в современных рыночных условиях, задающих режим повышенной динамики. Целями исследования выступили анализ факторов влияния на потенциал готовности студентов к предпринимательству, в частности роли образовательной среды вуза, а также определение контуров личностного портрета будущего предпринимателя, который складывается в представлениях студентов-политехников в процессе обучения. Результаты проведенного социологического исследования среди студентов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (апрель-май 2019, методы – онлайн-опрос и фокус-группа) позволили установить существенный потенциал готовности, который связан с возрастающим интересом студентов к предпринимательству, потребностью в получении актуальных знаний и практических навыков в этой сфере, ценностными и этическими аспектами готовности. Опрос показал, что практически половина студентов планирует заниматься предпринимательством, почти четверть опрошенных уже имеют опыт ведения собственного дела. Опросы позволили выявить позитивную связь поведенческого типа с намерениями заниматься предпринимательством. По мнению студентов, университет активно способствует развитию навыков работы с информацией, стрессоустойчивости, трудолюбию и целеустремленности, способности нести ответственность за собственные действия. Однако минимальным пока представляется вклад вуза в стимулирование таких качеств, как умение убеждать, готовность идти на риск, дальновидность. На основе исследования делается вывод о повышении роли образовательной среды вуза, которая переживает этап трансформации социальных действий. Отношения между вузом и студентами сегодня отличаются высоким уровнем коммуникативной плотности и повышенной температурой взаимных ожиданий по поддержанию активности, предприимчивости и развитию ориентации на изменения, что предполагает нацеленность на профессионализм, ответственность, готовность идти на риск, креативность, а также навыки самоорганизации. В отражении протекания этих процессов ключевую роль играют социологические исследования, позволяющие осуществлять обратную связь и проводить актуальные измерения.

Ключевые слова: студенчество, готовность к предпринимательской деятельности, потенциал активности студентов, образовательная среда вуза, личностное развитие, опыт предпринимательства

Ссылка при цитировании: Поздеева Е.Г., Назарова Н.С. Анализ готовности студентов политехнического университета к предпринимательской деятельности // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, №1. С. 100-114. DOI: 10.18721/JHSS.11108

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

ANALYSIS OF READINESS OF STUDENTS OF THE POLYTECHNICAL UNIVERSITY TO ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

E.G. Pozdeeva¹, N.S. Nazarova²

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

²ES Marketing Agency, St. Petersburg, Russian Federation

The relevance of the study of students' readiness for entrepreneurial activity is due to the identification of the students' activity potential and their orientation toward entrepreneurship in modern market conditions that set the regime of increased dynamics. The objectives of the study were the analysis of factors influencing the potential of students' readiness for entrepreneurship, in particular the role of the educational environment of the university, as well as determining the contours of the personal portrait of the future entrepreneur, which is formed in the representations of polytechnic students in the learning process. The results of a sociological study among students of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (April-May 2019, methods — online survey and focus group) made it possible to establish a significant potential for readiness, which is associated with the growing interest of students in entrepreneurship, the need for relevant knowledge and practical skills in this area, value and ethical aspects of preparedness. The survey showed that almost half of the students plan to do business, almost a quarter of the respondents already have experience in running their own business. Surveys revealed a positive relationship between the behavioral type and intentions to engage in entrepreneurship. According to students, the university actively promotes the development of skills in working with information, stress tolerance, diligence and determination, the ability to be responsible for their own actions. Relations between the university and students today are characterized by a high level of communicative density and an increased temperature of mutual expectations for maintaining activity, enterprise and developing a change orientation, which implies a focus on professionalism, responsibility, willingness to take risks, creativity, as well as self-organization skills. In reflecting the course of these processes, a key role is played by sociological studies that allow for feedback and current measurements.

Keywords: students, readiness for entrepreneurial activity, student activity potential, educational environment of a university, personal development, entrepreneurial experience

Citation: E.G. Pozdeeva, S. Nazarova, Analysis of readiness of students of the Polytechnical University to entrepreneurial activity, Society. Communication. Education, 11 (1) (2020) 100-114. DOI: 10.18721/JHSS.11108

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Введение

Одной из важнейших характеристик молодежи, и прежде всего студенчества, является готовность к активной продуктивной деятельности, нацеленной на позитивные изменения. На формирование этой способности строителя будущего направлена система институтов, отвечающих за личностное становление, интеллектуальное развитие, адаптивные способности и навыки инновационной деятельности. В современных условиях динамичного рынка квинтэссенцией готовности студенчества к будущей деятельности становится не только их профессиональная компетентность и умение ориентироваться в рыночных условиях, но и готовность к предпринимательской деятельности, связанная с навыками поиска и создания собственной ниши, с успехами продвижения в конкурентном пространстве. Эта задача поставлена и решается вузами, которые стремятся расширить предлагаемый спектр видов деятельности в рамках освоения образовательных программ, обеспечить поддержку молодежной инициативы, проектов, задающих компетентностные ориентиры в соответствии с динамикой рыночной ситуации, и таким образом развивающих образовательную среду [1-3].

Постановка проблемы

Проблема личностной готовности студенчества к предпринимательству на сегодняшний день в большей степени разработана в социально-психологической и педагогической плоскости, нежели в рамках социологических подходов. Это обуславливает необходимость социологических исследований, так как социологические опросы направлены на то, чтобы давать обратную связь вузам для корректировки образовательной политики, а сами студенты заинтересованы в повышении компетенций, необходимых для освоения современных моделей успешного рыночного поведения. Актуальность социологического изучения предпринимательских намерений студентов связана и с наблюдаемой высокой динамикой интереса российского студенчества к предпринимательству, продиктованного их стремлением к самореализации и развитию перспективных профессиональных траекторий [4]. Предпринимательские ориентиры молодежи складываются

в непростых исторических условиях, еще не преодолены барьеры, связанные со стереотипами негативного отношения общества к бизнесу и к фигуре предпринимателя. Однако уже сложились позитивные тенденции, приветствующие активность и предприимчивость. Так, по данным исследования «Предпринимательство и самозанятость в России», проведенного ВЦИОМом в феврале 2017 года, положительно относятся к малому и среднему бизнесу 93% россиян. В сравнении с 2007 г. доля скептически настроенных снизилась, а доля положительных настроенных выросла с 21% до 41% [5]. Рост интереса молодежи к предпринимательству в период учебы набирает силу. Доля тех, кто сам хотел бы открыть свое дело, среди 18-24-летних составляет 52%, правда, она убывает с возрастом. Результаты опросов молодежи о проблемах, препятствующих предпринимательской активности, показали, что большинство из них озадачены отсутствием стартового капитала (56,4%) и недостаточными знаниями в области создания бизнеса (22,3%) [6, с. 49]. Знаниевые и деятельностные компетенции лежат в основе совершенствующихся образовательных стандартов, однако без серьезной поддержки вуза студенту, ориентированному на предпринимательскую деятельность, трудно достичь успешных результатов.

Целью исследования является выявление на основе социологического анализа факторов влияния и оценка потенциала готовности студентов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого к предпринимательской деятельности, сложившегося и поддерживаемого образовательной средой вуза.

Готовность студентов к предпринимательской деятельности анализируется сегодня с позиций сущности предпринимательства, личности предпринимателя и его характеристик, формируемой в процессе обучения готовности к предпринимательству, факторов влияния на готовность к ответственному поведению [7, 8]. Сущность готовности, зафиксированная в толковом словаре, трактуется как активно-действенное состояние субъекта, установка, направленная на выполнение того или иного действия, желание содействовать чему-либо. Состояние готовности предполагает наличие у субъекта определенных знаний, умений, навыков для совершения определенных действий [9].

В системе основных структурных составляющих готовности личности выделяют созидательность, осознанную жизненную позицию, активность по отношению к объектам внешней среды, способность к совместной деятельности [10]. Формируемая сложная структура социально-психологической готовности раскрывается как интегральное образование, имеющее мотивационные, эмоциональные, личностные и интегративные компоненты [11]. Проблемой, связанной с формированием склонности личности к предпринимательской деятельности, является достижение и закрепление длительной готовности как устойчивой характеристики личности, раскрывающейся через позитивное отношение к предпринимательской деятельности в совокупности с мотивацией, способностями, знаниями и навыками. Эта психологическая составляющая выступает основой для социальных черт предпринимательского типа, отличающегося готовностью к риску и ответственности за результаты своей активности, способностью выйти за рамки сложившихся форм организации, формировать, удовлетворять и прогнозировать новые потребности общества [12].

Известно, что поведение предпринимателя в определенной степени обусловлено действием совокупности общественных институтов, поэтому нельзя не признать важности незавершенного процесса институционализации предпринимательской среды, недостаточную разработанность и закреплённость норм и кодексов поведения, образа жизни и имиджевых аспектов предпринимателя [13].

В поведенческих концепциях с позиций теории запланированного поведения готовность к предпринимательской деятельности обосновывается через намерения [14], формируемые под воздействием трех факторов: индивидуального отношения к предпринимательскому поведению, понимания норм и восприятия поведенческого контроля. Этот подход подчеркивает самостоятельность выбора субъекта и конструирование им собственного жизненного пути. Система элементов личностной готовности к предпринимательской деятельности имеет сложную структуру [15], ее составными частями выступают: психологический фундамент сформированного у субъекта выбора

предпринимательства как способа самодостаточного и ответственного распоряжения собственной жизнью; ориентационную подсистему, отражающую то, насколько субъект видит себя в ней; подсистему, интегрирующую знания, умения, способности, необходимые для предпринимательской деятельности, делового общения и обеспечивающую гибкость и многовариантность поведения.

На формирование готовности к предпринимательству оказывает влияние внешняя среда, коллективный и индивидуальный опыт. Это определяет оптику исследования готовности в сочетании трех аспектов: взаимодействие с внешней средой; осознание специфики и готовности заняться предпринимательской деятельностью; наличие особых личностных характеристик [16]. Психологическая готовность может быть определена как мобилизованность всех ресурсов личности для успешного выполнения предпринимательских задач [17]. Потенциал готовности возникает на пересечении действия трех полей психологического пространства личности – достижительной мотивации, установки на саморазвитие и поведенческой готовности к рыночным условиям. Совершенно очевидно, что готовность к предпринимательству предполагает рациональный тип отношения к людям, а также коммуникативный поворот в сторону признания ценности партнерства, самооценку и умение работать над собой, признание значимой роли ответственности.

Готовность связана с потенциалом активности [18, 19], который находит свое проявление в осознаваемых и фиксируемых компетенциях, а также в применяемых поведенческих практиках. Развитие компетенций обеспечивает сфера образования, регламентируя их и легитимируя с помощью соответствующих дипломов и сертификатов. Поэтому выявление готовности является прямой задачей вузов. Кроме того, вузы располагают системой инструментов воздействия и активизации потенциала студентов через развитие образовательной среды [20], коммуникативного пространства в процессе обучения и вне его. Воздействие вуза в направлении формирования готовности к предпринимательству предполагает изменение отношения студента к жизни и пересмотр образа жизни. Потенциал готовности к предпринимательству строится на фундаменте личностных способностей, интереса к сфере предпринимательства, развиваемой активности, самоменеджмента и опирается на благоприятную и поддерживающую внешнюю среду. Это актуализирует вопрос о выявлении системы факторов образовательной среды и механизмов их действия.

Методология и методы исследования

Методологической основой выступает факторный анализ предпринимательской активности студентов. На предпринимательскую активность студентов оказывают воздействие четыре группы факторов: личные мотивы, образовательная среда, семья, социально-культурный контекст развития предпринимательства в целом [21]. Установлено, что наличие семейного бизнеса усиливает положительную связь предпринимательских намерений с активностью студентов в деле создания бизнеса. Поэтому в анализе предпринимательских намерений студентов важно увязать личностную составляющую, поведенческую основу (модели поведения предпринимателя) и контекстуальный аспект – влияние внешних факторов (семьи, университета). Если для включения психологической готовности своего рода триггером выступает готовность к риску, то социальная сторона готовности связана с воздействием среды.

Для студентов образовательная среда вуза обладает силой влияния, которая создает ценностный режим приоритета предпринимательской инициативы, поддерживающие условия, способствует приобретению необходимых знаний и навыков, развивает поведенческие установки, акцентируя примеры успешной предпринимательской и инновационной деятельности. На основе активной работы вуза в этом направлении происходит поддержка механизма перехода предпринимательских намерений студентов в активные действия. Особенно это заметно на примере инновационных университетов, реализующих принципы политехнического образования, соединяя достижения социогуманитарных и естественных наук с новейшими технологиями и техническими разработками.

Проведенное социологическое исследование было направлено на отработку гипотезы о влиянии университетской образовательной среды на формирование готовности к предпринимательству. Был проведен анализ установок студентов на приобретение компетенций в области предпринимательства и оценка реальной активности студентов. Важным аспектом выступала также самооценка личностных характеристик и готовности студентов к ответственному поведению, характеристика представлений студентов о роли ответственности в предпринимательском поведении.

Объектом исследования выступили студенты Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Методика предполагала анализ деятельности политехнического университета за последние несколько лет по созданию развивающей образовательной среды и ее совершенствованию в сторону предоставления студентам более широких возможностей вхождения в сферу предпринимательства. В качестве эмпирических методов были реализованы метод онлайн-анкетирования [22] и метод фокус-групп [23], применение которых позволило обобщить мнения студентов, выявить их предпочтения и ожидания по отношению к вузу, установить самооценку и видение перспективы будущего. Метод онлайн-анкетирования позволил студентам в удобное для них время в комфортной обстановке и с сохранением анонимности принять участие в исследовании, ответив на вопросы анкеты.

Результаты исследования

Социологический опрос был проведен в апреле-мае 2019 г. Выборка составила 380 человек (1,7% от общей численности обучающихся по программам высшего образования очной формы обучения в СПбПУ; доверительный уровень 95%). В опросе приняли участие 60% юношей и 40% девушек. Распределение по курсам и ступеням образования представлено на рис. 1.

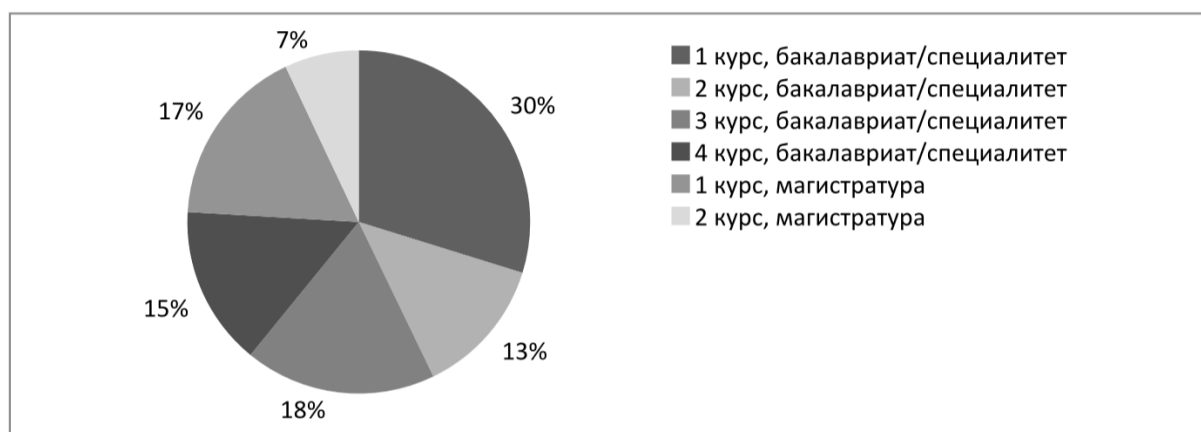

Рис. 1. Результаты распределения респондентов в соответствии с курсом обучения и образовательной ступенью

Fig. 1. The results of the distribution of respondents in accordance with the curriculum and educational level

На вопрос «Как вы относитесь к людям, которые занимаются предпринимательской деятельностью» больше половины респондентов (66%) ответили «положительно» и «скорее положительно». На вопрос об ассоциациях с предпринимательством треть респондентов (31%) в своих ответах связывают предпринимательство, в первую очередь, с материальными благами — «деньги, прибыль, прибыльное дело, выгодные сделки, стабильный доход, большая выручка, богатство, финансовая обеспеченность, «красивая» жизнь, товары и услуги». 23% студентов отметили, что хотели бы «добиться успеха, общественного признания», «лидерство, престиж, полезные связи, опыт, самореализация, насыщенная жизнь, развитие». К числу предпринимательских компетенций (18%) студенты отнесли: «ответственность, решительность, коммуникабельность, большая трудоспособность и выносливость, умение рисковать, стрессоустойчивость, креативность и гибкость ума, особый тип мышления, находчивость, уверенность в себе». Наряду с преимуществами студенты в ассоциативном ряду называли издержки, сопутствующие

предпринимательской деятельности (14%), – «*трудности, большие риски, нестабильная деятельность, внезапные проблемы, много работать, нервы, отсутствие отдыха, нехватка времени, непредсказуемость, высокие налоги, взятки, нести убытки от чиновников, обязательства перед государством*». При этом 10% ответов от общего числа ассоциаций связано с деятельностным аспектом предпринимательства, активной направленностью на преобразование внешней среды – «*изобретать, управлять всеми ресурсами, предлагать и воплощать идеи, совершенствовать свое дело, планировать бюджет, отслеживать положение дел на рынке, заключать сделки, вступать в сотрудничество, заботиться об окружающей среде, предлагать потребителям лучшее*». Малая доля ассоциаций (4%) описывает состояние автономности при занятии предпринимательской деятельности – «*независимость, свобода, работа на себя, самостоятельность, отсутствие вышестоящего начальства*». В целом, студенты воспринимают предпринимательство с преобладанием достоинств, нежели недостатков.

На вопрос «*Знакомы ли вы с людьми, у которых есть свой бизнес?*» 26,5% респондентов ответили, что предприниматели входят в число их знакомых; 20,5% опрошенных заявили, что в их семьях есть предприниматели. На сегодняшний день 2% студентов уже занимаются развитием своего дела и относят себя к числу бизнесменов. При этом 34% опрошенных отметили, что знакомые бизнесмены являются для них примером. Однако 51% респондентов ответили, что не имеют бизнесменов в кругу родственников и знакомых.

Среди всех опрошенных студентов 24% респондентов отметили, что имеют опыт в сфере предпринимательства, предполагающий не только собственное дело, но и участие в каком-либо предпринимательском проекте, помощь в разработке идеи, концепции, подборе команды и др. У подавляющего большинства студентов (76%) предпринимательского опыта пока нет. Было выявлено наличие статистической слабой взаимосвязи между имеющимся опытом и наличием у студентов бизнесменов в кругу знакомых (V -коэффициент Крамера = 0,248) (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление результатов по двум вопросам
Table 1. Comparison of results on two questions

Есть ли у вас опыт в сфере предпринимательства?	Знакомы ли вы с людьми, у которых есть свой бизнес?			Всего
	Да, это мой знакомый/родственник	Да, я сам предприниматель	Я не знаком с предпринимателями	
Да	51 чел. 13,5 %	8 чел. 2 %	32 чел. 8,5 %	91 чел. 24 %
Нет	128 чел. 15 %	–	161 чел. 42,5 %	289 чел. 76 %
Всего	179 чел. 47 %	8 чел. 2 %	193 чел. 51 %	380 чел. 100 %

На вопрос «*Планируете ли вы в будущем организовать/продолжить свой бизнес?*» 40,5% опрошенных отметили, что планируют организовать/продолжить свою предпринимательскую деятельность, 28% респондентов еще однозначно не определились и 31,5% респондентов ответили отрицательно. О намерении заняться в будущем предпринимательской деятельностью в большей степени высказались те, кто знакомы с предпринимателями. Такие планы характерны как для студентов старших курсов, так и младших. Среди тех, кто планирует в будущем заняться развитием своего дела, 11% – пока не знают, когда приступят к этому, а 10,5% студентов уже предпринимают усилия, примерно столько же (10%) полагают, что займутся предпринимательством, пока учатся в университете. А 6% студентов начнут развивать свой бизнес после того, как закончат университет, и 3% хотят для начала пройти специализированные курсы, а затем уже приступать к созданию и развитию своего дела. В противоположность этим намерениям, у 59,5% ответивших предпринимательства в планах нет.

Респондентам, которые планируют заняться предпринимательством, был задан вопрос, связанный с определением целей их предполагаемой деятельности. Результаты распределились следующим образом:

- «я хочу реализовать свои идеи, развиваться» – 31%;
- «я не хочу работать по найму» – 22%;
- «я хочу быть финансово независимым» – 21%;
- «я хочу воплотить в жизнь свою мечту» – 17,5%;
- «я хочу изменить жизнь людей к лучшему» – 9,5%;
- «это престижно» – 2,5%.

На открытый вопрос «Кто для вас является примером успешного предпринимателя?» около 45% всех респондентов ответили, что у них нет примера успешного предпринимателя. При этом 19% приводили в пример своих родственников и знакомых, поясняя, что эти люди добились успеха самостоятельно без чьей-либо помощи. 13,5% студентов называли Илона Маска, Стива Джобса и Павла Дурова. Вопрос о необходимых успешному предпринимателю качествах позволил выявить следующее: наименьший ранг набрали такие качества, как законопослушность и честность, образованность и профессионализм, расчетливость и экономность, умение убеждать, креативность. Наиболее важными качествами были названы трудолюбие и целеустремленность, способность нести ответственность за собственные действия, стрессоустойчивость. В средний диапазон оценок попали: навыки коммуникабельности, готовность идти на риск; изобретательность и смекалка; дальновидность.

Интерес представляет сопоставление качеств, развиваемых вузом, и качеств, необходимых предпринимателю (рис. 2).

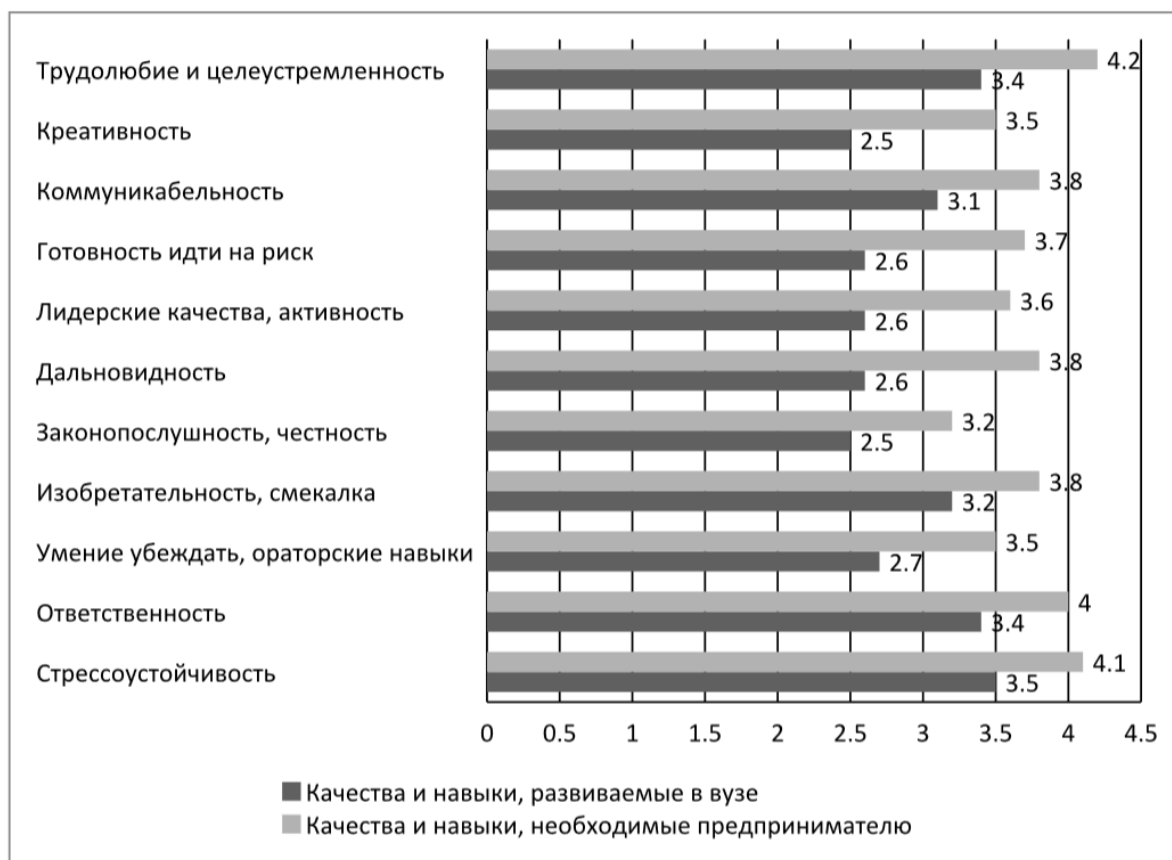

Рис. 2. Результаты сопоставления оценок предпринимательских качеств и навыков по средним значениям

Fig. 2. Results of comparison of assessments of entrepreneurial qualities and skills by average values

Можно заметить, что, по мнению студентов, образовательная среда вуза особенно активно способствует развитию навыков работы с информацией (3,6), стрессоустойчивости (3,5), трудолюбия и целеустремленности (4,2), способности нести ответственность за собственные действия (3,4).

Опрос позволил определить самооценку студентами уровня развития и обладания необходимыми для предпринимательства качествами (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какими качествами вы уже обладаете для того, чтобы заняться предпринимательской деятельностью?»

Качества и навыки	Доля респондентов (%)
Трудолюбие и целеустремленность	45
Коммуникабельность	40
Изобретательность и смекалка	31
Расчетливость, экономность	28,5
Готовность идти на риск, авантюризм	28
Лидерские качества, активность	27
Дальновидность	27
Законопослушность, честность	26,5
Стрессоустойчивость	26
Образованность	23
Креативность	21,5
Умение убеждать, ораторские навыки	19
Другое: системное мышление, готовность постоянно развиваться и учиться новому	8
Все вышеперечисленные качества	3

Наряду с этим студенты выразили озабоченность нехваткой знаний в определенных областях. В большей степени им не хватает юридических знаний (42,5%), знаний основ открытия и ведения собственного бизнеса (32,5%). Чуть менее четверти респондентов нуждается в более глубоких знаниях по маркетингу и менеджменту (23%) и бухгалтерскому учету (19%), меньше всего опрашиваемые заинтересованы в изучении иностранных языков (14%). 18,5% студентов нуждаются во всей вышеперечисленной информации, а четверть – не заинтересованы в освоении новых навыков, необходимых в предпринимательстве. Студенты отдельно отметили, что они хотели бы быть более профессиональными в области графического и веб-дизайна, настройки рекламы в интернете, а также им не хватает навыков самопрезентации, ведения деловых переговоров, налаживания профессиональных связей.

Вопрос, касающийся ключевого фактора психологической готовности к предпринимательству – способность идти на риск, показал, что половина респондентов выбрала вариант готовности к риску, 23% не выбрали риск, а 27% не смогли дать однозначный ответ. При этом, со следующим утверждением «Если есть риск потерпеть неудачу, то я предпочту отказаться от нового дела» – согласились 17% опрошенных в отличие от 37%, которые это категорически отвергли. Это свидетельствует о недостаточной психологической готовности студентов.

В противовес этому 90,5% респондентов проявили уверенность в том, что предпринимательство подразумевает личную ответственность. Профессиональную ответственность студенты связывают с дисциплиной, организованностью и умением укладываться в поставленные сроки (38,7%). Чуть меньше опрошенных относят ее к умению оценить последствия действий и поведения (32,3%), высокому качеством работы, самостоятельности и умению использовать имеющиеся в распоряжении ресурсы (32%), а также доведению процесса до желаемого результата.

В структуре ответственности студенты особо выделили: *навык держать все под контролем* – 51%; *умение распределить обязанности среди членов коллектива, группы, участников сети* – 45,3%; *умение предвидеть последствия принимаемых решений* – 37%; *стойкое переживание взлетов и падений, достижений и неудач* – 29%; *обучение и совершенствование навыков для минимизации возможных неудач* – 28,5%; *готовность помогать другим* – 18%; *доверие* – 8%.

Предложенное респондентам задание выбрать наиболее характерный им стиль делового подхода позволило составить следующий профиль (рис. 3):

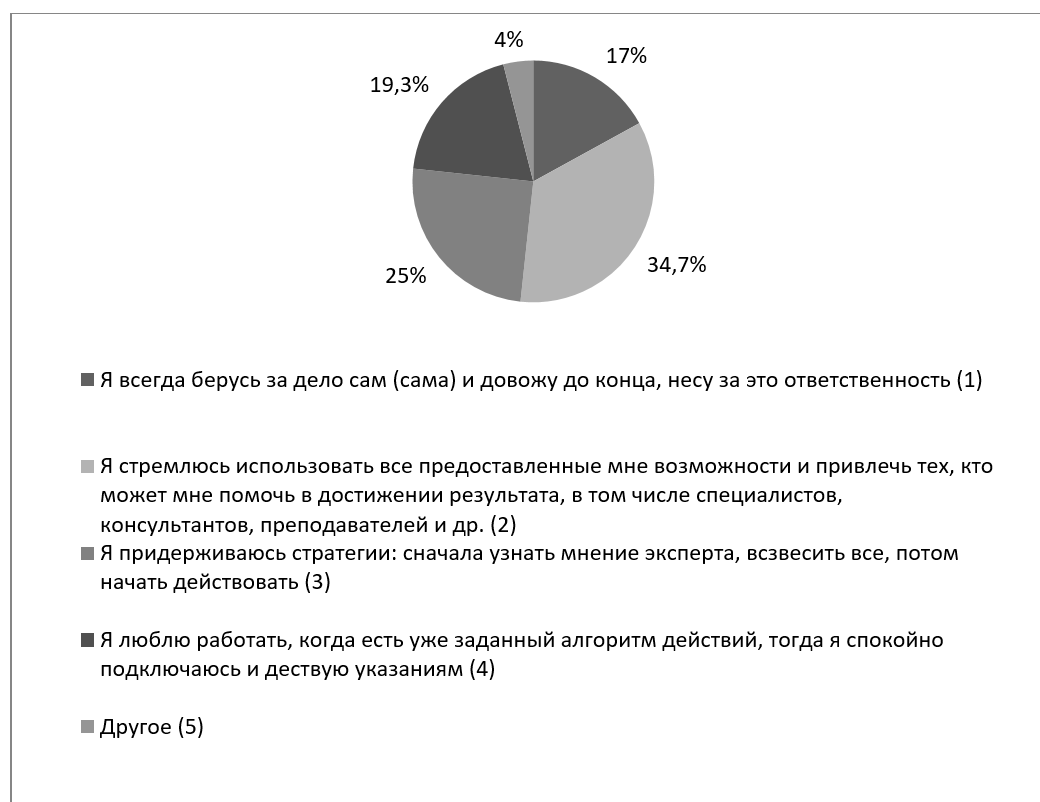

Рис. 3. Распределение ответов на задание «Дайте оценку своему подходу к работе (деловой позиции) и отметьте наиболее близкое вам суждение»

Fig. 3. Distribution of answers to the task “Evaluate your approach to work (business position) and note the closest judgment to you”

Наличие планов заняться предпринимательской деятельностью в будущем и типы делового поведения, являются детерминантами, которые определяют степень личностной и социальной зрелости предпринимателя. В связи с этим, была проверена сила взаимосвязи между двумя переменными (на основе V-коэффициент Крамера = 0,398). Это позволило увидеть четкую взаимосвязь планов заняться предпринимательской деятельностью с принципами самостоятельности и ответственности. Напротив, те, кто не планируют развивать свое дело, указали, что они предпочитают работать по заданному алгоритму и следовать чужим указаниям, либо выбирают другие, менее деловые, стратегии.

Важным для исследования был блок вопросов о влиянии внешних факторов (рис. 4). Наибольшее влияние на стремление включиться в предпринимательство, по мнению студентов, способна оказать поддержка со стороны государства (37,5%), налоговая система в России (27%), наличие слабой конкуренции в определенной отрасли (25%). Немаловажным является влияние следующих внешних факторов: поддержка со стороны университета (24%), уровень экономического развития страны (22%), наличие четких правил ведения бизнеса (21,5%).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие внешние факторы влияют на вашу готовность заниматься предпринимательской деятельностью?»

Fig. 4. Distribution of answers to the question “What external factors affect your willingness to engage in entrepreneurial activity?”

Среди факторов, которые негативно влияют на готовность студентов заниматься предпринимательской деятельностью, опрашиваемые наиболее часто отмечали: отсутствие необходимых знаний, умений и навыков (36%), недостаточность финансовых ресурсов (35,5%), отсутствие опыта (32%), отсутствие времени (29%) и идей (26%), высокое налоговое обложение (25%) (рис. 5). Среди собственных ответов респондентов, выраженных в открытой позиции, можно выделить следующее: негативное влияние бюрократической системы (бумажная волокита), высокие процентные ставки по кредитам, отсутствие «связей» и влиятельных знакомых, которые бы оказали помощь и поддержку на начальном этапе.

Осведомленность студентов о работе подразделений и мероприятиях, проводимых в университете, остается на среднем уровне: 69,5% респондентов знают Фаблаб Политех, 39% – технопарк «Политехнический», 35% – бизнес-инкубатор «Политехнический», 17% слышали о кейс-клубе СПбПУ. О городских организациях студенты осведомлены гораздо меньше. В рамках университета 12% студентов участвовали или продолжают участвовать в мероприятиях кейс-клуба СПбПУ, еще 6% – в конкурсе «Polytech Strascheg Award» и в деятельности Фаблаб Политех. Однако большинство студентов (82%) пока не являются активными участниками университетских мероприятий.

Проведенные в дополнение к опросу 4 фокус-группы со студентами гуманитарных и технических направлений во многом позволили подтвердить полученные результаты. Студенты положительно относятся к предпринимательству, считая эту деятельность активной, направленной на креативность, инновационность и вносящей ценный вклад в национальную экономику. Студенты отмечают, что сфера предпринимательства формирует запрос на субъекта, который обладает следующими качествами: *«ответственность, решительность, коммуникабельность, большая трудоспособность и выносливость, умение рисковать, стрессоустойчивость, креативность, смелость, особый тип мышления, находчивость, уверенность в себе»*.

В рамках группового обсуждения были сформулированы факторы, которые оказывают влияние на намерение студентов заниматься предпринимательской деятельностью. Это наличие/отсутствие уникальной идеи и определенной цели, без которой в принципе невозможно начать любое новое дело; наличие стартового капитала; нехватка свободного времени; личностные характеристики (решительность, смелость, целеустремленность, трудолюбие, способность идти на риск, ответственность и креативность). Студенты отметили, что организаторские способности, лидерские качества, активность и креативность развиваются больше в студенческих отрядах, на молодежных форумах и творческих мероприятиях, нежели в процессе обучения. По мнению студентов, влияние образовательной среды университета значительно, однако типичным барьером выступает недостаточная информация о деятельности организаций, оказывающих поддержку студенческим инициативам. Такие факторы, как экономико-политическая ситуация в стране, уровень конкуренции в определенной сфере, наличие поддержки со стороны государства, по мнению участников фокус-групп, играют второстепенную роль.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Какие факторы мешают вам заняться предпринимательской деятельностью?»

Fig. 5. Distribution of answers to the question “What factors prevent you from doing business?”

Выводы и заключение

Исследование показало, что определенная доля (24%) студентов-политехников характеризуется наличием опыта предпринимательской деятельности. На студентов повлиял положительный пример родственников и друзей, которые ведут свое дело. Отмечен преимущественный мотив самореализации, воплощения своих идей в жизнь, а также стремление к финансовой независимости и стабильности. Этим студентов отличает готовность к риску и наличие профессиональной ответственности, которая подразумевает умение грамотно распоряжаться имеющимися ресурсами и способностями, навыки оценки последствий своих действий и принятия взвешенных решений. В ходе социологического опроса выяснилось, что почти половина респондентов планируют в будущем заняться развитием своего дела и обладают высокими ожиданиями по отношению к образовательной среде университета, стремятся использовать доступные возможности внешней среды. Среди ориентированных на предпринимательство студентов небольшая доля (13%) намерена заниматься предпринимательством

уже во время учебы в университете. Эти студенты обладают потенциальным уровнем готовности к предпринимательской деятельности, который характеризуется следующими параметрами: они положительно относятся к предпринимательству, полагают, что предпринимательство — это престижно, дают взвешенную оценку собственным навыкам и знаниям, хотят добиться финансовой независимости и изменить жизнь людей к лучшему. В результате опроса было выявлено, что наличие намерений студентов заниматься предпринимательством коррелирует с активным поведенческим типом, которому свойственно начинать дело самостоятельно и нести за него полную ответственность (инициатор), либо для них характерно стремление использовать все предоставленные возможности и обращаться за помощью к компетентным специалистам (коммуникатор).

Однако обращает на себя внимание и то, что чуть больше трети всех респондентов либо не определились по поводу своих намерений относительно предпринимательской деятельности, либо пока не знают, когда приступят к развитию своего бизнеса. Для них характерны сомнения, неопределенность по поводу способности идти на риск, затруднения в оценке собственных знаний и навыков. Этим студентам характерен исполнительный тип поведения — они любят работать, когда есть уже заданный алгоритм действий, подключаясь и следуя указаниям.

Какими должны быть задачи вуза по формированию, поддержанию и развитию готовности студентов к предпринимательству — это проблема, лежащая в поле научных дискуссий. Представляется интересным подход, подчеркивающий исследование ролевых позиций и моделей в инженерном образовании [24], что позволило бы создать в университетской среде более благоприятную почву для развития специалиста нового типа. Сегодня, по мнению студентов, наиболее активно университет способствует развитию навыков работы с информацией, стрессоустойчивости, трудолюбия и целеустремленности, способности нести ответственность за собственные действия. Менее активную роль университета студенты видят в развитии изобретательности, смелости, коммуникабельности. Минимальный вклад вуза видится в стимулировании таких качеств, как умение убеждать, готовность идти на риск, дальновидность, законопослушность и честность. По словам студентов-активистов, креативность, организаторские способности, лидерские качества и активность зависят скорее от собственных усилий студента, в том числе и во внеучебной деятельности. В портрете будущего предпринимателя заметное место занимают ответственность и готовность идти на риск, а личностные качества не образуют пока стройной системы.

Это коррелирует с общей тенденцией, установленной социологами для российской молодежи, которая отражает факт того, что отношение не менее 80% молодежи к предпринимателям и предпринимательству однозначно положительное, и что молодежь в большей степени, чем представители старшего поколения, отличается преобладанием достижительной мотивации, и может быть охарактеризована через тип личности, готовой к индивидуальному риску в условиях конкурентной среды. Ей свойственно не бояться ставить задачи, которые требуют приложения усилий с их стороны [25, с. 220]. Это позволяет говорить об основах формирования новой протэлиты, ориентированной на самореализацию и обладающей множественными прожективными самоидентификациями, часто противоречивыми, но эмоционально сильными [26, с. 95].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Razinkina E., Pankova L., Trostinskaya I., Pozdeeva E., Eyseeva L., Tanova A. Students satisfaction as an element of education quality monitoring in innovative higher education institution // E3S Web of Conferences. D. Safarik, Y. Tabunschikov and V. Murgul (Eds.), 2018. Vol. 33, no. 03043. DOI: 10.1051/e3sconf/20183303043
2. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Колосова О.В. Пути снижения рисков при построении в России цифровой экономики. Образовательный аспект // Высшее образование в России. 2018. №2 (220). С. 5-18.
3. Минин М.Г., Полицинская Е.В., Лизунков В.Г. Готовность студентов технического вуза к предпринимательской деятельности // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. №10. С. 83-95. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-10-83-95

4. **Печерская Э.П.** Анализ факторов предпринимательской активности российских студентов и моделей их обучения // Научные труды SWorld. 2012. №2 (23). С. 55-60.
5. Предпринимательство и самозанятость в России. Пресс-выпуск №3314 от 27 февраля 2017 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116082> (дата обращения: 05.02.2020).
6. **Меркулов П.А.** Молодежное предпринимательство как фактор устойчивого социально-экономического роста // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №3 (12). С. 42-52.
7. **Хизрич Р., Питерс М.** Предпринимательство или как завести собственное дело и добиться успеха. М.: Прогресс-Универс, 1991. 160 с.
8. **Поздеева Е.Г., Тростинская И.Р., Евсеева Л.И.** Проблемы формирования профессиональной ответственности инженера в условиях современной инновационной деятельности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета. 2018. №3 (9). С. 57-65.
9. **Ожегов С.И.** Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.: Оникс, 2009. 1359 с.
10. **Магомедова Х.Н., Ханова З.Г.** Факторы, влияющие на формирование психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности // Научный потенциал. 2011. №4 (5). С. 74-80.
11. **Пуныко Н.Ю.** Структура социально-психологической готовности в процессе профессионального становления студентов в вузе // Мир науки. 2017. №2 (5). URL: <http://mir-nauki.com/PDF/35PDMN217.pdf> (дата обращения 29.01.2020).
12. **Солнцева Г.Н.** Предпринимательство: социальные функции, особенности деятельности и психологические детерминанты успешности // Психология. Журнал ВШЭ. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelstvo-sotsialnye-funktsii-osobennosti-deyatelnosti-i-psihologicheskie-determinanty-ushpeshnosti> (дата обращения: 13.03.2020).
13. **Московцев А.Ф., Юрова О.В.** Предпринимательство: основные черты и поведенческие стратегии // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион. 2010. №4. С. 102-110.
14. **Krueger N.F., Reilly M.D., Carsrud A.L.** Competing Models Of Entrepreneurial Intentions // Journal of Business Venturing. 2000. Vol. 15, no. 5-6, pp. 411-432. DOI: 10.1016/S0883-9026(98)00033-0
15. **Хашченко Т.Г.** Технология формирования психологической готовности к предпринимательской деятельности в аграрном вузе. Эмпирическое обоснование // Вестник ТГУ. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-formirovaniya-psihologicheskoy-gotovnosti-k-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-agrarnom-vuze-empiricheskoe-obosnovanie> (дата обращения: 13.03.2020).
16. **Геранюшкина Г.П.** Теоретические подходы к проблеме готовности к предпринимательской деятельности // Психология в экономике и управлении. 2014. №1. С. 50-53.
17. **Ханова З.Г.** Психологические особенности личностного и профессионального самоопределения предпринимателей // Вестник университета. 2014. №17. С. 342-346.
18. Факторы формирования предпринимательской активности студентов. 2-е изд. / Г.В. Широкова (науч. ред.); Т.В. Беляева, К.А. Богатырева, Д.М. Кнатько и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2017. 344 с.
19. **Щемелева И.И.** Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ // Социологические исследования. 2019. Том 45. №4. С. 133-141. DOI: 10.31857/S013216250004594-6
20. **Shipunova O., Berezovskaya I., Mureyko L., Evseev V., Evseeva L.** Personal intellectual potential in the e-culture Conditions. Revista ESPACIOS. Volume 39 (40), Page 15 (2018). DOI: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n40/18394015.html>
21. **Богатырёва К.А., Широкова Г.В.** От предпринимательских намерений – к созданию бизнеса: опыт российских студентов // Форсайт. 2017. №3 (11). С. 25-36.
22. **Стребков Д.О.** Познавательные возможности онлайн-опросов в российской исследовательской практике (на примере опроса Интернет-фрилансеров) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2010. №31. С. 135-161.
23. **Чеховский И.В.** Метод фокус-групп: этапы реализации исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. №4. С. 145-155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-fokus-grupp-etapy-realizatsii-issledovaniya> (дата обращения: 08.02.2020).
24. **Кругликов В.Н.** Приоритеты ролевых позиций специалистов технического университета

// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, №2. С. 87-97. DOI: 10.18721/JHSS.10208

25. **Горшков М.К., Шереги Ф.Э.** Российская молодежь в контексте социологического анализа. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с.

26. **Андреев А.Л.** Опыт изучения ментальных диспозиций протоэлитной среды // Социологические исследования. 2019. №5. С. 87-98.

Статья поступила в редакцию 20.01.2020 г.

REFERENCES

1. **E. Razinkina, L. Pankova, I. Trostinskaya, E. Pozdeeva, L. Evseeva, A. Tanova**, Studentsatisfaction as an element of education quality monitoring in innovative higher education institution, E3S Web of Conferences. D. Safarik, Y. Tabunschikov and V. Murgul (Eds.), 2018. Vol. 33, no. 03043. DOI: 10.1051/e3sconf/20183303043

2. **A.I. Rudskoy, A.I. Borovkov, P.I. Romanov, O.V. Kolosova**, Ways to reduce risks in building a digital economy in Russia. Educational aspect, Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2018. №2 (220) 5-18.

3. **M.G. Minin, E.V. Politsinskaya, V.G. Lizunkov**, Readiness of students of a technical university for entrepreneurial activity, Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 10 (2019) 83-95. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-10-83-95

4. **E.P. Pecherskaya**, Analysis of Factors of Entrepreneurial Activity of Russian Students and Models of Their Education, Nauchnyye trudy SWorld. 2(2012) 55-60.

5. Entrepreneurship and Self-Employment in Russia. Press Release No. 3314 Dated February 27, 2017, Russian Public Opinion Research Center. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116082> (accessed 05.02.2020).

6. **P.A. Merkulov**, Youth Entrepreneurship as a Factor of Sustainable Socioeconomic Growth, Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. 3 (2017) 42-52.

7. **R. Hisrich, M. Peters**, Entrepreneurship: Starting, Developing, and Managing a New Enterprise, Progress-Univers, Moscow, 1991.

8. **E.G. Pozdeeva, I.R. Trostinskaya, L.I. Evseeva**, Problems of Forming the Professional Responsibility of the Engineer in the Conditions of Modern Innovative Activity, Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. 3 (2018) 57-65. DOI: 10.18721/JHSS.9306

9. **S.I. Ozhegov**, Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100 000 Words, Terms and Phraseological Expressions, Oniks Publ., Moscow, 2009.

10. **Kh.N. Magomedova, Z.G. Khanova**, Factors affecting the formation of students' psychological readiness for entrepreneurial activity, Nauchnyy potentsial. 4 (5) (2011) 74-80.

11. **N.Yu. Punko**, Structure of Social and Psychological Readiness of Professional Formation of Students in Higher Education Institution, Mir nauki. 2 (2017). Available at: URL: <http://mir-nauki.com/PDF/35PDMN217.pdf> (accessed 29.01.2020).

12. **G.N. Solntseva**, Entrepreneurship: social functions, features of activity and psychological determinants of success, Psikhologiya. Zhurnal VSHE. 4 (2019). Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelstvo-sotsialnye-funktsii-osobennosti-deyatelnosti-i-psihologicheskie-determinanty-uspeshnosti> (accessed 13.03.2020).

13. **A.F. Moskovtsev, O.V. Yurova**, Entrepreneurship: Key Features and Behavioral Strategies, Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy: Povolzhskiy region. 4 (2010) 102-110.

14. **N.F. Krueger, M.D. Reilly, A.L. Carsrud**, Competing Models Of Entrepreneurial Intentions, Journal of Business Venturing. 5-6 (2000) 411-432. DOI: 10.1016/S0883-9026(98)00033-0

15. **T.G. Khashchenko**, The technology of formation of psychological readiness for entrepreneurial activity in an agricultural university. Empirical substantiation, Vestnik TGU. 4 (2011). Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-formirovaniya-psihologicheskoy-gotovnosti-k-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-agrarnom-vuze-empiricheskoe-obosnovanie> (accessed 30.01.2020).

16. **G.P. Geranyushkina**, Theoretical Approaches to the Problem of Readiness for Entrepreneurship, Psikhologiya v ekonomike i upravlenii. 1(2014) 50-53.

17. **Z.G. Khanova**, Psychological Characteristics of Personal and Professional Self-Determination of Businessmen, Vestnik universiteta. 17 (2014) 342-346.

18. Factors of formation of entrepreneurial activity of students. 2nd ed. / G.V. Shirokova (scientific ed.), Publishing house of S.-Petersburg. University, SPb., 2017.

19. **I. Shchemeleva**, Social activity of students: factor and cluster analysis, *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 4 (2019) 133-141. DOI: 10.31857/S013216250004594-6
20. **O. Shipunova, I. Berezovskaya, L. Mureyko, V. Evseev, L. Evseeva**, Personal intellectual potential in the e-culture Conditions. *Revista ESPACIOS*. Volume 39 (40), Page 15 (2018). DOI: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n40/18394015.html>
21. **K.A. Bogatyreva, G.V. Shirokova**, From Entrepreneurial Aspirations to Founding a Business: The Case of Russian Students, *Forsajt*.3 (2017). 25-36. DOI: 323/2500-2597.2017.3.25.36
22. **D.O. Strebkov**, Cognitive possibilities of online surveys in Russian research practice (by the example of a survey of Internet freelancers), *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye (4M)*. 31 (2010) 135-161.
23. **I.V. Chekhovskiy**, The method of focus groups: stages of the study, *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 4 (2012) 145-155. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-fokus-grupp-etapy-realizatsii-issledovaniya> (accessed 08.02.2020).
24. **V.N. Kruglikov**, Priorities of role positions of specialists of a technical university, *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. 2 (10) (2019) 87-97. DOI: 10.18721/JHSS.10208
25. **M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi**, Russian youth within the context of sociological analysis, Federal Scientific Research Center of RAS, Moscow, 2019.
26. **A.L. Andreyev**, Experience of Studying Mental Dispositions of the Protoelite Environment, *Sotsiologicheskiye issledovaniya* 5 (2019) 87-98. DOI: 10.31857/S013216250004961-0

Received 20.01.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Поздеева Елена Геннадиевна

Pozdeeva Elena G.

E-mail: elepozd@mail.ru

Назарова Наталья Сергеевна

Nazarova Natalya S.

E-mail: nazarovanatalya27@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2020